

796812

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, том 449

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ
XV — XVI вв.**

ВОЛОГДА

1969

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, том 449

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ
XV — XVI ВВ.**

796812

**ВОЛОГДА
1969**

*Том № 449 подготовлен кафедрой
истории Вологодского государственного
педагогического института*

Редактор — доктор исторических наук,
профессор А. С. БЛАНК

ОЧЕРК ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI вв.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОНЕМЕЦКИХ ТОРГОВЫХ
И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ)

ВВЕДЕНИЕ

Конец XV и все XVI столетие — это эпоха так называемого первоначального накопления и генезиса капитализма, зарождения и развития в ряде отраслей промышленности новых производственных отношений, являвшихся предтечей и началом современного капитализма.

Важность и необходимость исследования этой большой исторической проблемы не нуждается в особых разъяснениях. По мысли В. И. Ленина, главным при изучении начального этапа в истории капитализма является выяснение того, откуда и как именно он возникал¹. Перед автором настоящей работы стоит более узкая задача, а именно — пролить некоторый свет на роль и место купеческого или торгово-ростовщического капитала в развитии раннекапиталистических отношений, используя материалы южногерманских торгово-ростовщических и торгово-промышленных компаний. Выполнение этой задачи облегчается существованием в ту эпоху таких исторических антиподов торговых предприятий, как, с одной стороны, Большая Равенсбургская компания и аугсбургские торговые фирмы, с другой. По характеру своей деятельности первый тип компаний (Равенсбургская компания) являет собою яркий образец накопления ради на-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 380.

копления, тогда как второй тип (аугсбургские фирмы) может служить конкретным примером трансформации торговоростовщического капитала в промышленный капитал.

К. Маркс достаточно четко указал на то, что «торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще»². В то же время купеческий или торговый капитал, обладая известной самостоятельностью по отношению к существующему способу производства, возник задолго до появления капиталистических отношений. Сам по себе этот капитал не имеет ничего общего с капитализмом, хотя существование купеческого капитала в недрах феодальной общественно-экономической формации является определенным «...историческим условием для развития капиталистического способа производства 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому, что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли»³. Таким образом, сосредоточение денежных богатств в руках отдельных лиц было одним из тех необходимых условий, без которого невозможен первый толчок, положивший начало капиталистическому способу производства. Правда, при этом следует иметь в виду, что самостоятельное развитие торгового капитала, взятое вне связи с общим поступательным историческим движением, недостаточно для объяснения перехода от феодального способа производства к капиталистическому. Поэтому важнейшей задачей нашего исследования должно стать не реконструирование истории торгового капитала в качестве его первой самостоятельной и свободной формы, а изучение роли этого капитала в истории мануфактурного капитализма и генезиса раннекапиталистических отношений в промышленности.

К. Маркс указывает в «Капитале» на два возможных пути перехода от феодального способа производства к капитализму. Первый путь, когда «производитель становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цеховыми путями ремеслу средневековой городской промышленности. Это действительно революционный путь»⁴. Подобный путь развития был возможен только в том случае, когда цеховые ограничения и регламентация утратили свой первоначаль-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 370.

³ Там же, стр. 359.

⁴ Там же, стр. 367.

ный экономический и социальный смысл, а предприниматель, вышедший из среды мелких производителей, имел возможность не только выгодно продавать на рынке свою продукцию, но и покупать в качестве товара рабочую силу. Второй путь состоит в том, что «купец непосредственно подчиняет себе производство. Как ни велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени... все же этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку»⁵. Это тот случай, когда купец устанавливает безраздельное господство над производством, оставляя организацию последнего в старом виде. В этом случае купеческий капитал может играть и реакционную роль, становясь препятствием на пути прогрессивного развития. При таком варианте экономического развития отжившие отношения, искусственно поддерживаемые купеческим капиталом, гибнут по мере появления действительно капиталистических отношений.

Однако этим не исчерпываются исторические возможности купеческого капитала, и существует третий путь, когда «купец непосредственно становится промышленником»⁶. В «Дополнениях» к третьему тому «Капитала» Ф. Энгельс отмечает, что в таких отраслях промышленности как горнорудная, мореплавание и текстильная уже в период позднего средневековья было положено «начало существования промышленного капитала», хотя при этом он и указывает на «замкнутый, монопольно-корпоративный характер горных промыслов»⁷.

На первом этапе мануфактурного капитализма, т. е. в XV — первой половине XVII вв., когда купец почти повсеместно был господствующей фигурой в производстве, преобладали консервативные тенденции в развитии капиталистических форм хозяйства, что уже само по себе свидетельствует о весьма противоречивой исторической природе торгового капитала. Трансформация товарного производства, по словам К. Маркса, «становится капиталистическим процессом, деньги превращаются в капитал только в том случае, если 1) товарное производство... есть всеобщая форма производства; если 2) труд есть наемный труд; 3) если объ-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 367.

⁶ Там же, стр. 368—369.

⁷ Там же, т. 25, ч. 2, стр. 477—478.

ективные условия... сами продукты противостоят труду... как чужая собственность и таким образом по форме — как капитал»⁸. Но повсюду, где на историческую авансцену выступает купеческий капитал, мы сталкиваемся с большим или меньшим отклонением от того процесса, который логически мыслится как наиболее вероятный вариант.

Дело в том, что одновременно могут протекать два исторических процесса, конечные цели которых различны. Результатом процесса первоначального накопления является сосредоточение в руках немногих денежных богатств и средств производства и создание армии лишенных средств производства и существования экспроприированных мелких товаропроизводителей, в ходе которого имеет место зарождение раннекапиталистических форм хозяйства. Соединение этих двух во многих отношениях полярных процессов в целях организации производства, распределения и обмена и составляет сущность генезиса капитализма. Причем совершенно очевидно, что сама по себе концентрация денежных богатств в руках отдельных лиц далеко не всегда может быть бесспорным свидетельством в пользу существования капиталистических отношений, так как не менее важно отношение владельцев этих богатств к их создателям, т. е. характер производственных отношений и форм эксплуатации. И если прогрессивная роль купеческого капитала в процессе первоначального накопления ясна, то гораздо сложнее вопрос о его роли в создании новых капиталистических отношений. Двойственной природой торгового капитала в известной степени объясняется и тот факт, что в большинстве стран Западной Европы характер перехода к новому способу производства был весьма далеким от «простой смены формы», ибо экономическое и социальное воздействие купеческого или торгового капитала на историческую действительность происходило в двух направлениях: с одной стороны, этот капитал удерживал и сохранял консервативные тенденции в развитии производственных отношений, с другой, разрушал феодальный социально-экономический уклад, расчищал дорогу капиталистическим отношениям. Поэтому важно рассмотреть двойственную природу торгового капитала сквозь призму конкретного исторического материала.

Необходимо сделать и следующее предварительное заме-

---

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 3, стр. 515.

чание. В эпоху генезиса капитализма имеет место процесс эволюции рынка как категории простого товарного производства в категорию капиталистического хозяйства. Это превращение протекает при наличии трех основных условий: 1) когда рабочая сила превращается в товар и обращается на рынке труда в количестве, достаточном для ее систематического применения; 2) когда в сферу рыночного обращения втягиваются средства производства, в том числе и земля; 3) когда национальный рынок становится частью образующегося мирового рынка. Этот процесс получает вполне определенное выражение в социально-экономической жизни Западной Европы XV—XVI вв., хотя его завершение следует отнести к более позднему времени. О значении вышеназванных факторов свидетельствует и замечание К. Маркса о том, что «мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала»⁹.

Это обстоятельство имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования, так как радикальное изменение характера европейской торговли позволило аугсбургским компаниям вести торговые операции с невиданным до того времени размахом. Именно с конца XV в. особенно очевидной становится зависимость ряда отраслей промышленности, в том числе в Южной Германии, от экспортной торговли, ориентированной на продажу местной продукции в географически отдаленных пунктах и на ввоз сырья (например, конопли, льна и хлопка для нужд текстильной промышленности). Конечно, с подобным явлением мы сталкивались и раньше, т. е. в XIV—начале XV вв. И все же вправе говорить о принципиальной разнице между этими двумя эпохами европейской торговли, так как если раньше купец выступал в качестве регулирующей силы товарно-денежного обращения, то теперь само существование и развитие ряда отраслей текстильной промышленности и горнорудных промыслов зависит от инвестиций торгово-ростовщического капитала. Последнее в известной мере объясняет, почему купеческому капиталу удалось в конечном итоге овладеть командными позициями в этих отраслях промышленности. По этой причине исследование различных форм деятельности, организации и структуры торгово-ростовщических и торгово-промышленных компаний на материале источников представляет большой научный интерес.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 453—454.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

При написании настоящей работы автором использован довольно широкий круг источников, которые могут быть условно систематизированы на несколько типов. На характеристике каждого из этих типов или групп источников, по нашему мнению, следует остановиться особо.

1. Прежде всего необходимо выделить материалы, сообщающие сведения преимущественно экономического характера. Они представляют исключительный интерес, как для решения, например, вопроса о путях создания и развития купеческого капитала, сфере его приложения, о характере торговых связей между отдельными странами или различными районами той или иной страны недостаточно привлечение источников торгового права и городского законодательства. В этом случае необходимы источники другого рода и среди них наибольший интерес представляют торговые книги и торговая корреспонденция, вводящие нас в повседневную купеческую практику, повествующие о действительном положении вещей, тогда как законы и предписания того времени часто свидетельствовали не о том, что было на самом деле, а о том, что рисовалось их автором как нужное и полезное. Возможность статистической обработки материалов позволяет в ряде случаев проследить за развитием торговой и предпринимательской деятельности отдельных предприятий и благодаря этому бросить свет на те сдвиги, которые происходили в недрах европейской экономики того времени. Правда, в отличие от Италии, такие источники для Германии XV — начала XVI вв. очень скудны. До наших дней сохранилось лишь несколько торговых книг, которым близки по содержанию материалы Большой Равенсбургской компании.

В 1923 г. известный немецкий историк торговли А. Шульте опубликовал бумаги Равенсбургской компании¹, обнаруженные еще в 1909 г. в замке Залем в Южной

¹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft. 1380—1530—«Deutsche Handelsakten des Mittelalter und der Neuzeit» (В дальнейшем — DHMN), Bd. 3, Stuttgart u. Berlin, 1923.

Германии. Вместе с этими бумагами были опубликованы хранившиеся в архивах немецких, швейцарских и испанских городов источники, в которых содержатся сведения о южнонемецком торговом предприятии. Материалы Равенсбургской компании, являющиеся важным и интересным источником не только по истории южнонемецкой торговли, но и по истории европейской торговли вообще, включают в себя деловую переписку правления компании с ее факториями, отчеты о деятельности отдельных факторий, данные ревизий, проводимых руководством торгового предприятия, инструкции правления компании ее агентам и содержат сведения о характере торговых операций товарищества на рынках Нидерландов, Испании, Франции, Италии и на германских ярмарках во Франкфурте-на-Майне, Нюрнберге и Нердлингене. Хронологически бумаги компании охватывают очень большой период времени с 1380 по 1530 гг., сведения о котором, однако, носят отрывочный и эпизодический характер. Наиболее полно представлены материалы, относящиеся к 1472—1480, 1503—1507, 1510—1511 и 1527 гг. Но и они не позволяют воссоздать полную картину деятельности предприятия, так как содержат ничем не восполнимые лакуны. Указанное обстоятельство, конечно, не может умалить ценности торговых бумаг, хотя эту особенность источника необходимо иметь в виду.

Некоторые уточнения и коррективы в деятельность Большой Равенсбургской компании во Франкфурте-на-Майне вносят записи об операциях, которые были осуществлены купцом из Нюрнберга Мулихом на весенней ярмарке 1495 г. Эти торговые записи были опубликованы Ф. Реригом², который предпослал публикации источниковедческую статью.

Большой интерес представляют «Торговые обычаи мира»³, своего рода торговое руководство для южногерманских купцов конца XV — первой половины XVI вв., составленное большей частью богатым аугсбургским купцом Гансом Паумгартнером Младшим. Этот источник позволяет исследователю извлечь весьма ценные сведения о позиции

² F. Rörig. Das Einkaufsbüchlein der Nürnberg-Lübecker Mulichs aus der Frankfurter Fastenmesse der Jahres 1495. — «Wirtschaftskräfte im Mittelalter», Weimar, 1959.

³ Welthandelsbräuche, hg. K. O. Müller, DHMN, Bd. 5, Aufl. 2, Wiesbaden, 1962.

швабских купцов на европейских рынках, о системах мер и весов, курсе денежных единиц различных стран и даже областей. Для всех записок Паумгартнера характерен очень лаконичный и точный язык.

К этой же группе следует отнести такой любопытный источник, как «Дневник Луки Рема за 1494—1541 гг.»⁴. Дневник этого аугсбургского купца носит характер деловых записей и содержит сведения не только о купеческой карьере и об участии в торговых предприятиях его автора, но и о структуре капитала основанного братьями Ремами торгового товарищества. Особую ценность имеют данные источника о норме торговой прибыли компании Вельзера и торгового товарищества братьев Ремов. Отсюда же мы можем почерпнуть сведения о служащих фирмы Ремов и их положении.

«Инвентура фирмы Фуггеров за 1527 г.»⁵, которая еще в начале XV века была издана Я. Штридером, представляет собою опись всего движимого и недвижимого имущества, принадлежащего этому аугсбургскому торговому дому, его активов и пассивов. Инвентура позволяет исследователю извлечь ценные данные о характере торговой деятельности компании, ее участии как в ростовщических операциях, так и в горных предприятиях. Балансовые счета, завершающие опись, дают возможность судить о размере капитала компании. К сожалению, из целого ряда инвентур этого торгового дома опубликована лишь одна, что исключает возможность проследить за эволюцией деятельности компании по материалам такого ценного источника.

Важными источниками могут служить записки пробирных мастеров Кристиана и Себастиана Андорферов о поставках владельцами плавилен серебра монетному двору в Галле⁶ и записки, сделанные в фактории Паумгартнеров в Шваце как владельцем предприятия Гансом Младшим, так и его фактором Гансом Планом, которые приведены

---

⁴ Tagebuch des Lucas Rem aus den Jahren 1494—1541, hg. B. Greiff.— «Jahresbericht des historischen Vereins von Schwaben und Neuburg», Augsburg, 1861.

⁵ Inventur der Firma Eugger aus dem Jahre 1527, hg. J. Strieder, Tübingen, 1905.

⁶ A. J ä g e r. Beitrag zur tirolisch — salzburgischer Bergwerksgeschichte, Beilage I. — «Archiv für österreichische Geschichte», Bd, 53, Wien, 1875.

К. О. Мюллером в публикации источников, посвященных торговому дому Паумгартнеров⁷. Если первый из этих источников позволяет сделать ряд общих выводов о деятельности южногерманских компаний в горнорудной промышленности Тироля, то второй сообщает такие сведения, которые делают возможным внесение некоторых корректив в наши представления о характере деятельности данных предприятий.

Завершая характеристику источников первого типа, следует указать на списки вкладчиков компании Цангмайстеров, которые в приложении к своей статье приводит А. Вестерман⁸. Это очень ценный но, к сожалению, редкий материал. Между тем только данные подобного рода и могут решить вопрос о структуре капитала торговых предприятий XV—XVI вв.

Второй тип включает источники, носящие официально-правовой характер, т. е. распоряжения и предписания властей (прежде всего австрийских), переписку чиновников австрийской администрации между собой и с частными лицами, донесения эрцгерцогу и императору. К этой же группе источников могут быть отнесены различного рода торговые соглашения, договоры об образовании торговых компаний и завещания. Без этих источников, хотя их и отличает известное однообразие и односторонность, невозможно решение целого ряда важных вопросов, относящихся к теме нашего исследования. Они занимают видное место в уже упоминавшейся публикации К. О. Мюллера и содержатся в специальных приложениях к работам М. Янсена, Р. Эренберга, Я. Штридера, А. Егера и Л. Шейермана⁹. К этой же группе следует отнести законодательные акты и особенно решения магистрата имперского города Аугсбурга¹⁰. Правда, необходимо оговориться, что, во-первых, источники этого рода не имеют для нас решающего значе-

⁷ K. O. Müller. Quellen zur Handelsgeschichte der Paumgartner von Augsburg, DHMN, Bd. 9, Wiesbaden, 1955.

⁸ A. Westermann. Die Zahlungseinstellung der Handelsgesellschaft der Gebrüder Zangmeister zu Memmingen 1560, Beilage I. — «Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. 6, Berlin — Stuttgart, 1908.

⁹ Ссылки на работы этих историков будут сделаны ниже в историографическом очерке.

¹⁰ Urkundenbuch der Stadt Augsburg, hg. Chr. Meyer, Bd. 2, Augsburg, 1878.

ния; во-вторых, большая часть этих источников используется нами в изложении хронистов XV—XVI столетий, о которых речь ниже.

Автором привлечены также программные документы социальных и классовых движений той эпохи. Это прежде всего указы депутатам ландтага, жалобы отдельных общин и статьи Меранской и Инсбрунской программ, оппозиционных сословий Тироля, опубликованные австрийским историком и источниковедом Г. Вopfнером¹¹ и «Земельный Устав» вождя Крестьянской войны в Тироле и Зальцбурге Михаила Гайсмайера, использованный нами в публикации Г. Франца¹². Источники, в которых выражено отношение современников к деятельности аугсбургских торгово-ростовщических компаний, очень важны для решения социальных аспектов поставленной в исследовании проблемы. Выполнению данной задачи служат и различные судебные материалы. В этом смысле весьма характерна, например, тяжба между Паумгартнерами и тирольскими предпринимателями по поводу разработок железного рудника на территории поместья Гогеншвангау в Тироле. Материалы об этой тяжбе приведены в уже известной нам публикации К. О. Мюллера. Впрочем, большая часть судебных архивов городов Южной Германии недоступна советскому историку, что принуждает довольствоваться данными, извлеченными из этих архивов хронистами прошлого. Правда, последние или цитируют судебные документы текстуально, или довольно точно и подробно их пересказывают.

Привлекаются нами и нарративные источники, которые большей частью представлены хрониками XV—XVI вв. имперского города Аугсбурга. Мы имеем в виду хроники Буркарда Цинка¹³, Гектора Мюлиха¹⁴, «Анонимную хронику»¹⁵, «Хронику новых историй» Вильгельма Рема¹⁶ и

---

¹¹ «Acta Tirolensia», Bd. 3, Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Deutschland 1525, hg. H. Wopfner, Innsbruck, 1908.

¹² Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges, hg. G. Franz, München, 1963.

¹³ Chronik des Burkard Zink. — «Die Chroniken der deutschen Städte von XIV bis zum XVI, Jahrhundert (далее — CDS), Bd. 5, Leipzig, 1866.

¹⁴ Chronik des Hector Mülich, CDS, Bd. 22, Leipzig, 1892.

¹⁵ Anonyme Chronik, CDS, Bd. 22, Leipzig, 1892.

¹⁶ Wilhelm Rem. Chronica der Newer Geschichten, CDS, Bd. 25, Leipzig, 1894.

хронику Клеменса Зендера¹⁷. Сюда же следует отнести «Семейную хронику Фуггеров»¹⁸, написанную в конце XVI в. неизвестным автором. Для составителей всех этих хроник характерен глубокий интерес к экономической жизни не только родного города, но и всей страны и даже Европы. Хроники содержат интересные данные о деятельности аугсбургских торговых домов. Это может быть объяснено тем, что их авторы или сами были выходцами из деловых кругов города или с последними тесно связаны. Достоверность сообщаемых хронистами свидетельств в некоторых случаях может быть подтверждена другими источниками¹⁹.

В заключение обзора, посвященного анализу используемых источников, необходимо сделать некоторые общие выводы и замечания.

Во-первых, при решении вопроса о характере торговой деятельности компаний исследователь может использовать для этой цели преимущественно только материалы Большой Равенсбургской компании, так как гроссбухи и иная отчетность ни одного из торговых предприятий Южной Германии того времени не сохранились до наших дней. В результате из торговой деятельности компаний, занятых в горнорудной промышленности, может быть детально освещен лишь один ее акт — открупные операции, а собственно торговля металлами остается вне нашего зрения.

Во-вторых, приходится все время считаться со скудностью и известной односторонностью сведений относительно организации торговых и торгово-промышленных компаний и о характере их деятельности и формах участия в горнорудных предприятиях. Все эти стороны могут быть освещены лишь с большим трудом на основании скурых данных источников.

В-третьих, отрывочность и разрозненность данных наших источников практически делают невозможным проведение в большинстве случаев систематических статистиче-

---

¹⁷ Chronik des Clemens Sender. CDS, Bd. 23, Leipzig, 1894.

¹⁸ Chronik der Familie Fugger vom 1599, hg. Chr. Meyer, München, 1902.

¹⁹ Характеристика каждой из этих хроник нами дана в подготовленной для печати статье «К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV—XVI вв.», которая написана преимущественно на материале южнонемецких (аугсбургских) источников.

ских подсчетов, что лишает историка-экономиста важного средства научного исследования. Недоступность для советского историка архивных материалов весьма осложняет выполнение задачи исследования вообще.

Имеет смысл также сделать одно критическое замечание относительно качества публикаций источников. Дело в том, что, например, А. Шульте, извлекая из архива интересный материал о закупочных операциях с полотном агентом Равенбургской компании у кемптенских ткачей, вместо имен ремесленников и данных о масштабе и характере каждой операции, приводит общие цифры²⁰, чем по существу сводится на нет сама ценность источника. К сожалению, этот же недостаток свойственен и публикации К. О. Мюллера, посвященной торговому дому Паумгартнеров.

И, наконец, ряд источников, использованных нами при написании работы, превосходно переведен на русский язык М. П. Лесниковым²¹.

ИСТОРИОГРАФИЯ

а) Буржуазная историография

Историческая литература, так или иначе относящаяся к теме нашего исследования, довольно обширна. Однако автор настоящей работы не претендует на полноту и обстоятельность обзора буржуазной историографии, подчиняя его обоснованию целесообразности и научной актуальности темы исследования в целом. В связи с этим выделены две основные проблемы, которые и стали стержнем историографического очерка. Такими проблемами являются: во-первых, вопрос об органической связи организационной структуры торгово-ростовщических и торгово-промышленных компаний с генезисом капитализма; во-вторых, вопрос о характере деятельности компаний в горнорудной промышленности. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы показать, как эти проблемы решаются в буржуазной исторической литературе.

²⁰ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 457—458.

²¹ М. П. Лесников. Раннеевропейский капитализм. — «Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под ред. В. П. Волгина. М.—Л., 1929.

Организация и структура южногерманских торговых компаний XV—XVI вв. уже давно стала предметом пристального внимания со стороны немецких историков. Еще Г. Шмоллер, примыкавший к исторической школе права, справедливо указывал на то, что основной причиной возникновения торговых компаний, которые организационно все более и более порывали со старыми общинными традициями и средневековыми купеческими гильдиями, явилось проникновение в народное хозяйство товарно-денежных отношений²². Однако Шмоллера в первую очередь интересовала преемственность новых предприятий с их предшественниками и особенно с итальянской комендой. Такая постановка вопроса, конечно, позволила установить более или менее точное положение этих компаний в системе торгового права, но отнюдь не способствовала выяснению их связи с экономическим развитием Европы вообще и зарождением капиталистических отношений в частности. В конечном счете связь торговых компаний с развитием товарно-денежных отношений, а затем и зарождением капитализма, этим историком лишь постулировалась, но не доказывалась.

Следующий шаг в изучении деятельности, а вместе с тем и организации южногерманских компаний, был сделан Р. Эренбергом²³, обратившим внимание на принципиально новые моменты в экономической жизни Европы XVI—XVII вв. Новые тенденции в экономическом развитии Эренберг связал с появлением предприятий нового типа, которые вели дела с невиданным до сих пор размахом. Однако этим историком недостаточно разработан вопрос о капиталистическом предпринимательстве компаний. Эренберга прежде всего привлекают их ростовщические и торговые операции. Что же касается масштабов и организации этих операций, то он склонен воспринимать их как «плод гения Якова Фуггера»²⁴ и подобных ему денежных магнатов. Интерес к внешней форме торговых предприятий у Эренберга преобладает над всем прочим. По этой причине внутренняя природа и сущность этих предприятий ускользают из внима-

---

²² G. Schmoller. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. — «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft in deutsche Reich». Leipzig, 1890/93, Hft. XII, S. 7.

²³ R. Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. Geldkapital und Creditverkehr im XVI. Jahrhundert, Aufl. 3, Bde, Jena, 1922.

²⁴ Ibid., Bd. I, S. 410.

ния ученого, что неизбежно ведет к отказу и от постановки вопроса о месте торговых и торгово-ростовщических компаний в генезисе европейского капитализма.

В этом отношении иной характер носит сочинение крупного немецкого историка-экономиста Я. Штридера²⁵, который пытается установить тесную генетическую связь деятельности компаний с развитием капитализма в Германии. В его работе смешение капитала, как простого денежного богатства, с капиталом, как категорией политической экономии, доведено до логического конца. Для Штридера торговые компании еще до прихода в горнорудную промышленность являются субъектами, ведущими капиталистическое хозяйство²⁶, и представляют не что иное, как первоначальную форму акционерных обществ XIX в.²⁷ На основании отдельных фактов соглашений руководителей крупных торговых домов как друг с другом, так и с представителями имперских и княжеских властей о монопольной продаже товаров с целью поддержания на рынке высоких цен на отдельные виды из них (в первую очередь на продукцию горнорудной промышленности), историк делает вывод о том, что начало картелирования в Германии должно быть отнесено к XVI в.²⁸ Отсюда, по мнению Штридера, исторически неизбежным было возникновение таких современных капиталистических объединений, как тресты и синдикаты. Так под пером буржуазного ученого, руководствующегося формально-юридическими соображениями, средневековые монополии превратились в категории современного капитализма. Причиной столь удивительного превращения следует признать модернистский подход Штридера к экономическим явлениям прошлого.

Концепция Штридера вызвала возражения и у буржуазных историков-экономистов. Так, например, К. Бауэр полагает, что торговые предприятия Германии XVI в. еще нельзя считать более или менее развитыми предшественниками современных акционерных компаний. Последние, с его точки зрения, предполагают полное отделение друг от дру-

---

²⁵ J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften in Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit, Aufl. 2, München und Leipzig, 1925.

²⁶ Ibid., SS. 20—21.

²⁷ Ibid., SS. 114—115.

²⁸ Ibid., S. 189.

га капитала и сотрудничества пайщиков предприятия, определяя участие в прибылях лишь высотой инвестированного капитала, тогда как первые — неразрывную связь и взаимозависимость²⁹ капитала и личного участия в торговой деятельности предприятия. Однако модернистских увлечений не избежал и этот историк. В конечном счете его не удовлетворили лишь «крайности» теории Штридера. Бауэр также считает, что «экспертная торговля и горное дело дают образцы капиталистических организационных форм XVI в.»³⁰. В связи с последним утверждением Бауэра, следует указать на то, что этим историком смешиваются две различные вещи. Если превращение *Gewerkschaften* из трудовых горных товариществ в капиталистические предприятия действительно имело место, то компании, ведущие экспортную торговлю, не могут быть названы капиталистическими предприятиями в собственном смысле слова по той простой причине, что полем их деятельности является не производство, а сфера обмена и обращения. Поэтому можно говорить об элементах капиталистического предпринимательства в деятельности этих компаний только в том случае, если они выступают в роли раздатчиков сырья и скупщиков готовой продукции у ткачей, т. е. берут на себя функции организаторов мануфактуры рассеянного типа в текстильной промышленности, или проникают в горнорудную промышленность не только в качестве откупщиков металлов, но и пайщиков горных товариществ и владельцев плавильных. Во всех остальных случаях самый утонченный бухгалтерский учет и совершенство форм управления торговым предприятием не могут служить доказательством капиталистического характера его деятельности.

Из других работ, которые в той или иной степени касаются рассматриваемых нами вопросов, следует отметить монографии М. Янсена³¹ и статьи О. Петерки³² и Г. Лирма-

---

²⁹ C. Bauer. *Unternehmung und Unternehmungsformen im Spätmittelalter und beginnenden Neuzeit*. — «Münchener volkswirtschaftlichen Studien», Neue Folge, Hft. 23, Jena, 1936, S. 84.

³⁰ Ibid., S. 12.

³¹ M. Jansen. *Anfänge der Fugger (bis 1494)*, Leipzig, 1907; *Jacob Fugger der Reiche*, Leipzig, 1910.

³² O. Peterka. *Zum handelsrechtlichen Inhalte der Gesellschaftsverträge Jacob Fugger der Reichen*. — «Zeitschrift für das gesamte Handels- und Konkursrecht» — Bd. 73, Stuttgart, 1913.

на³³, затрагивающие отдельные стороны организации крупнейшей аугсбургской компании Фуггеров. В этом смысле представляют известный интерес работы, посвященные и другим южногерманским торговым предприятиям: Я. Гарtung, использовавшего «Тайную Книгу» (Geheimbuch) торгового товарищества Гауг-Линк-Лангенауэр³⁴, А. Вестермана о компании братьев Цангмайстеров из Меммингена³⁵, А. Шульте о Большой Равенсбургской компании³⁶, Э. Керна о знаменитом торговом доме Гохштеттеров³⁷ и И. Лутцман о торговом товариществе братьев Ганса и Маркварда Розенбергеров из Аугсбурга³⁸. Поскольку в этой литературе не содержится принципиально новой постановки вопросов по интересующей нас проблеме, то автор счел возможным лишь перечислить ее, обращаясь к ней по мере надобности.

Другой важной проблемой, которая рассматривается нами в историографическом плане, является вопрос о характере деятельности торговых компаний в горнорудной промышленности. Знакомство с литературой этого вопроса позволяет не только установить различные точки зрения буржуазных ученых, но и общую методологическую направленность их сочинений. Немецкие и австрийские историки, занимавшиеся историей горнорудных промыслов эпохи их бурного расцвета в XV—XVI вв., так или иначе должны были сказать как о своем отношении к деятельности торговых домов в этой отрасли промышленности, так и определить свою точку зрения относительно характера раннекапиталистических отношений. При решении этих вопросов буржуазными историками проводится мысль, во-первых, об извечности капитализма (в этом случае они оказывают

---

³³ H. Lierman. Zur Rechtsgeschichte der Fuggerschen Stiftungen.— «Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte», Bd. 18, München, 1955.

³⁴ J. Hartung. Aus dem Geheimbuch eines deutschen Handelshauses im XVI. Jahrhundert. — «Vierteljahrsschrift für Social — und Wirtschaftsgeschichte» (далее — VSWG), Bd., 6, Weimar, 1898.

³⁵ A. Westermann. Op. cit.

³⁶ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, 1380—1530, Bde. 2, Stuttgart u. Berlin, 1923.

³⁷ E. Kern. Studien zur Geschichte des augsburger Kaufmannshauses des Höchstetter. — «Archiv für Kulturgeschichte». Bd., 25, Hft. 2, Leipzig u. Berlin, 1935.

³⁸ I. Lutzmann. Die augsburger Handelsgesellschaft Hans und Marguard Rosenberger (1535—1560), Kallmünz, 1937.

ся в рядах правоверных допшианцев); во-вторых, выдвигается положение о том, что пороки, свойственные капитализму в прошлом, или излечены к настоящему времени или могут быть изжиты в будущем без применения средств насильственного вмешательства. Последняя точка зрения пользуется особым успехом у части современных буржуазных историков. Правда, отмечая общее реакционное методологическое содержание буржуазной историографии, нельзя не видеть тех положительных результатов, которых она достигла в области локальных исторических исследований.

Эренберг и Штридер ввели в научный обиход большой архивный материал, который красноречиво свидетельствует о многообразии форм проникновения торгово-ростовщического капитала в горнорудную промышленность. Штридер использовал эти данные, чтобы построить широкие исторические обобщения. Но поскольку для него, на что нами уже указывалось выше, торговые компании еще до прихода в горнорудную промышленность являлись субъектами, ведущими капиталистическое хозяйство, то их участие в горных предприятиях еще более усиливало элементы капиталистического предпринимательства в их деятельности. Владельцы торговых домов, по мнению Штридера, сыграли выдающуюся роль в истории раннего европейского капитализма. В их деятельности он видел «наиболее яркое воплощение истории расцвета капиталистического духа»³⁹, одновременно связывая с нею сам факт наступления капиталистической эпохи.

Определенный интерес представляют работы немецких историков М. Янсена и Л. Шейермана⁴⁰, посвященные деятельности знаменитого аугсбургского торгового дома Фуггеров. Если первый из этих историков добросовестно излагает фактическую сторону истории фирмы Фуггеров и отказывается от каких-либо обобщений, то второй, делая выводы, проявляет чрезмерную осторожность. В результате и Шейерман, хотя и в меньшей степени нежели Янсен, оказывается в плену исторического эмпиризма. Правда, справедливости ради следует отметить, что Шейерман, в отличие от Штридера, отождествлявшего торговый капитал с промышленным, правильно указывает на то, что торговая

³⁹ J. Strieder Op. cit., S. 46.

⁴⁰ L. Scheuermann. Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten, München u. Leipzig, 1929.

деятельность Фуггеров не может служить свидетельством, характеризующим их как промышленных капиталистов ⁴¹. К сожалению, и этот историк не избежал влияния модернистских веяний, которые и до сих пор так сильны в оценке промышленного развития Германии XV—XVI вв. в немецкой буржуазной историографии. Влияние этих модернистских концепций выразилось в том, что в ряде случаев картину положения дел на горнорудных промыслах Тироля в XVI в. Шейерман рисует в тонах, которые в большей степени характеризуют буржуазное общество XIX в., чем позднесредневековую Германию. С другой стороны, рисуя довольно точную картину положения крупных компаний в горнорудной промышленности Тироля и Каринтии, Шейерман тем не менее ошибочно отказывается признать за торговым капиталом какую-либо роль в изменении социальной структуры этой отрасли промышленности. В этом нетрудно видеть непонимание буржуазным историком своеобразия, присущего раннекапиталистическим отношениям.

Особое место занимает работа австрийского историка А. Циха ⁴², который энергично отвергает утверждение Эренберга о том, что горнорудная промышленность Тироля переживает подъем лишь благодаря инвестированным в нее верхненемецкими купцами капиталам ⁴³. Циха доказывает, что этот вывод Эренберга не согласуется с действительным положением вещей. Факты, по мнению Циха, свидетельствуют о том, что горнорудная промышленность Тироля достигла вершины своего развития еще до того, как в нее пришли южногерманские торговые фирмы в роли «участников» разработок и владельцев плавлен ⁴⁴. Он, конечно, прав, когда указывает на то, что зарождение и развитие элементов раннекапиталистических отношений имело место в Тироле еще в первой половине XV в., но определенно заблуждается, представляя в явно преувеличенном виде роль иноземного капитала в развале горнорудной промышленности Тироля и отказываясь признать за торговыми компаниями какое-либо положительное историческое значение ⁴⁵.

⁴¹ Ibid., SS. 38—39.

⁴² A. Zycha. Zur neusten Literatur über die Wirtschafts- und Rechtsgeschichte des deutschen Bergbaues. VSWG, Bde. 5—6, Stuttgart, 1907/08.

⁴³ R. Ehrenberg. Op. cit., Bd. I, S. 187.

⁴⁴ A. Zycha. Op. cit., Bd. 5, S. 259.

⁴⁵ Ibid., S. 287.

Уже упоминаемый нами Шмоллер, будучи типичным представителем немецкой исторической школы права, стремится проследить эволюцию таких элементов горнорудной промышленности, как регальная власть и ее аппарат, «участников» (Gewerken), владельцев горных предприятий и наемных рабочих в условиях зарождения и развития капиталистических отношений. Такая постановка вопроса должна была, казалось бы, дать и научно обоснованный ответ на него, т. е. четко обрисовать ту социально-экономическую среду, в которой протекала деятельность аугсбургских торговых компаний в горнорудных районах. Однако Шмоллер (как, впрочем, и другие историки этого направления) руководствуется при решении поставленной задачи исключительно источниками официального права, и это делает нарисованную им картину лишь приблизительно соответствующей оригиналу. Отводя регальным властям роль регулирующей силы в горнорудной промышленности и посредника в отношениях между промышленниками и наемными рабочими, Шмоллер приходит к ошибочному выводу о том, что горная администрация вставала на сторону слабых, а государственное горное законодательство носило для рабочих благоприятный характер еще и в XVI в.⁴⁶ Между тем материалы деятельности аугсбургских торговых компаний в горнорудной промышленности Тироля и Каринтии свидетельствуют о противоположном. Верхне-австрийское правительство не только не вставало на сторону рабочих во время конфликтов последних с горнозаводчиками, но и, руководствуясь фискальными соображениями, приносило в жертву швабским заимодавцам интересы отечественных капиталистов-предпринимателей.

В современной буржуазной исторической литературе в той или иной форме неоднократно ставился вопрос о месте крупных южнонемецких фирм в экономическом и политическом развитии страны и о характере их деятельности. Так, например, если мы обратимся к многотомному сочинению западногерманского историка барона Г. фон Пельнитца⁴⁷, то обнаружим, что его автор задается целью осветить роль Фуггеров в определении и проведении политического курса Габсбургов. Он рисует достаточно убедительную картину за-

⁴⁶ G. Schmoller. Op. cit., Hft. VIII—IX, SS. 64—65.

⁴⁷ G. von Pölnitz. Jacob Fugger, Anton Fugger, Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutschen Renaissance, Tübingen, 1949/63.

висимости австрийского дома от займов аугсбургских ростовщиков, однако, по нашему мнению, необоснованно отказывается от постановки проблемы о роли Фуггеров и подобных им ростовщиков, купцов и предпринимателей не только в определении политического курса Габсбургов, но и экономической и социально-политической жизни Германии XVI в. Поскольку связь и взаимозависимость Габсбургов и Фуггеров была весьма многообразной и имела своим следствием проникновение этого торгового дома в горнорудную промышленность австрийских владений, Пельнитц указывает как на столкновения, сопровождавшие это проникновение, так и на окружение, в котором протекала деятельность аугсбургских купцов. Однако для Пельнитца это побочные продукты исследования, имеющие лишь прикладное значение.

Другой крайностью является работа австрийского ученого Г. Виснера⁴⁸, посвященная истории горной промышленности Каринтии. Ее автор подробно воспроизводит в первую очередь историю горных разработок, а не экономическую и социальную историю горных промыслов. Узкий техницизм взглядов Виснера сказывается в том, что единственную причину упадка горнодобывающей промышленности Каринтии он видит в истощении богатых горнорудных слоев⁴⁹. Вместе с тем этот историк отказывается высказать собственную точку зрения относительно причастности иноземных компаний к процессу подъема и упадка этой отрасли народного хозяйства, хотя, казалось бы, источники дают право на обобщение по этому вопросу самому осторожному исследователю.

Следует также указать на работу австрийского историка Ф. Тремеля⁵⁰, который в своем сочинении, носящем обобщающий характер, делает попытку подвести методологический фундамент под изучаемую нами тему. И хотя Тремель не скрывает ужасов и язв эпохи первоначального накопления и генезиса капитализма, его работа страдает недостатками, свойственными буржуазной историографии. Этот историк вслед за Штридером и другими буржуазными учеными преувеличивает роль торговых компаний, приписывая бурный подъем горнорудной промышленности Австрии дея-

⁴⁸ H. Wießner. Geschichte des Kärntner Edelmetallbergbaues, Klagenfurt, 1950

⁴⁹ Ibid., S. 153.

⁵⁰ F. Tremel. Der Frühkapitalismus in Innerösterreich, Graz, 1954

тельности этих предприятий⁵¹. Правда, по мнению Тремеля, ввоз капитала имел двойственное значение: с одной стороны он способствовал тому, что верхнешвабские купцы открывали для австрийской продукции новые рынки сбыта; с другой — стеснял и наносил ущерб отечественным купцам и предпринимателям⁵² в лице местного бюргерства, над которым также «вита́л демон, который представлял экономическую власть и находил радость в приобретательстве и влиянии на экономическую жизнь Восточных Альп»⁵³. Однако эти пришлые капиталисты, как утверждает австрийский историк, сталкивались с правительством Габсбургов, которое, исходя из принципов средневековой экономической этики, брало под защиту «малых и слабых» и препятствовало созданию крупных предприятий⁵⁴. Проникновение южногерманских капиталов в горное дело Австрии, продолжает Тремель, разрушало средневековые формы организации промышленности и сметало ограничения со стороны государственной власти, а жестокая необходимость, заставлявшая эрцгерцога прибегать к услугам кредиторов-капиталистов, «... означала победу финансового капитала над княжеской властью, капиталистического приобретения над средневековым образом мышления»⁵⁵.

Судя по этим выводам, Тремелю нельзя отказать в наблюдательности, хотя ошибочность его умозаключений состоит прежде всего в том, что он в ложном свете оценивает политику австрийских властей. Политика защиты «малых и слабых», о которой австрийский ученый говорит с таким пафосом, была не более как социальной демагогией. На практике австрийские власти обнаруживали полное бессилие перед нашествием швабских фирм. Неправ Тремель и в том случае, когда рассматривает деятельность южногерманских компаний в горнорудных районах исключительно как капиталистическую. Эта деятельность на самом деле не является таковой по преимуществу, так как на ней лежит печать ростовщических операций и участия в откупках металлов, которые, взятые сами по себе, вряд ли имеют что общее с капитализмом.

⁵¹ Ibid., S. 85.

⁵² Ibid., S. 135.

⁵³ Ibid., S. 11.

⁵⁴ Ibid., S. 104.

⁵⁵ Ibid., S. 146.

Для темы нашего исследования особый интерес представляет полемика современного западногерманского историка Р. Дитриха⁵⁶ с Я. Штридером и Т. Г. Вернером⁵⁷ о судьбах горнорудной промышленности Германии XV—XVI вв. И хотя Вернер и Дитрих строят свои концепции на материале горнорудных промыслов Рудных гор (Erzgebirge), их выводы имеют значение для решения ряда принципиальных вопросов развития горного дела того времени.

Вернер, ставя перед собой задачу показать роль «чужих» капиталовложений в горное дело и торговлю металлами в Аннаберге, утверждает, что у местных горнозаводчиков еще до 1500 г. оказалось недостаточно средств для ведения разработок на большой глубине с использованием технических средств для откачки воды из забоев. В такой ситуации они вынуждены были обратиться за помощью к торговцам металлами и получили от последних необходимые средства. Именно это, пишет Вернер, имело самые благоприятные последствия для местных горных промыслов, так как без прилива капиталов извне они «не смогли бы получить такого значительного развития», продолжая и в будущем влачить жалкое существование мелких предприятий, организованных на ремесленной основе⁵⁹. Именно богатые торговцы-ростовщики, создавшие систему авансирования для местных леэнхауэров и участников разработок, своей деятельностью утверждали капиталистические начала в горнодобывающей промышленности⁶⁰. Торговля паями (Кихеп) горных товариществ (Gewerkschaften) представляется Вернеру наиболее выразительным показателем капитализма, который получил бурное развитие с проникновением торгового капитала. Причем, носителями этого капитала в основном выступают южнонемецкие фирмы типа Фуггеров, Вельзеров и Фюреров

---

⁵⁶ T. G. Werner. Das Fremde Kapital im Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrhunderts. Mit Berücksichtigung der Kuxspekulation und der Verhältnisse in anderen erzgebirgischen Bergstädten. — «Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde», Bd. 57—58, Dresden, 1936/37.

⁵⁷ R. Dietrich. Untersuchungen zum Frühkapitalismus im Mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel. — «Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands», Bd. VII—IX, Tübingen, 1958/61.

⁵⁸ T. G. Werner. Op. cit., Bd. 57, S. 121.

⁵⁹ Ibid., SS. 115, 170.

⁶⁰ Ibid., S. 122.

из Аугсбурга и Нюрнберга ⁶¹, сыгравшие выдающуюся роль в подъеме горных промыслов не только австрийских владений Габсбургов, но и Саксонии. Что касается местных предпринимателей и капиталистов, то им Вернер повсюду отводит лишь роль застрельщика (Schrittnacher) ⁶² общего поступательного движения. Однако направление в исторической литературе, которое придает решающее значение в общем подъеме горного дела и в зарождении и развитии в горнорудных районах капиталистических отношений капиталовложениям иноземных фирм и наиболее одиозным представителем которого является Вернер, вызвало серьезные возражения и критику со стороны Дитриха. Последний в своей работе высказал соображения, во многих отношениях противоположные взглядам Штридера и Вернера.

Прежде всего Дитрих выступает против теории Штридера — Вернера, согласно которой, на что уже указано выше, решающая роль в успехах горнорудной промышленности Германии XV—XVI вв. отводится капиталовложениям извне, а южнонемецкие фирмы являются поэтому своего рода рассадниками капиталистических отношений в этой отрасли народного хозяйства. Анализируя данные горнорудных промыслов Саксонии, Дитрих приходит к выводу, что источники свидетельствуют против концепции Вернера, так как не может быть и речи о решающем влиянии верхненемецких компаний в развитии горного дела Эрцгерцогства ⁶³. В качестве доказательств Дитрих приводит аргументы двух порядков.

С одной стороны, он пытается доказать, что местные предприниматели-капиталисты принимают самое живое участие в горнорудных предприятиях. Особенно активны в этих предприятиях жители горных городов Саксонии. «...мелкое бюргерство этих маленьких городов,— пишет Дитрих, — в меру своих сил, но с удивительным размахом участвуют в разработках новых серебряных рудников» ⁶⁴. Подъем, который переживает горное дело Саксонии, происходит за счет внутренних ресурсов ⁶⁵ и благодаря энергии местных капиталистов. Одно из наглядных подтверждений своим наблюдениям исследователь находит в головокругительной

⁶¹ Ibid., S. 128.

⁶² Ibid., Bd. 58, SS. 1—2.

⁶³ R. Dietrich. Op. cit., Bd. VII, S. 167.

⁶⁴ Ibid., Bd. VIII, S. 115.

⁶⁵ Ibid., S. 94.

карьере бюргера Мартина Ремера из Цвикау⁶⁶ и в быстром обогащении фрейбергских бюргеров Альнпеков⁶⁷.

С другой стороны, Дитрих подвергает тщательной проверке все факты, сообщаемые Вернером об участии южнонемецких фирм в торговле металлами и в промышленных предприятиях Рудных гор, и приходит к выводу, что последним роль этих фирм сильно преувеличивается. Подвергая сомнению мнение Вернера о бесспорном влиянии Вельзеров и Фуггеров на горное дело Саксонии, Дитрих, в частности, указывает и на то, что факторы южнонемецких компаний Иероним Вальтер и Андреас Мальштет не только представляли здесь интересы торговых домов Южной Германии, но и вели многие операции на собственный страх и риск. В Мальштете Дитрих видит самостоятельного торговца и предпринимателя, который, однако, часто выступал в роли комиссионера Фуггеров⁶⁸.

С проблемой капиталовложений в горное дело Саксонии тесно связан вопрос о происхождении состояний, находивших приложение в этой отрасли народного хозяйства. Дитрих отвергает теорию Штридера, согласно которой аккумуляция денежных средств, которые служили предпосылкой и базой для образования состояний в горнорудной промышленности, могла иметь место только в сфере экспортной торговли и отчасти городских ремесел. Горные хроники, замечает Дитрих, содержат множество достоверных данных о том, как быстро текли богатства в карманы счастливых основателей рудников — выходцев из числа местных жителей⁶⁹. Таким образом, утверждает Дитрих, теория Штридера только в том случае может претендовать на некоторую правомерность, если успехи горнодобывающей промышленности «приписывать только крупному капиталу, если обращать внимание только на Фуггеров, Вельзеров и компании подобного им ранга и только именно в них видеть выражение раннего немецкого капитализма.

Однако этот взгляд, говорит Дитрих, не выдерживает проверки фактами при исследовании действительного положения вещей и структуры капитала, «который самостоя-

⁶⁶ Ibid., Bd. VII, SS. 173, 182.

⁶⁷ Ibid., Bd. VIII, S. 91.

⁶⁸ Ibid., SS. 108—109.

⁶⁹ Ibid., Bd. VII, SS. 205—206.

тельно развивался из горнорудных предприятий»⁷⁰. Сквозь пелену научного спора двух буржуазных историков можно разглядеть, что речь идет о значении и месте в развитии горных промыслов торгового и промышленного капитала. Если Штридер и Вернер решающую роль в этом процессе отводят торговому капиталу, то Дитрих интуитивно стремится показать значение промышленного капитала. В этом смысле весьма характерен спор последнего с Вернером. Вернер утверждает, что приход лейпцигских бюргеров в горное дело Аннаберга был обусловлен в первую очередь их участием в экспортной торговле (Fernhandel)⁷¹. Однако факты, возражает Дитрих, противоречат этой гипотезе. Он высказывает интересную мысль о том, что быстрым ростом богатства в первую очередь Лейпциг обязан не своим ярмаркам, а приливу капиталов с горных разработок, из плавильного производства и торговли металлами⁷². И такое решение можно считать правильным, так как и на самом деле успехи промышленности сообщают дополнительный толчок развитию торговли. Обратная связь и обратное влияние хотя и возможно, однако не может иметь решающего значения.

Итак, мы видим, что наблюдения Дитриха содержат ряд верных выводов. Однако и его концепция вызывает возражения и должна быть подвергнута критическому разбору.

Начнем с того, что своей теории Дитрих не стремится придавать универсальный характер, так как развитие горного дела в Венгрии, Тироле и Испании, рассуждает он, происходило вполне в соответствии со схемой Штридера, поскольку здесь было установлено безраздельное господство Фуггеров и нашел приложение капитал, созданный вне горнорудных промыслов. Что касается горнодобывающей промышленности Саксонии, то она развивалась по другому пути. Полоса расцвета, которая началась с середины XV в., была движима капиталом, возникшим в горных предприятиях и торговле металлами. Даже мансфельдское медеплавильное производство, хотя и было создано при спекулятивном участии чужого капитала, отличалось от организации медеплавильного дела прочих горнорудных районов

⁷⁰ Ibid., Bd. VIII, S. 94.

⁷¹ T. G. Werner. Op. cit. Bd. 58, S. 32.

⁷² R. Dietrich. Op. cit., Bd. VIII, SS. 95—96.

Европы тем, что здесь участие капиталовложений извне в значительной степени было вызвано потребностью промышленности Нюрнберга в сырье⁷³.

Попытка Дитриха установить черты своеобразия горного дела в Саксонии вполне понятна. Однако участием «чужих» или местных капиталовложений не исчерпывается вопрос о тенденциях развития горной промышленности XV—XVI вв. География происхождения капиталов-помещенных в горное дело, еще не определяет общего направления развития этой отрасли народного хозяйства. Гораздо важнее вопрос о природе инвестированных в горные промыслы капиталов, о характере деятельности и социальном статусе их владельцев. Факты, которые сообщает Дитрих, часто свидетельствуют против него же и делают возможным, на наш взгляд, внесение некоторых серьезных корректив в концепцию немецкого исследователя.

Одним из важнейших аргументов теории Дитриха, на что нами уже было указано выше, служит история обогащения бюргеров Мартина Ремера из Цвикау и Альнпеков из Фрейберга. Однако теперь обратимся к некоторым данным их биографии и деятельности. Известно, что Ремер, будучи горнозаводчиком в течение многих лет, занимал высшие должности бергамта и пользовался полным доверием со стороны князей, захватил в свои руки монополию на торговлю серебром и еще до появления в качестве участника горных разработок и владельца плавильни в Шнееберге подвизался в роли крупного торговца металлами. Капиталистическую деятельность на горных промыслах Ремер успешно совмещал с ростовщическими операциями в Нюрнберге, Аугсбурге, Франкфурте-на-Майне⁷⁴, и, таким образом, отечественное происхождение капиталов этого выходца из бюргерской среды отнюдь не было препятствием их помещения не только в промышленную сферу, но и в торговлю и ростовщичество. Деятельность самого Мартина Ремера обнаруживает удивительное сходство, в чем нам предстоит убедиться, с деятельностью богатых аугсбургских купцов и ростовщиков в Тироле в смысле близости к феодальному институту регальных властей с той лишь

⁷³ Ibid., Bd. IX, SS. 165—166.

⁷⁴ Ibid., Bd. VII, SS. 176, 178, 181.

разницей, что если Ремер был чиновником бергамта, то южнонемецкие капиталисты добивались влияния на княжескую администрацию иными средствами. Альнпеки, скопив крупные суммы в торговле металлами, на разработках рудников и организации плавильного производства, очень рано часть своего капитала поместили в землевладение вне стен города, и Дитрих вынужден признать, что в этом «нельзя не видеть сходства с Фуггерами»⁷⁵, а мы добавим: и с другими владельцами южнонемецких фирм. Иными словами, Альнпеки совершили тот же обратный путь от капитализма к феодализму, что и владельцы аугсбургских торгово-ростовщических предприятий.

Прилив в бурно развивающуюся горнодобывающую промышленность капиталовложений, собственниками которых были торговцы и ростовщики, являлось своего рода исторической необходимостью, и Дитрих, который не может отрицать этого, когда речь идет, например, об организации медеплавильного дела Менсфельда, пишет о том, что «потребность горного дела и вызванное этим проникновение в него чужого капитала были неразрывно связаны друг с другом, и оба эти момента приняли участие в создании новых капиталистических предприятий»⁷⁶. Рассказывая о создании мансфельдского медного синдиката, немецкий историк делает весьма примечательный вывод о том, что «этот пример ясно показывает, что горное дело и соответственно торговля металлами становятся рентабельными благодаря постоянным и значительным инвестициям. Существовавшее до этого управление производством посредством системы авансирования было постепенно заменено формой крупного предприятия, а производство и торговля объединены в рамках капиталистической мануфактуры. Необходимый же для этого капитал могли предоставить только крупные капиталисты»⁷⁷. Такие объединения возникали при широком участии торгово-ростовщического капитала, и ссылка Дитриха на мансфельдский синдикат как на исключение из правила⁷⁸ не меняет положения дел. Более того, появление этого синдиката было вызвано к жизни ожесточенной конкуренцией со стороны Фуггеров,

⁷⁵ Ibid., Bd. VIII, S. 91.

⁷⁶ Ibid., Bd. IX, S. 128.

⁷⁷ Ibid., S. 139.

⁷⁸ Ibid., S. 165.

которые, осуществляя проект завоевания европейских рынков в торговле медью, уже успели проникнуть на рынки Бреслау, Штеттина и Данцига⁷⁹, что больно затрагивало интересы лейпцигских горнопромышленников и торговцев металлами. К тому же Дитрих делает оговорку о том, что им не был затронут вопрос о месте фуггеровских плавильных в Хожкирхе и Георгентале в системе плавильного производства горнорудного района⁸⁰, и это побуждает нас предположить — влияние деятельности Фуггеров на ход развития горного дела в Саксонии было более значительным, нежели это думает немецкий исследователь. Впрочем, не имеет принципиального значения вопрос о том, кто представлял торговоростовщический капитал: южнонемецкие или лейпцигские купцы, ибо в том и другом случае природа этого капитала оставалась одной и той же. И тот же мансфельдский пример свидетельствует о том, что проникновение в медеплавильное производство капиталов крупных фирм сопровождалось сооружением новых плавильных и поглощением предприятий, производительность которых уступала первым⁸¹. Такими же были результаты деятельности аугсбургских компаний в Тироле.

В заключение считаем необходимым указать на следующее. Возражения Дитриха Штридери и Вернеру убеждают, с одной стороны, в том, насколько беспочвенны попытки двух последних историков втиснуть сложный процесс зарождения и развития раннекапиталистических отношений в прокрустово ложе надуманной схемы. С другой стороны, хотя Дитриху при решении ряда вопросов свойственен реалистический подход к историческому материалу, непризнание им характера и сущности перехода от феодальной к буржуазной общественно-экономической формации, не позволяет ученому прийти к тем выводам, которые с необходимостью следуют из анализа находящихся в его распоряжении источников.

Дело в том, что черты самобытного развития горного дела Саксонии, которые с мастерством были обнаружены исследователем, не могут опровергнуть общих закономерностей, определявших эволюцию производственных отношений в этой отрасли народного хозяйства в эпоху раннего

⁷⁹ Ibid., SS. 147, 149.

⁸⁰ Ibid., S. 194.

⁸¹ Ibid., S. 140.

европейского капитализма. Одним из проявлений этих закономерностей было подчинение торгово-ростовщическим капиталом промышленного капитала, хотя последний в некоторых горнорудных районах и получил значительное для того времени развитие и был важным фактором раннекапиталистических отношений. Данными обстоятельствами и следует объяснить наш интерес к содержательной работе Дитриха.

Нами также привлекаются сочинения Ф. Добеля⁸², Ст. Вормса⁸³, И. Иссер-Гаудентентурма⁸⁴, М. Вольфстригля-Вольфскрона⁸⁵ и А. Егера⁸⁶. Они использованы нами в качестве своего рода справочников и не имеют большой историографической ценности.

В качестве резюме, подводящего итоги наблюдения над буржуазной историографией по интересующей нас проблематике, необходимо указать на следующее.

1. Буржуазные историки, независимо от их принадлежности к той или иной школе или направлению, обычно понимают под капиталом всякое денежное богатство. Это ведет к отождествлению торгового и банковского капитала с промышленным, тогда как отличие капитала как категории политической экономии от капитала как денежного богатства состоит в том, что полем приложения капитала (в самых различных формах) является сфера производства, а денежных богатств — сфера обмена и обращения.

2. При решении вопроса о структуре, организации и социально-экономической природе торговых и торгово-промышленных предприятий XV—XVI вв. для буржуазных историков характерно стремление оперировать категориями и понятиями современного торгового права. Такой подход к историческому материалу ведет к появлению модернистских концепций и является одной из причин смещения явлений, свойственных раннекапиталистической эпохе, с

---

⁸² F. Dobel. *Über Bergbau und Handel des Jacob und Anton Fugger in Kärnten und Tirol (1495—1560)*. — «Zeitschrift des Historischen Vereins Schwaben und Neuburg», Bd. 9, Augsburg, 1882.

⁸³ St. Worms. *Schwatzer Bergbau im XV. Jahrhundert*, Wien, 1904.

⁸⁴ M. von Isser-Gaudententurn. *Schwatzer Bergwerksgeschichte*. — «Berg-und Hütten Jahrbücher», Bde. 52—53, Wien, 1904/05.

⁸⁵ M. Wolfstrigl-Wolfskron. *Die Tiroler Erzbergbau 1301—1665*, Innsbruck, 1903.

⁸⁶ A. Jäger. *Beitrag zur tirolsch-salzburgischer Bergwerksgeschichte*. «Archiv für österreichische Geschichte», Bd. 53, Wien, 1875.

современным капитализмом. Так под пером этих историков появились в XVI в. такие современные капиталистические объединения, как тресты, картели и синдикаты.

3. Если буржуазной историографией достигнуты определенные успехи в описании деятельности торговых компаний и собран большой фактический материал, то социальные аспекты этой деятельности и вопрос о роли купеческого капитала в экономическом развитии Германии того времени следует признать исследованным недостаточно. Непризнание буржуазной историографией общественно-экономических формаций и революционного перехода от одной формации к другой не позволяет буржуазным историкам дать подлинно научную оценку исторической миссии торгового капитала. Это относится и к тому реалистическому направлению, которое представлено в исторической литературе содержательной работой Р. Дитриха.

б) Марксистская историография.

Изучение марксистской историографии по нашей теме имеет исключительное значение не столько по причине достигнутых ею результатов (аспекты социально-экономического развития Германии XV—XVI вв. ею исследованы еще недостаточно), сколько в силу возможности постановки тех принципиальных вопросов, которые подтверждают научную актуальность настоящего исследования.

Материалы дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны XVI в. в Германии⁸⁷, которую можно считать логическим продолжением начавшейся ранее дискус-

---

⁸⁷ С. М. Стам. Чем же в действительности была Реформация в Германии, — «Вопросы истории» (далее — ВИ), № 4, 1958; его же. О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии, «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. 39, вып. исторический, 1954; О. Г. Чайковская. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет, ВИ, 1956, № 12; М. М. Смирин. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации, ВИ, 1957, № 6; А. Д. Эпштейн. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской буржуазной революции, ВИ, 1957, № 8; Ю. М. Григорьян. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии, ВИ, 1958, № 1; И. Мадек. К дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии, ВИ, 1958, № 4.

сии о «раннем капитализме»⁸⁸, позволяют доказать не только важность задач, которые стоят перед нами в данной работе, но и затронуть более широкие проблемы. Эти проблемы, конечно, не могут быть решены нашим исследованием, однако уже их постановка создает тот исторический фон, на котором протекала деятельность торговых и торгово-промышленных компаний и выяснить результаты деятельности этих фирм. Автор не ставит перед собой задачи подробно останавливаться на всех сторонах той и другой дискуссий. Вопросы, связанные с ними, будут затрагиваться лишь в той мере, в какой это имеет отношение к теме исследования. В связи с этим следует признать имеющим первостепенное значение вопрос об уровне развития экономики Германии XV—XVI вв.

В ходе дискуссии О. Г. Чайковской было высказано мнение о том, что Германия эпохи Реформации являлась «...одной из феодально-отсталых стран Западной Европы»⁸⁹. Однако подобная точка зрения вызвала возражения со стороны всех историков, принявших участие в дискуссии. М. М. Смирин, сославшись на известное положение Ф. Энгельса о том, что в конце XV — начале XVI вв. Германия экономически была вполне на уровне современных ей стран⁹⁰, справедливо указал на то, что это высказывание Ф. Энгельса «полностью соответствует данным источников»⁹¹. Впрочем, этот вопрос настолько ясен и очевиден, что останавливаться на нем подробнее не имеет смысла. Еще В. В. Стоклицкая-Терешкович в своей монографии, посвященной немецкому городу XIV—XV вв., писала: «... Германия не была экономически отсталой страной. Через нее проходили важнейшие артерии европейской торгов-

⁸⁸ Эта дискуссия была своего рода реакцией историков на сочинение проф. В. П. Рутенбурга. Очерк из истории раннего капитализма (Флорентийские компании XIV в.). М. — Л., 1951. В ней приняли участие: А. Д. Эпштейн. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. Сб. «Средние века» (далее — СВ), вып. IV, 1952; В. В. Стоклицкая-Терешкович. К вопросу о раннем капитализме во Флоренции, СВ, вып. V, 1954; Л. М. Баткин. Письмо читателя, СВ, вып. VI, 1955; А. Н. Чистозвонов. Исследовать явления в их исторической самобытности в связях, там же; В. И. Рутенбург. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв., там же.

⁸⁹ О. Г. Чайковская. Ук. ст., ВИ, 1956, № 12, стр. 130.

⁹⁰ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. X, стр. 357.

⁹¹ М. М. Смирин. Ук. ст., ВИ, 1957, № 6, стр. 96.

ли, значительная часть произведений ее промышленности становилась объектом широкого торгового оборота»⁹².

Хотелось бы высказать лишь одно соображение относительно полемики об уровне немецкой экономики того времени. При современном состоянии источниковедческой базы (почти полное отсутствие статистических материалов, которые позволили бы дать сравнительные характеристики) научные споры об экономическом превосходстве или отставании Германии XV—XVI вв. от других стран Западной Европы не имеют под собой прочных оснований: они не могут идти дальше общих предположений или рабочих гипотез. Гораздо более важно решить вопрос о том, на какое время приходится начало упадка германской промышленности, торговли и экономики вообще.

В конце прошлого века архивариус Аугсбурга А. Буфф высказался против бытовавшего до него в немецкой историографии мнения о губительном влиянии на германскую экономику Великих географических открытий. Он, в частности, указал и на то, что «аугсбургские купцы и предприниматели обладали достаточным умом, опытом и деловыми качествами, а главное имели крупные состояния, чтобы успешно преодолеть возникшие затруднения»⁹³. Правда, тот же Буфф, отмечая продолжавшийся рост бюргерских состояний и во второй половине XVI в., вынужден был признать, что именно с середины XVI в. процесс роста бюргерских состояний протекает гораздо медленнее по сравнению с началом XVI в.⁹⁴. Советский историк А. Д. Эпштейн, развивая положение, высказанное Буффом, сделал совершенно правильный вывод о том, что действительную причину упадка германской экономики следует искать в торжестве феодальной реакции⁹⁵.

На последнее обстоятельство необходимо обратить особое внимание в связи с отчетливо обнаружившейся в последнее время тенденцией современных западногерманских буржуазных историков игнорировать экономические последствия Реформации, как неудавшейся социальной революции. Для этого достаточно будет сослаться на мнение

⁹² В. В. Стоклицкая-Герешкович, Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV веках, М. — Л., 1936, стр. 10.

⁹³ A. Buif. Augsburg in der Renaissancezeit, Bamberg, 1893, SS. 2—3.

⁹⁴ Ibid., S. 4.

⁹⁵ А. Д. Эпштейн, Ук. ст., ВИ, 1957, № 8, стр. 132.

маститого историка-аграрника из ФРГ В. Абеля, все чаще в последнее время выступающего с работами, в которых дается общая оценка социально-экономического развития Германии XIV—XVI вв. Абель⁹⁶ обрушивает огонь критики на австрийского экономиста П. Момберта, который пытался утверждать, что экономический упадок Германии начался уже со второй половины XVI столетия и в числе прочих имел и социальные причины⁹⁷. Согласно концепции Абеля на экономику Германии на протяжении всего XVI столетия крайне неблагоприятно сказывались неудачно сложившиеся внешнеполитические обстоятельства, образование «запустений» (Wüstungen), эпидемии чумы и т. д., однако она продолжала переживать полосу подъема и после 1550 г. вплоть до начала Тридцатилетней войны⁹⁸. В этом вопросе он выражает полную солидарность с другим западногерманским историком Ф. Лютге⁹⁹. Впрочем, Абель, отмечая рост общей массы национального продукта, вслед за Буффом вынужден признать падение производства этого продукта на душу населения на протяжении второй половины XVI столетия¹⁰⁰. Но последнее признание не может скрыть того очевидного факта, что ни Лютге, ни Абель не склонны видеть в поражении Реформации и последовавшей за ним политической и социальной неустроенности Германской империи одну из важнейших причин экономического упадка страны. В этом смысле прошедшая дискуссия еще раз подтвердила важность решения данной проблемы.

Исключительный интерес представляет вопрос о степени и характере развития капиталистических отношений как в германской промышленности того времени в целом, так и в отдельных ее отраслях. У большинства участников дискуссии сам факт зарождения и развития этих отношений не вызывает сомнений. Так, например, чехословацкий

---

⁹⁶ W. Abel. Zur Entwicklung des Sozialprodukts in Deutschland im XVI. Jahrhundert.—«Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 173, Stuttgart, 1961, SS. 448—449.

⁹⁷ P. Mombert. Geschichte der Nationalökonomie, Jena, 1927, S. 158.

⁹⁸ W. Abel. Op. cit., S. 489.

⁹⁹ Эта точка зрения высказана Лютге в двух статьях (1. Das XIV—XVI. Jahrhundert in der Sozial — und Wirtschaftsgeschichte; 2. Die wirtschaftliche Lage Deutschland vor Ausbruch des Dreißigjährigen Krieges), обе статьи опубликованы в «Studien zur Sozial — und Wirtschaftsgeschichte», Stuttgart, 1963, SS. 286, 339.

¹⁰⁰ W. Abel. Op. cit., S. 489.

академик И. Мацек обнаруживает «... в экономике Германии начала XVI в. явно видные зародыши капиталистических производственных отношений»¹⁰¹. По мнению М. М. Смирин, в Германии в конце XV — начале XVI вв. «энергично распространялась капиталистическая форма рассеянной мануфактуры и в то же время встречались отдельные крупные мастерские, а также предприятия смешанного типа, связанные с системой раздачи в городах и главным образом вне их»¹⁰². Таким образом, организационно эти ростки новых производственных отношений приобретали форму различных типов мануфактуры, среди которых, очевидно, преобладала рассеянная мануфактура. Появление и распространение мануфактуры дало основание историку-марксисту из ГДР М. Штейнметцу сделать вывод о том, что «в горнорудной и текстильной промышленности происходит образование промышленного капитала»¹⁰³. В этом случае истина лишь постулируется и нуждается в доказательствах, так как еще нужно ответить на вопрос о том, какое место капиталистическая мануфактура занимала в общем объеме национального производства, какой характер носили ее взаимоотношения со средневековыми цехами и, наконец, каковы конкретные формы и очертания этой мануфактуры в той или иной отрасли промышленности.

Мануфактура в Германии уже существовала в конце XV — начале XVI вв. По крайней мере, это можно считать вполне установленным фактом, когда речь идет о южных областях Германии, где она утверждается как в городах, так и в сельской местности. И только незнанием действительного положения вещей О. Г. Чайковской, можно объяснить то, что она, произвольно истолковав анализ Энгельсом в «Крестьянской войне» экономического положения страны накануне Реформации, делает вывод о том, что автор «Крестьянской войны» имел в виду якобы не капиталистическое развитие Германии и даже не возникновение отдельных элементов капитализма, а «...расцвет цехового средне-

---

¹⁰¹ И. Мацек. Ук. ст., ВИ, 1958, № 3, стр. 117.

¹⁰² М. М. Смирин. Ук. ст., ВИ, 1957, № 6, стр. 96.

¹⁰³ M. Steinmetz. Die Frühbürgerliche Revolution in Deutschland (1476—1535), Thesen. — «Probleme der frühbürgerlichen Revolution in Deutschland 1476—1535» (далее — PFRD) Berlin, 1961, S. 9.

векового ремесла»¹⁰⁴. Между тем мануфактуры, появляющиеся как вне цехов, так и вырастающие из них, являются настолько очевидным фактом, что делают заявление О. Г. Чайковской лишенным всяких оснований.

Конечно, необходимо иметь в виду, что цеховое производство и производство мелкого самостоятельного ремесленника не только еще существовало, но, очевидно, на его долю приходилась большая часть общественного продукта в промышленности. Однако К. Маркс находил объяснение такому положению в том, что в ту эпоху не только централизованная, но и мануфактура вообще «не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»¹⁰⁵. В то же время представления о цехах классического средневековья было бы заблуждением безоговорочно переносить на организацию городского ремесла и промышленности в Германии XVI в. Цехи, эгалитарные принципы которых были давно попораны и стали достоянием прошлого, если и оставались еще действующими институтами, то требование их отмены и уничтожения, поскольку они превратились в тормоз на пути развития новых производственных отношений, выдвигалось все с большей настойчивостью общественными слоями связывающими свои настоящие и особенно будущие интересы с утверждением этих отношений. При этом были возможны два варианта. В одном случае цехи продолжали номинально сохраняться, но над ними безраздельно господствовал оптовый торговец сырьем, который одновременно являлся скупщиком полуфабрикатов и готовой продукции. Типическим примером может служить самый многочисленный в Аугсбурге цех ткачей, из среды которого в свою очередь выходили предприниматели капиталистического типа, безжалостно эксплуатировавшие собратьев по корпорации. Этот цех в первой половине XVI в. еще продолжал играть известную политическую роль, но утратил по существу контроль над производством. Как на факт, характерный для городов Южной Германии, В. В. Стоклицкая-Терешко-

---

¹⁰⁴ О. Г. Чайковская. Ук. ст., ВИ, 1956, № 12, стр. 133.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 406.

вич указывает на то, что из среды цеховых ткачей этих городов выделялась богатая прослойка, производящая оптовую закупку хлопка и раздающая его другим ткачам¹⁰⁵. Именно эта богатая прослойка и становилась хозяином положения. В другом случае отмена цеховой организации ремесла была насущной задачей общественной борьбы. Так, 28 статья проекта реформ, выдвинутого сословиями Тироля и известного под названием Меранской программы, требовала «отмены всех братств и цехов ремесленников с их распорядками и наказаниями, так как среди них поддерживаются многие странные обычаи, которые наносят ущерб простому человеку, с тем чтобы отныне каждый мог работать по собственному усмотрению»¹⁰⁷.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что перед историками-марксистами стоит задача пересмотра традиционных представлений о роли цеховых организаций, особенно эпохи позднего средневековья. Эти представления сложились в результате штудий цеховых уставов, и еще В. В. Стоклицкая-Терешкович, сочинение которой о немецком городе XIV—XV вв. до сих пор остается лучшим в марксистской историографии, писала, что изучение историко-экономического материала «в корне подрывает старую точку зрения и рисует совершенно иную картину производственных отношений»¹⁰⁸. Это еще с большей настоятельностью требует решения вопроса об организации отдельных отраслей промышленности и степени развития в них капиталистических стношений.

Наиболее значительные успехи советской медиевистикой достигнуты в исследовании социально-экономических отношений в горнорудной промышленности Германии XV—XVI вв. Большой интерес в этом плане представляет кандидатская диссертация Ю. М. Григорьяна¹⁰⁹, которому, во-первых, удалось с марксистских позиций поставить во-

¹⁰⁶ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Ук. соч., стр. 90.

¹⁰⁷ «Acta Tirolensia», Bd. 3, S. 42.

¹⁰⁸ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Ук. соч., стр. 100.

¹⁰⁹ Ю. М. Григорьян. Горная промышленность и горнорабочие Германии в конце XV и в XVI вв. Канд. дис., М., 1955. Основные итоги исследований диссертанта в этой области изложены в статье, опубликованной на немецком языке: Ju. M. Grigorjan. Aus der Geschichte der Genesis der kapitalistischen Verhältnisse in Deutschland (der Bergbaues XV. jhs. und im XVI. jh.). — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, Hft. 8.

прос о развитии социальных и классовых отношений в горной промышленности, и, во-вторых, прийти к важному выводу о том, что горнометаллургические предприятия Германии XV—XVI вв. представляли собой «...капиталистические предприятия типа централизованной мануфактуры»¹¹⁰. На эту основную черту развития горнорудных промыслов обратил внимание еще в своей дискуссионной статье М. М. Смирин, который уже тогда пришел к выводу, «что в Германии в то время четко определились черты капиталистического уклада в этой отрасли промышленности»¹¹¹. В последние годы М. М. Смирин, который является в настоящее время безусловно самым крупным знатоком в СССР истории Германии позднего средневековья, обращается к исследованию социально-экономических отношений в горнорудной промышленности Германии XV—XVI вв. В статьях, посвященных данной теме¹¹², которые выполнены на характерном для этого исследователя высоком научном уровне, ставятся и находят решение важнейшие проблемы, касающиеся судеб не только данной отрасли народного хозяйства, но и вопросы, имеющие непосредственное отношение к экономическому и социальному развитию Германии XV—XVI вв. вообще. Под пером проф. М. М. Смирин абстрактная схема Г. Шмоллера обретает плоть живой истории, и абстрактные умозаключения немецкого историка о соотношении и связях различных элементов горнорудных районов получают разрешение в острейших социально-политических конфликтах.

Результаты исследований М. М. Смирин и Ю. М. Григорьяна не оставляют сомнения в том, что развитие капи-

---

¹¹⁰ Ю. М. Григорьян. Ук. дис., стр. 378.

¹¹¹ М. М. Смирин. Ук. ст. ВИ., 1957, № 8, стр.

¹¹² М. М. Смирин. 1) Социальные отношения в горной промышленности Фрейбергского района Саксонии в 40—80-х годах XV в., СВ, вып. XX, М., 1961 — 2) Развитие социальных противоречий в горной промышленности Саксонии в конце XV — начале XVI в., сб. «Генезис капитализма в промышленности», М., 1963. — 3) Социальная борьба в горных районах Саксонии в конце XV — начале XVI века и во время Великой крестьянской войны, СВ, вып. 24—25, М., 1963/64. 4) Борьба горнорабочих Тироля и социально-политическая программа Михаила Гайс-майера. СВ, вып. 29, М., 1966. Особый интерес для нас представляет последняя статья. Эти статьи и некоторые неопубликованные материалы составили монографию проф. М. М. Смирин «К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.)». М., 1969.

талистических отношений в горнорудной промышленности Германии конца XV — начала XVI вв. достигло высокого для мануфактурного периода капитализма уровня и препятствием на пути их дальнейшего развития было существование феодального института горных регалий, который тормозил и сдерживал дальнейшее прогрессивное развитие этой отрасли промышленности. Тому же режиму горных регалий обязана своим происхождением откупная система, имевшая следствием насаждение монополий в торговле металлами.

Работы А. Л. Ястребицкой¹¹³ свидетельствуют о том, что капиталистическая мануфактура централизованного типа возникает в Германии в такой совершенно новой отрасли промышленности, как типографское дело. При этом книгопечатание в большинстве городов Германии не знало цеховой организации. В том случае, когда печатники приписывались к тому или иному цеху, это обычно носило формальный характер и не могло изменить капиталистической природы издательских и типографских предприятий.

Недостаточно изучен в марксистской литературе вопрос об организации мануфактуры в текстильной промышленности и характере и степени развития капиталистических отношений в этой отрасли производства. Эта проблема большой научной важности еще ожидает исследователя-марксиста.

Прошедшая дискуссия показала, насколько сильно развитие германской экономики и капиталистических отношений, особенно в тех отраслях, которые работали на экспорт, зависело от судеб торговли, ее характера, масштабов и направления. Торговля, обслуживающая сферу обмена и обращения, сама по себе, конечно, еще не определяла способа производства. Однако в тех случаях, когда эта торговля была органической составной частью производственного цикла, она оказывала на производство достаточно сильное воздействие. Пример развития швабской текстильной про-

---

¹¹³ А. Л. Ястребицкая. О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города XV—XVI вв. Вестник МГУ, ист.-филол. серия, № 3, 1958. Е е ж е. Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV — середины XVI века. СВ, вып. 24, М., 1963.

мышленности и особенно бумазейного производства¹¹⁴, которому в XV в. колоссальный толчок сообщило успешное развитие экспортной торговли, может служить убедительным аргументом в пользу выдвинутого положения. Бумазейное производство не могло существовать без привозного хлопка. Выполнение этой операции, разумеется, было не под силу мелкому ремесленнику, который силою обстоятельств попадал в крепкие путы зависимости от раздатчика сырья и скупщика готовой продукции или полуфабрикатов, т. е. оптового торговца. Отсюда очевидна важность вопроса о характере немецкой торговли того времени. А. Д. Эпштейном было высказано суждение о том, что «... внешнюю торговлю Германии XV—XVI вв. никак нельзя отождествлять с транзитной»¹¹⁵. Это положение в общем справедливо. Отечественные купцы в значительных для того времени масштабах вывозили из страны продукцию текстильной промышленности (особенно бумазею и льняные ткани), металлы и изделия из металлов. Большое значение имел, как это мы только что видели выше, ввоз в Германию текстильного сырья. Торговля этими товарами, конечно, не имела ничего общего с транзитной торговлей. Это, однако, не значит, что последняя утратила для немецкого купечества свое значение. Германия по-прежнему продолжала извлекать выгоду из своего положения в центре Европы. Немецкое купечество и в XVI в. широко занималось посреднической торговлей восточными, а затем и колониальными пряностями, шелковыми тканями и предметами роскоши Италии со странами Северной Европы, экспортируя, в свою очередь, оттуда в страны Средиземноморья изделия бурно развивающейся текстильной промышленности североевропейского района.

Более сложной представляется проблема об образовании в Германии той эпохи единого национального рынка.

---

¹¹⁴ «Бумазейное производство, — пишет Ф. Рериг, — дает в высшей степени показательный пример того, как в средние века вся промышленность зависела не от локального рынка, а капиталистически организованной торговли и ее судеб». В конечном счете для этого историка «душой и носителем средневекового хозяйства был купец, а не производитель». (См. F. Rörig. *Mittelalterliche Weltwirtschaft. Blüte und Ende Weltwirtschaftperiode*. — «*Wirtschaftskräfte im Mittelalter*», SS. 364, 377). Так под пером Рерига экспортная торговля превращается в демиурга всей экономической жизни.

¹¹⁵ А. Д. Эпштейн. Ук. ст., ВП, № 8, 1957, стр. 131.

Правда, еще известный немецкий историк К. Лампрехт, подвергнув сомнению традиционные представления об экономически самодавлеющих областях Германии, писал: «Если еще в XIII в. можно было говорить о наполовину замкнутых областях торговли по Рейну, Дунаю и Эльбе, то отныне эти границы оказываются разрушенными и остается только большое различие между южно-германской торговлей Нюрнберга, Аугсбурга, Страсбурга, Франкфурта, с одной стороны, и северогерманской торговлей Ганзы, с другой, пока отчасти и это различие не было нарушено вторжением южногерманцев в Венгрию, Польшу и Россию»¹¹⁶. А. Д. Эпштейн, развивая это положение Лампрехта, приходит к выводу о том, что «факты позволяют констатировать процесс формирования единого национального рынка, успешно протекавший в XV и XVI веках. Незавершенность этого процесса, насильственно прерванного к концу XVI в., отнюдь не меняет ни его значения, ни его направленности»¹¹⁷. Подводя итоги исследования историков из ГДР последних лет, М. Штейнметц указал на тесную экономическую связь между отдельными районами Германии. Север с югом связывали две магистральные торговые линии. Западная линия использовала рейнскую речную систему до Кельна и проходила затем в северном направлении через Дортмунд и Оснабрюк на Бремен, Гамбург и Любек. Главными пунктами восточной линии север—юг были Аугсбург, Нюрнберг, Лейпциг, Кельн-на-Шпрее, Франкфурт-на-Одере и Штеттин. Равенсбург, Ульм, Аугсбург, Регенсбург, Пассау, Линц и Вена образуют южную ветвь торговых путей, которая проходила по Дунаю и связывала Аугсбург с Линцем через Мюнхен и Зальцбург. Связь между верхненемецкой и рейнской магистралями осуществлялась через Ульм, Каннштадт и Шпейер. Дорога Регенсбург — Нюрнберг — Вюрцбург связывала Дунай с водным путем по Майну. От нее и из Нюрнберга тянулись многочисленные нити на Прагу.

С конца XV в. все большее значение приобретала торговля между Западом и Востоком, важнейшим рынком ко-

¹¹⁶ K. Lamprecht. Zum Verständniss der wirtschaftlichen und sozialen Wandlungen in Deutschland vom XIV bis Jahrhundert. — «Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. I, Leipzig, 1893, S. 197.

¹¹⁷ А. Д. Эпштейн. Ук. ст., ВИ, 1957, № 8, стр. 134.

торой в Средней Германии был Лейпциг. Польские города Познань и Бреславль были начальными и конечными пунктами двух торговых путей, которые вели к Лейпцигу: один шел через Лигнитц, Герлитц и Баутцен, другой—через Глаугау, Заган и нижним путем через Торгау или Франкфурт-на-Одере на Лейпциг. Отсюда старый торговый путь проходил в юго-западном направлении через Намбург, Эрфурт и Готу на Эйзенах, где он раздваивался и шел через Херсфельд и Марбург на Кельн или через Фульду к Франкфурту-на-Майне¹¹⁸. Все это свидетельствует о том, что образование единого национального рынка в Германии стало к тому времени одной из первоочередных задач исторического развития, и эта задача стала осуществляться на практике, хотя и в начале XVI в. мы находимся лишь у истоков процесса образования единого национального рынка.

Экономическая обособенность отдельных районов действительно дала первые трещины. Однако особый хозяйственный уклад исторических областей страны по-прежнему сохранялся. Вторжение южнонемецких купцов в Северную Германию, о котором говорил еще Лампрехт, ставило своей целью не столько установление тесных экономических связей с этим районом, как вытеснение Ганзы из североευропейских областей торговли, долгое время находившихся под ее безраздельным влиянием. Торговые пункты, являвшиеся конечными станциями на магистральных, которые связывали юг с севером и запад с востоком, во многих отношениях носили эксцентрический характер и служили средством извлечения выгоды из географического положения страны в системе мировой торговли того времени.

Нельзя упускать из виду и политических условий, в которых протекал этот процесс. Правильную, на наш взгляд, мысль на этот счет высказала историк из ГДР И. Миттенцвей, которая указала на то, что «в Англии и во Франции в отличие от Германии капиталистические отношения зарождались в условиях централизованной монархии, что благоприятствовало складыванию единого национального рынка, и этим отношения долгое время могли мирно разви-

---

¹¹⁸ Deutsche Geschichte von den Anfänge bis 1789, Bd. I. Berlin, 1967, S. 462.

ваться в недрах феодализма»¹¹⁹. Неблагоприятные политические обстоятельства в Германии были тормозом на пути исторического процесса формирования единого национального рынка, который мог успешно протекать и завершиться только в случае изменения политической ситуации, т. е. в условиях торжества начал единого централизованного государства.

В связи с очевидными сдвигами в экономике Германии XV—XVI столетий и зарождением и развитием в ее недрах капиталистических отношений большой интерес представляет постановка вопроса о месте и роли в экономической жизни того времени крупных торговых и торгово-промышленных компаний. Один из первых шагов в советской медиэвистике в этом направлении был сделан еще в 30-е годы Е. К. Некрасовой, которая выступила со статьей, посвященной торговой и предпринимательской деятельности Фуггеров¹²⁰. Несомненной заслугой автора статьи следует признать попытку дать оценку деятельности крупнейшего аугсбургского торгового дома с позиций марксистской методологии. Однако ряд положений, выдвигаемых ею, не может не вызвать возражений.

Е. К. Некрасова ставит перед собой задачу поколебать «... распространенную в буржуазной исторической литературе точку зрения на Фуггеров, как на промышленных капиталистов по преимуществу»¹²¹. На это необходимо заметить, что подобная точка зрения действительно получила в буржуазной историографии широкое распространение, но признать ее общепринятой нельзя. Некоторые из буржуазных историков (например, Шейерман) придерживаются противоположного мнения, другие (особенно Виснер) вообще отказываются от решения вопроса о характере предпринимательской деятельности как Фуггеров, так и других торговых домов Южной Германии XV—XVI вв. Нуждается в уточнении и разъяснении и вывод Е. К. Некрасовой о том, что торговый и ростовщический капитал играет «значительную роль в образовании необходимых для капитализ-

---

¹¹⁹ I. Mittenzwei. Bemerkungen zum Character von Reformation und Bauernkrieg in Deutschland, PFRD, Berlin, 1961, S. 102.

¹²⁰ Е. К. Некрасова. Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров. Сб. «Из истории западно-европейского феодализма», Известия ГАИМК, М.—Л., 1934.

¹²¹ Там же, стр. 90.

ма предпосылок»¹²². Дело в том, что предпосылку капитализма как таковую торгово-ростовщический капитал содержит безотносительно к той полосе развития, через которую в тот или иной момент исторического развития проходит феодальная общественно-экономическая формация, ибо базой этого капитала может быть простое товарное производство в любой его форме. В конце же XV — первой половине XVI вв. торгово-ростовщический капитал уже не исключал при наличии соответствующих условий возможности перерастания в промышленный капитал.

В основном правильно эта проблема решается на материале деятельности торговых компаний в той же горнорудной промышленности Ю. М. Григорьяном, который отмечает, что «... в горной промышленности влияние торгового и ростовщического капитала на складывание капиталистических отношений было гораздо большим, чем в других отраслях промышленности»¹²³.

В то же время дискуссия, посвященная характеру реформации в Германии, выявила самые различные, порой исключаящие друг друга точки зрения в оценке деятельности торговых компаний и роли торгово-ростовщического капитала в зарождении и развитии капиталистических отношений. О. Г. Чайковская, для которой «... в конце XV — начале XVI вв. централизация горнорудных предприятий была, как правило, чисто внешней» и «механической», делает вывод о том, что торговый капитал в эту отрасль производства привлекали только огромные прибыли¹²⁴. По существу разделяет точку зрения О. Г. Чайковской историк из ГДР Г. Хайтц, полагающий, что «проникновение торгового капитала в горную промышленность Средней Германии было вызвано конъюнктурными соображениями и поэтому изменение торговых путей вело еще к большему ослаблению связей этого капитала с промышленностью»¹²⁵. Отрицательную оценку исторической миссии торгового капитала дает и М. Штейнметц, который пишет о том, что

---

¹²² Е. К. Некрасова. Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров. Сб. «Из истории западно-европейского феодализма», Известия ГАИМК, М.—Л., 1934, стр. 61.

¹²³ Ю. М. Григорьян. Ук. дис., стр. 245.

¹²⁴ О. Г. Чайковская. Ук. ст., ВИ, 1956, № 12, стр. 140.

¹²⁵ G. Heitz. Zu einigen wirtschaftlichen Fragen der frühbürgerlichen Revolution, PFRD, Berlin, 1961, S. 63.

«торговый капитал всегда служил феодализму, если даже этот капитал и способствовал распространению капитализма, то и в этом случае он не только не приходил в противоречие с усиливающейся княжеской властью, но и сотрудничал с нею»¹²⁶.

Мнение О. Г. Чайковской и Г. Хайтца о чисто внешней связи торгово-ростовщического капитала с горнорудными промыслами следует признать ошибочным. На самом деле связь была гораздо глубже, нежели думают оба историка. Поэтому прав Ю. М. Григорьян, когда указывает на органическую связь купеческого капитала с горным делом. «Новая сложная для того времени техника, — пишет он, — требовала значительных капиталовложений. Для приобретения топлива и вспомогательных материалов, оплаты рабочей силы были необходимы значительные денежные средства. Этим в значительной степени и объясняется тот факт, что в процессе образования крупных предприятий мануфактурного типа торговый и ростовщический капитал сыграл очень большую роль, гораздо большую, чем в какой-либо другой отрасли промышленности»¹²⁷. Неправомерно односторонней является и точка зрения М. Штейнметца, по существу смешивающего два различных вопроса: тесную связь руководителей ряда крупных южногерманских компаний с Габсбургами и княжеской администрацией, реакционная роль которых во время Реформации хорошо известна, и историческую роль торгово-ростовщического капитала, который служил не только феодализму, но и поднимающемуся капитализму. Совершенно очевидно, что проникновение торгового капитала в горнорудную промышленность способствовало созданию капиталистических мануфактур централизованного типа.

В категорической форме тезис о прогрессивной роли крупных торговых компаний в развитии горного дела и в экономической жизни Германии того времени сформулиро-

---

¹²⁶ М. Steinmetz. Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland (1476—1535), Thesen, PFRD, S. 10. Правда, М. Штейнметц одновременно отводит верхненемецким торговым фирмам, и особенно Фуггерам, выдающуюся роль в установлении «действенной связи» между севером и югом страны (см. Deutsche Geschichte, Bd. I, Berlin, 1965, S. 463), т. е. в процессе образования единого национального рынка. Если это так, то утверждение Штейнметца о фатальной приверженности торгового капитала феодализму не имеет серьезных оснований.

¹²⁷ Ю. М. Григорьян. Ук. ст., ВП, 1958, № 1, стр. 126—127.

ван А. Д. Эпштейном¹²⁸, сделавшим парадоксальный вывод о том, что «крупные торговые дома, независимо от результатов их деятельности, выступали носителями свободы конкуренции»¹²⁹. Однако источники, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют скорее об обратном. Европейская буржуазия пройдет длительный путь развития, прежде чем свобода предпринимательства станет требованием и лозунгом ее деятельности, которые А. Д. Эпштейн без достаточных оснований переносит в XVI столетие. Деятельность торгово-банковских домов Германии, по его мнению, только потому нельзя безоговорочно признать прогрессивной, что значительная часть мобилизованных ими денежных средств «направлялась на финансирование дворов и захватнических дворянских войн»¹³⁰. Этой оговоркой, конечно, еще не исчерпываются отрицательные моменты в деятельности торгово-ростовщических фирм. При решении вопроса о их влиянии на экономическую жизнь необходимо иметь в виду, что эти предприятия были монополистами, сосредоточивавшими благодаря связям с феодальными регально-княжескими властями в своих руках торговлю отдельными видами товаров. Поэтому вопрос о монополиях приобретает для нас особое значение.

А. Д. Эпштейн склонен полагать, что «...германские монополии способствовали развитию производительных сил, встречая активное и все нараставшее противодействие со стороны мелкого купечества, ростовщиков и мелких предпринимателей, естественных противников свободной конкуренции и единого рынка»¹³¹. Он вслед за О. Г. Чайковской готов видеть в решениях нюрнбергского рейхстага 1522 г. и в известной Гейльбронской программе, которые ограничивали учредительный капитал компаний 10 и 50 тысячами гульденов, восстание средневекового бюргерства против поднимающегося капитализма. В этом, по нашему мнению, кроется неправильное понимание борьбы, которая велась вокруг вопроса о монополиях. Когда программные документы выдвигали требование ограничения основного капитала десятью или пятьюдесятью тысячами гульденов (сумма по тем временам огромная!), то их авторы вовсе не руководст-

¹²⁸ А. Д. Эпштейн. Ук. ст., ВИ, № 8, 1957, стр. 137—138.

¹²⁹ Е го же. История Германии..., стр. 31—32.

¹³⁰ Е го же. Ук. ст., ВИ, № 8, 1958, стр. 135.

¹³¹ Там же, стр. 138.

вовались мотивом защиты интересов средневекового бюргерства. Скорее в этом требовании можно видеть стремление капиталистических и прокапиталистических элементов оградить свои интересы от компаний-монополий. Поэтому оценка деятельности компаний А. Д. Эпштейном вызвала возражения со стороны С. М. Стама, по мнению которого, «в условиях первоначального накопления деятельность этих купеческих компаний играла известную положительную роль, но не она была главным началом капиталистического уклада. А чем дальше, тем больше эти средневековые монополии становились тормозом развития конкуренции и капиталистического предпринимательства»¹³². Само по себе, это положение верно, хотя, определяя историческую роль торговых и торгово-ростовщических фирм в начальную эпоху европейского капитализма, необходимо иметь в виду не только монополии, но и изменение характера деятельности компаний. Путь, пройденный этими предприятиями, схематически может быть очерчен следующим образом. От торговли товарами и ростовщических операций компании переходят к капиталистическому предпринимательству в текстильной промышленности и на горнорудных промыслах (сочетая это предпринимательство с двумя первыми видами деятельности). Однако в дальнейшем южнонемецкие фирмы изымают капиталы из производственной сферы, свертывают торговлю и инвестируют освободившиеся средства в землевладение, которое в конце XVI в. начинает иметь для многих из них решающее значение. Поэтому когда А. Д. Эпштейн пишет о том, что «поражение Карла V повлекло за собой неизбежный поворот в экономической политике и означало вместе с удушением компаний и удушение капиталистического уклада»¹³³, то он этим не только преувеличивает роль крупных торговых предприятий в экономической жизни страны, но и путает причину со следствием. Конечно, не компании определяли хозяйственный строй страны, а характер их деятельности диктовался уровнем и тенденциями экономического развития Германии и политической ситуацией. Между тем обвинение С. М. Стамом А. Д. Эпштейна в том, что последний обходит молчанием вопрос о «варварском разрушении производитель-

¹³² С. М. Стам. Ук. ст., ВИ, 1958, № 4, стр. 109.

¹³³ А. Д. Эпштейн. Ук. ст., ВИ, 1957, № 8, стр. 110.

ных», к чему якобы сознательно прибегали Фуггеры¹³⁴, вряд ли может выдвигаться с такой прямолинейностью. С. М. Стам, очевидно, имеет в виду Raubbau (хищнические разработки горных пород), которые вели Фуггеры и другие южногерманские фирмы. Однако Raubbau, будучи одним из проявлений раннекапиталистических отношений, не являются свидетельством, определяющим характер деятельности компаний в горнорудных районах. Таким образом, вопрос об исторической миссии крупных торговых компаний в социально-экономическом развитии Германии в XV—XVI вв. следует отнести к числу недостаточно исследованных в марксистской историографии, решение которого очевидно следует искать в более глубоком и пристальном изучении источников. И нужно сказать, что в последнее время советские медиевисты предпринимают шаги именно в этом направлении.

В статье Н. В. Чуркиной речь идет о развитии капиталистических отношений в словенских землях. Автор, установив тот факт, что характерной особенностью этих отношений была зависимость местной промышленности (особенно горнорудной и металлургической) от иностранных компаний (главным образом южногерманских), делает вывод о подчинении этих отраслей торговому, а не промышленному капиталу¹³⁵. Это справедливо лишь отчасти, поскольку иноземные купцы выступали здесь не только в роли торговцев и откупщиков металлов и лиц, авансировавших мелких товаропроизводителей, но и брали на себя функции капиталистов-горнозаводчиков, т. е. в известной мере и организаторов производства. В подобных случаях мы имеем дело с трансформацией купеческого капитала в промышленный, с зависимостью местной промышленности от торгово-промышленного капитала.

Непосредственное отношение к теме нашего исследования имеет уже упоминавшаяся монография М. М. Смириня, в которой значительное место занимает история горнорудной промышленности, социальных отношений и классовой борьбы в Тироле XV—XVI вв., т. е. того региона, где деятельность южногерманских крупных фирм была особенно активной. Исследование ученого содержит и ряд важных

¹³⁴ С. М. Стам. Ук. ст., ВИ, 1958, № 4, стр. 110.

¹³⁵ И. В. Чуркина. Развитие промышленности и торговли в Словении в XVI в. Сб. «Генезис капитализма», М., 1965, стр. 128, 137.

выводов, имеющих принципиальное значение для решения проблемы раннего европейского капитализма ¹³⁶.

Проблема организации и структуры торговых компаний раннекапиталистической эпохи в марксистской исторической литературе изучена явно недостаточно. До настоящего времени на ее обратили внимание лишь ленинградские историки В. Н. Рутенбург и В. В. Штокмар ¹³⁷. В. Н. Рутенбург свои наблюдения строит на материале флорентийских компаний XIV в., а В. В. Штокмар — на материале английских «управляемых» и «ливрейных» компаний XVI в. А. Д. Эпштейн, уделяя в уже упоминаемой нами монографии ¹³⁸ большое внимание деятельности германских торговых компаний XVI в., освещает с недостаточной полнотой организацию этих предприятий. Это, по нашему мнению, является одной из причин ошибочной оценки историком роли компаний в развитии прогрессивных тенденций в экономике Германии того времени. В конечном счете несколько крупнейших торговых компаний Южной Германии, внутренняя природа которых исследуется этим историком недостаточно глубоко, превращаются под его пером в решающий фактор в экономической жизни страны ¹³⁹. Незавершенность данной темы в советской медиэвистике вполне оправдывает наше стремление дать характеристику организации и внутренней структуры торговых и торгово-промышленных компаний на материале Южной Германии.

Подводя итоги экскурсии в марксистскую историографию, считаем необходимым сделать несколько общих выводов и замечаний.

¹³⁶ М. М. Смирин. К истории раннего капитализма..., главы третья и пятая, стр. 120—213, 310—450. К сожалению, настоящая работа была уже подготовлена к печати, когда монография проф. М. М. Смирин вышла в свет. По этой причине некоторые важные проблемы, поставленные или решенные М. М. Смириним, не получили оценки со стороны автора данной работы.

¹³⁷ В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии (Флорентийские компании XIV в.). М.—Л., 1951; В. В. Штокмар. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Изд-во ЛГУ, 1962.

¹³⁸ А. Д. Эпштейн. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года, М., 1961.

¹³⁹ Академик С. Д. Сказкин и профессора М. А. Барг и В. М. Лазровский в рецензии на монографию А. Д. Эпштейна отмечают, что подлинных носителей капиталистического способа производства у автора «...заслонила широкая спина Якова Фуггера». См. ВИ, 1953, № 7, стр. 151.

1. Марксистскую историческую литературу выгодно отличает от буржуазной историографии ее стремление связать решение даже частных вопросов с кардинальными проблемами социально-экономического развития Германии XV—XVI вв. Только такой подход позволит в конечном счете выяснить подлинные корни и характер Реформации как первого опыта буржуазной революции в Европе.

2. Научная полемика, которая велась между историками-марксистами по вопросу о характере Реформации в Германии, подтвердила настоятельную необходимость марксистских исследований как по региональным, так и общим проблемам. Эти исследования должны ликвидировать «белые пятна» в наших представлениях о социально-экономических отношениях в Германии того времени, обнаружившиеся в ходе дискуссии.

3. Приложение марксистско-ленинской методологии к конкретному историческому материалу дает тот единственно верный ключ, с помощью которого может быть открыта тайна истории Германии XVI в. Именно об этом свидетельствуют результаты исследований Ю. М. Григорьяна и особенно М. М. Смириня. Автор считает долгом продолжить начатую в этом направлении работу.

Глава II

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ТОРГОВЫХ КОМПАНИЙ

Исследование организационных форм южногерманских торговых, а отчасти и торгово-промышленных предприятий XV—XVI вв., представляется важным по следующим соображениям. Во-первых, изучение организации и структуры компаний может быть полезным и поучительным не только для историка торгового права, но и историка-экономиста, так как появление и развитие этих предприятий следует связывать со сдвигами в структуре южногерманской торговли и промышленности. Во-вторых, именно организационные принципы и формы компаний отождествляются большей частью буржуазных историков с современными капиталистическими предприятиями, и подобная модернизаторская тенденция

имеет своим следствием извращение действительного положения вещей. В-третьих, исследователь, избравший темой своей работы проблему генезиса капитализма в промышленности, не может рассчитывать на сколько-нибудь полное ее освещение, не принимая во внимание чисто внешних форм организации тех предприятий, которые исторически являются более или менее развитыми предшественниками современных капиталистических предприятий.

Особенности самой структуры и организации южногерманских компаний XV—XVI столетий объясняются не только тем, что они были порождены простым товарным производством и тысячами видимых и невидимых нитей связаны с экономической структурой феодального общества, но и тем, что в эпоху раннего европейского капитализма торговый и торгово-ростовщический капитал безраздельно господствовал над целым рядом отраслей промышленности, ориентировавшихся на экспорт своей продукции. Этим вполне оправдывается интерес автора к данной научной проблеме.

ТИПЫ ТОРГОВЫХ КОМПАНИЙ

Вопрос о типах южногерманских торговых компаний XV—XVI вв. хотя и не представляет, по нашему мнению, особой сложности, трактуется буржуазной историографией довольно противоречиво. Дело в том, что стремление буржуазных историков установить правовой статус той или иной компании с точки зрения современного права неизбежно толкает их на путь абстрактных построений и модернизации. Таким образом, изучение подлинной природы компаний приносится в жертву тонкостям историко-юридических наблюдений. Поэтому автор настоящей работы ставит своей целью обрисовать, насколько это позволяют источники, характерные типы торговых компаний Южной Германии XV—XVI вв., т. е., во-первых, тот тип предприятия, который источники называют «товариществом» (Gesellschaft) или «торговым товариществом» (Handelsgesellschaft); во-вторых, особый тип торговых и торгово-ростовщических объединений, получивших неправомерное наименование «консорциумов» в современной буржуазной исторической литературе.

Торговые предприятия первого типа могут быть, в свою очередь, подразделены на следующие основные виды: 1) «се-

мейная компания», т. е. товарищество, участниками и пайщиками которого являлись несколько членов одной и той же семьи; 2) «смешанные компании», в которых, наряду с членами одной (или нескольких семейств) участвовали посторонние, т. е. не состоящие в родстве лица; 3) и, наконец, компании, пайщиками которых были исключительно посторонние или так называемые «третьи лица». Причем, исследователи единодушны, когда утверждают, что «семейная компания» служила той формой организации торговых и торгово-промышленных компаний, которая преобладала в эпоху раннего германского капитализма над всеми прочими и была особенно характерна для цитадели этого капитализма — имперского города Аугсбурга ¹. В качестве примера предприятия этого типа можно назвать компанию Фуггеров.

Первый договор, юридически оформивший существование этого предприятия, относится к 1494 году, когда Ульрих, Георг и Яков «дружески, по-братски и с готовностью объединились друг с другом и договорились вести эту братскую торговлю и компанию» ². Срок действия товарищества устанавливался договором в шесть лет, в течение которых каждый участник и пайщик предприятия получал равную долю прибыли и нес равную долю возможных убытков в соответствии с размером основного капитала, вложенного каждым из пайщиков в дело, т. е. участие в прибылях предприятия определялось величиной капитала участников предприятия. В то же время все три брата являлись совершенно равноправными компаньонами. Каждый из них мог выполнять при определенных обстоятельствах функции главы предприятия (*als ob unser yeder der obristhauptandler selbst were*) ³ и обладал полнотой власти и влиянием во всех делах вместе и в каждом (в отдельности), т. е. имел право принимать решения по всем вопросам практической деятельности компании, нанимать в компанию служащих и факторов и заключать подряды ⁴.

Но уже текст договора о создании компании Фуггеров в 1494 г. содержал ту «тенденцию к автократии», которая в конечном итоге, как это заметил О. Петерка, «привела к

¹ J. Strieder. Studien..., S. 95—96.

² M. Jahnson. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 263.

³ Ibid., S. 264.

⁴ Ibid., SS. 263—264.

торжеству монархических начал в управлении предприятии»⁵. Согласно условию этого договора, в случае смерти одного из членов товарищества, капитал последнего должен оставаться в активах фирмы в течение трех лет, если бы даже наследники покойного и не пожелали участвовать в деле. Предприятие продолжало функционировать, «как если бы мы все трое были еще живы» (ob wir noch alle drey in leben werden)⁶. Более того, двое или даже один из оставшихся в живых должны были обладать на срок действия договора неограниченными полномочиями в товариществе⁷. В особых разъяснениях о горнорудных предприятиях к договору трех братьев от 1502 г. выделяется особая категория «правителей» (verwalter, verweser und regierer), которые относительно «этой торговли распоряжаются и делают так, чтобы не отчитываться перед другими, они также не должны представлять прочим некоторые счета или посвящать в дела этой торговли, напротив, прочие должны доверять и верить им просто на слово»⁸. Таким образом, компания, первоначально являвшаяся товариществом равноправных участников и пайщиков, превращается в предприятие, в котором все нити управления сосредоточиваются в руках главы фирмы. И если еще договор от 1502 г. провозглашает принцип, согласно которого каждый из членов торгового товарищества обладает «точно такими же правами, как и все другие вместе взятые»⁹, то текст договора, составленного десять лет спустя, требует от членов компании полного подчинения воле «правителя». Яков Фуггер вменяет в обязанность своим племянникам и компаньонам «вести торговлю не иначе как по моему приказу и распоряжению, и ничего не предпринимать, на что им не было приказа, полномочий или распоряжения»¹⁰.

Однако принцип авторитаризма не в меньшей степени был свойственен и компании Паумгартнеров. И дело здесь не столько в личных качествах Якова и Антона Фуггеров или Ганса Паумгартнера Младшего (хотя и они, конечно, имели определенное значение), сколько в экономических

---

⁵ O. Peterka. Op. cit., SS. 404, 409.

⁶ Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 265.

⁷ Ibid., S. 267.

⁸ Ibid., SS. 277—278.

⁹ Ibid., S. 270.

¹⁰ Ibid., S. 291.

условиях, в которых протекала деятельность крупнейших аугсбургских компаний. Процесс накопления денежных богатств на рубеже XV—XVI вв. уже зашел так далеко, что позволял наиболее удачливым купцам, банкирам и предпринимателям вести весьма крупные для того времени торговые и ростовщические операции, не прибегая к помощи и сотрудничеству с «третьими лицами». С другой стороны, нетрудно заметить, что те экономические причины, которые давали возможность отдельным богатым купцам вести самостоятельно дела, создавая «семейные компании», побуждали менее значительных купцов объединяться в торговые товарищества, так как только это позволяло им мобилизовать крупные денежные средства. В таком случае капитал в одно предприятие помещали как родственники, так и третьи лица. Каких-либо четких границ между этими видами торговых товариществ в природе, очевидно, не существовало, так как организационная структура предприятий данного типа могла развиваться в различных направлениях в зависимости от объективно сложившихся условий и субъективных качеств пайщиков предприятия. Любопытно, что Лука Фуггер, внук переселившегося из деревни Грабен в Аугсбург ткача, «совместно со своими сыновьями с большим размахом вел торговлю венецианскими пряностями, кармезином, шелком-сырцом и шелковыми тканями в Нюрнберге, Лейпциге и по Рейну и столь же счастливо торговал в Антверпене шерстяными тканями». Оказывается, что в компанию предприимчивого Луки Фуггера помимо сыновей входили Ганс Келлер, Марк Мюлах, Марк Циммерман, которые не только были пайщиками предприятия, но и выполняли функции факторов. И это обстоятельство, по словам составителя «Семейной хроники Фуггеров», немало способствовало тому, что для товарищества «торговля в этих странах шла так счастливо и успешно»¹¹. И это было обычным явлением.

В XV в. аугсбургские купцы создают товарищества для выполнения самых различных задач. Так, например, в 1425 г. отец хрониста Гектора Мюлиха, Иерг Мюлих, а также Эрхарт Вараус и Ганс Мейтинг помещают свои капиталы в торговлю благородными металлами (серебром и золотом)

---

¹¹ Chronik der Familie Fugger, SS. 15—16.

и начинают вести ее совместно в Нюрнберге ¹². В 1436 г. Ганс Мейтинг Старший, Ульрих Мейтинг, Ганс Мейтинг Младший и зятя первого Клаус Грандер, Людвиг Горнлин и Конрад Рауд образуют новую компанию и берут на себя обязательства «быть похвально верными друг другу, о чем и приносят клятву перед богом, святыми и присягают на библии, обязуясь придерживаться установленного договором порядка, выполняя, что из него следует и предусмотрено. Верно, без обмана должны они оставаться и состоять именно в этом нашем объединении и товариществе в течение пяти лет, начиная с сегодняшнего дня» ¹³. Главой предприятия договор называет Ганса Мейтинга Старшего ¹⁴. К 1437 г. эта фирма крупнейшая в Аугсбурге. В ней участвуют не только представители семейства Мейтингов или лица, находящиеся с ними в родственных связях, но туда охотно принимают и других зажиточных бюргеров. Интересно, что в 1441 г. на службу в компанию Мейтингов поступает будущий хронист Буркард Цинк, который одновременно становится и пайщиком торгового товарищества ¹⁵.

Стремление руководителей этой аугсбургской компании к привлечению денежных средств извне вполне объяснимо, так как она приступила к крупным откупным операциям с металлами и предоставила значительные займы австрийскому дому Габсбургов. Впрочем, вступление в компанию новых лиц не меняло ее организационной основы: она продолжала оставаться прежде всего товариществом Мейтингов. Торговая фирма использовала торговый знак семейства Мейтингов, а Ганс Мейтинг Старший вел дела от своего имени.

Весьма любопытна по своей организации и назначению компания, созданная осенью 1506 г. нюрнбергскими бюргерами Иергом Колером и Иергом Крессом и миланским купцом Амвросио да Сарано (de Saranno). Названные лица «...единодушно объединились и обязались составить друг с другом на последующие четыре года компанию при усло-

¹² Chronik des Hector Müllich, S. 68.

¹³ J. Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. Forschungen zur Entstehung des größeren bürgerlichen Kapitalvermögens am Ausgang des Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit, zunächst in Augsburg, Aufl. 2. Anhang, München u. Leipzig, 1935, S. 221.

¹⁴ Ibid., S. 222.

¹⁵ Chronik des Burkard Zink, SS. 133--134.

вии, что каждый должен быть верен другому и должен соблюдать из слова в слово установленные статьи»¹⁶. Главой и «правителем» товарищества текст договора называет Иерга Колера, который получал от своих компаньонов «полномочия и власть действовать по собственному усмотрению во всех делах, касающихся нашей торговли, когда речь идет о закупках или продаже, доходах и расходах». Особая роль при этом отводилась де Сарано. На него возлагалось ведение «всех дел в Милане и повсюду в Ломбардии», по которым Амвросио один раз в году отчитывается перед «правителем» компании Иергой Колером¹⁷.

Союз миланского негодцианта с нюрнбергскими купцами имел вполне реальную почву, так как между Южной Германией и Северной Италией издавна существовали прочные торговые связи. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о том, что такой тип торгового предприятия, который объединял в одной компании несколько купцов, находившихся в различных географических пунктах (*Fernhandelsgesellschaft*), широко распространенный в ганзейских областях, редко имел место в Южной Германии. Большая часть известных нам южнонемецких фирм вела торговлю в том же Милане с помощью собственных факторий, не привлекая в свои предприятия местных купцов в качестве пайщиков и участников. Впрочем, последнее не означает, что элементы *Fernhandelsgesellschaft* не были свойственны южногерманским компаниям. Так, например, 3 июля 1515 г. Ганс Паумгартнер Старший, Ганс Паумгартнер Младший, Вольфганг Рудольф, Кристоф Реллингер (все бюргеры Аугсбурга) и Ганс Хетцер из Нюрнберга «составили друг с другом торговое предприятие и товарищество сроком на два года и дали друг другу письменное обязательство» (*mit ain ander ain kaufmans hanttierung und gesellschaft datzumal auf zwai jar lang mitainander angenomen und uns geben ainander verschreibung*). По истечении двух лет (4 июля 1517 г.) Ганс Паумгартнер Младший и Кристоф Реллингер подписали соглашение о создании нового товарищества сроком на четыре года. По истечении этого срока компаньоны решили произвести друг с другом расчет в со-

¹⁶ A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehr zwischen Westdeutschland und Italien, Bd. 2, Urkunden, Leipzig, 1900, S. 269.

¹⁷ Ibid., S. 270.

ответствии с помещенным в предприятие капиталом¹⁸. Любопытно, что в обоих случаях одним из пайщиков предприятия был нюрнбергский купец, который и представлял в этом городе интересы каждого из своих аугсбургских компаньонов и фирмы в целом. Это позволяет товарищества с участием Хетцера отнести к типу *Fernhandelsgesellschaft*.

Оригинальна по своей организационной структуре Большая Равенбургская компания. По мнению Бауэра, она является «семейной компанией» с несколькими членами-семьями¹⁹. И действительно, в ее состав в разные годы входило от 22 до 47 купцов не только из Равенбурга и Констанца, но и из других менее значительных городов Верхней Швабии. Однако ключевые позиции в этом товариществе занимали представители богатейших купеческо-патрицианских родов Равенбурга и Констанца (Гумписы, Мунтпраты и Меттели), которые фактически и определяли основное направление деятельности предприятия. Другим примером предприятия этого типа может служить знаменитая компания Вельзеров, в которую в 1508 г. входило 18 пайщиков. В ее рядах мы видим богатых купцов Аугсбурга, Ульма и Меммингена²⁰.

Аналогична по своей организационной структуре не менее известная аугсбургская компания Гохштеттеров. В нее входили в 1514—1520 гг. не только представители семьи, давшей наименование товариществу, но и аугсбургские купцы Лаукс Рем, Ганс Унгельтер, Филипп Гаснер, Ганс Паумгартнер и некий Габлер из Нюрнберга²¹.

1 сентября 1531 года договор о создании компании сроком на шесть лет подписали аугсбургские купцы Антон Гауг Старший, Ганс Лангенауэр и Ульрих Линк, хотя уже с первых лет существования товарищества его участниками были по крайней мере 17 пайщиков. Эта компания занималась торговлей швабской бумазеей, итальянским шелком, египетским хлопком и восточными и колониальными пряностями, вела кредитные операции и участвовала в горно-рудных предприятиях²². В данном случае большая часть пайщиков не состояла в родственных связях.

¹⁸ K. O. Müller. Quellen..., S. 232.

¹⁹ C. Bauer. Op. cit., S. 33.

²⁰ R. Ehrenberg. Op. cit., Bd. 1, S. 196.

²¹ E. Kern. Op. cit., S. 184.

²² R. Ehrenberg. Op. cit., Bd. 1, S. 227. G. von Pölnitz. Anton Fugger, Bd. 1, SS. 234, 566.

Итак, использованный нами материал не оставляет сомнения в том, что формы торговых товариществ (Handels-gesellschaften) довольно разнообразны, хотя в любом случае в основе их организации и структуры лежит совместное постоянное сотрудничество членов товарищества «работой и капиталом» на протяжении определенного срока (от года до шести и более лет). Короче, компании являются постоянным объединением оптовых торговцев и предпринимателей, которые имеют в своем распоряжении аппарат торговых служащих.

Однако различные виды товариществ (Gesellschaften) не исчерпывают организационных форм торгово-ростовщических и торгово-промышленных предприятий Южной Германии XV—XVI вв. Изучение источников позволяет обнаружить весьма своеобразную форму объединений нескольких компаний. В буржуазной исторической литературе эти объединения неправомерно получают наименование «консорциумов». Появление таких объединений было обусловлено особенностями экономической структуры Европы в эпоху раннего капитализма и особенно условиями общественного кредита. Подлинная природа этого типа южногерманских предприятий может быть установлена только в результате анализа конкретного материала источников.

В августе 1496 г. император Максимилиан I заключает соглашение с аугсбургскими торговыми фирмами Госсембротов, Гервартов и Фуггеров о продаже «при посредничестве братьев Паумгартнеров из Аугсбурга» 2400 мейлеров меди на венецианском рынке²³. В этом случае аугсбургские компании выступают в роли комиссионеров по продаже меди, и еще в феврале 1501 г. тирольское казначейство выплачивает им комиссионные «за посредничество и торговые расходы»²⁴. В рассмотренном примере компании вступают в соглашение как с императором, так и друг с другом и используют находящийся в их распоряжении аппарат для выполнения одной значительной по своим масштабам торговой операции. Большой интерес представляет договор Фуггеров с десятью крупнейшими тирольскими горнозаводчиками о поставке швацкой меди от 16 марта 1499 года. Владельцы плавильен, согласно условиям этого контракта,

²³ K. O. Müller. Quellen... SS. 199—200.

²⁴ Ibid., S. 201.

берут на себя обязательство поставлять в течение трех лет медь фирме Фуггеров с целью извлечения большей выгоды (das wir pessers unsers nutz)²⁵. Здесь мы имеем дело со своеобразным разделением сферы деятельности между капиталистом-предпринимателем и купцом-экспортером. При этом торговец подчиняет промышленника, так как последний вынужден поставлять металл аугсбургскому купцу по твердо установленной цене²⁶. Только в случае производства меди сверх установленной квоты поставок тирольские горнодобытчики получали право продавать медь по своему усмотрению. Но и это право ограничивается продажей меди в немецких землях. Договор запрещает вывозить им медь в Боден и на итальянские рынки²⁷. Однако поскольку Максимилиан I, будучи сюзереном Тироля и обладателем горной регалии, имел право производить закупку металла в первую очередь, он «уступает» это право объединению швабских горнопромышленников и аугсбургского купца, пожаловав им специальную привилегию на торговлю медью²⁸.

Возникновение объединений подобного рода следует связывать также с теми новыми явлениями в экономической жизни Европы, которые открывали перед предприимчивыми купцами источники быстрого обогащения. В этом отношении очень любопытны сведения, которые Вильгельм Рем сообщает об участии немецких купцов в одной из колониальных экспедиций. Хронист рассказывает о том, что 25 марта 1505 года король Португалии снарядил девятнадцать кораблей за пряностями в Калькутту, «и с ними некоторые из немецких и итальянских купцов отправили три корабля на свой счет»²⁹. Снаряжение этих судов обошлось в 65 400 дукатов, из которых 29 400 дукатов внесли флорентийские и генуэзские купцы и 36 тыс. дукатов — немецкие негоцианты. Самый большой пай в 20 тыс. дукатов в этом предприятии принадлежал известной южнонемецкой компании Вельзера-Велина, а из других купцов по 4 тыс. внесли Фуггеры и Гохштеттеры из Аугсбурга, по 3 тыс. Госсембро-ты из Аугсбурга и Имгофы из Нюрнберга и, наконец, 2 тыс. Гиршфогель из Нюрнберга. Когда ровно через год (22 марта

²⁵ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, SS. 351—355.

²⁶ Ibid., S. 355.

²⁷ Ibid., S. 357.

²⁸ Ibid., SS. 358—359.

²⁹ W. Rem. Chronica der Newer Geschichten, SS. 277—278.

1506 г.) экспедиция благополучно возвратилась в Лиссабон, то четвертую часть привезенного на зафрахтованных немецкими купцами кораблях перца и других пряностей по праву королевской регалии забрал в свою пользу португальский монарх, а остальное в соответствии со своими паями получили купцы³⁰. Как уверяет Рем, «слышавший от одного заслуживающего доверия человека, который в том (деле) тоже имел долю, что они получили прибыль по 175 с сотни»³¹. Свидетельства Рема о колониальной экспедиции побуждают исследователя обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, на тесное переплетение интересов короны и частного капитала; во-вторых, что сейчас для нас особенно интересно, на организационную структуру объединения немецких и итальянских купцов-предпринимателей. Это объединение опять-таки ограничено во времени проведением и выполнением одной задачи, которая сводится к подготовке колониальной экспедиции и получению пряностей. Реализацией полученных в результате успешного завершения экспедиции товаров (прежде всего пряностей) занималась отдельно каждая из участвовавших в предприятии компаний.

Развитие откупов, которые были неизбежным следствием господства феодально-регального права, имело своим следствием глубокое проникновение купеческого капитала в систему государственных финансов того времени. Достигалось это (особенно на первых порах) при помощи объединения денежных средств двух или нескольких купцов и банкиров-ростовщиков. Наглядным примером может служить аренда в 1527 г. имущества «Маэстрацгос», принадлежавшего духовно-рыцарским испанским орденам Сант-Яго, Алькантара и Калатрава, объединением Фуггеров и Вельзеров сроком на шесть лет. Фуггеры вложили в это предприятие $\frac{2}{3}$ капитала, а Вельзеры — $\frac{1}{3}$, поэтому в течение первых четырех лет доходы получали Фуггеры, а в последующие два года — Вельзеры³². Объединение южнонемецких банкиров получало помимо всего прочего альмадийские ртутные рудники, управление которыми осуществлялось одной и той же администрацией как при Фуггерах, так и при

---

³⁰ Ibid., S. 278.

³¹ Ibid., S. 279.

³² C. Bauer. Op. cit., S. 105.

Вельзерах³³. В данном случае отчетливо проявляется тенденция превращения временного и непрочного объединения в постоянно действующее предприятие с собственными органами управления и штатом служащих. И действительно, многократное возобновление Фуггерами аренды «Маэстрацгос», правда, уже без участия Вельзеров, превратило их факторию в Испании в самостоятельный филиал аугсбургского торгового дома.

Любопытно по своей форме объединение тридцатых годов XVI в., целью которого была торговля корабельным лесом, поставляемым по Рейну в Нидерланды. История этого объединения такова. В начале тридцатых годов монополия на торговлю строительным лесом по Рейну императорской привилегией, была передана Гансу Мерлину, который отличился во время похода против турок в 1531 г. Мерлин получил исключительное право клеймить корабельный лес, провозимый по этой реке. Однако монополия вскоре у него была откуплена неким Людвигом Шпиннером, привлечшим в дело капиталы братьев Розенбергеров из Аугсбурга³⁴. Договор, подписанный Шпиннером с фактором Розенбергеров в Антверпене Гансом Бауэром, предусматривал монопольную поставку объединением корабельного леса из Швейцарии в Дордрехт в течение десяти лет³⁵.

Участие объединений заимодавцев в откупках металлов, в том числе и благородных, было обычным для той эпохи явлением. Так, в 1541 г. Фуггеры, Паумгартнеры и Антон Гауг совместно с Себастианом Нейдхартом подписали соглашение с Габсбургами о предоставлении последним займа в 120 тыс. гульденов, причем каждая из партий внесла в казначейство по 40 тыс. фл. и получала по 18 181 ²/₃ весовых марки серебра за счет «обмена»³⁶.

При этом важно подчеркнуть, что в откупных операциях часто принимают участие чиновники княжеской администрации. В качестве примера можно указать на контракт от 20 февраля 1525 года казначея верхнеавстрийского правительства Якова Виллингера фон Шоненберга с братьями Гохштеттерами. Смысл соглашения состоит в том, что Вил-

³³ K. Häbler. Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, Weimar, 1897, S. 97.

³⁴ I Lützmann. Op. cit., SS. 40—41.

³⁵ Ibid., SS. 43—44.

³⁶ L. Scheuermann. Op. cit., S. 32.

лингер принимает участие в торговле Гохштеттеров идрийской ртутью, получает пятую часть прибыли предприятия и возмещает пятую часть убытков, «как о том распорядится господь»³⁷. Текст договора устанавливает основной капитал предприятия в 75 тыс. фл., из которых 15 тыс. должен внести Яков Виллингер, а остальное — Гохштеттеры. В накладных расходах, связанных со сбытом металлов, каждая из сторон участвует в одинаковой мере. Срок действия договора и предприятия определялся соглашениями Гохштеттеров с австрийским эрцгерцогом и горнозаводчиками Идрии³⁸. Вполне понятно, что торговля металлами велась компанией Гохштеттеров, а участие в предприятии Виллингера должно было, по замыслу аугсбургских купцов, обеспечить бесперебойное поступление в руки торгового товарищества ртути и киновари.

Соглашения с представителями австрийской администрации были обычным явлением в практике торгового дома Паумгартнеров. К лету 1543 г. Ганс Паумгартнер Младший имел три контракта с идрийскими горнопромышленниками о закупках ртути и киновари: от 14 февраля 1536 г. на сумму в 32 тыс. фл., от 14 июля 1538 г. — на 10 тыс. фл., и от 4 августа 1538 г. — на 100 тыс. фл. Характерно, что по первым двум соглашениям $\frac{1}{4}$ часть «прибыли и убытков» приходилась на долю высокопоставленного австрийского чиновника Николая Рибайзена, доктора юриспруденции, члена королевского и зальцбургского совета в Гмюнде³⁹. Это может служить еще одним доказательством тесного переплетения интересов торгово-ростовщических компаний и княжеской администрации, которое создавало благоприятную почву для появления объединений подобного рода.

Крупнейшие южногерманские торговые компании, тесно связанные с кредитно-ростовщическими операциями с Габсбургами, от которых они получали монополии на торговлю отдельными видами товаров и многочисленные привилегии, не только вели между собою ожесточенную борьбу, но и предпринимали попытки провести раздел сфер влияния и регулирования цен на рынках. Соглашения подобного рода на протяжении первой половины XVI столетия заключались неоднократно, однако наибольший инте-

³⁷ K. O. Müller. Quellen..., S. 78.

³⁸ Ibid., S. 79.

³⁹ Ibid., S. 94.

рес, по нашему мнению, представляет договор Антона Фуггера с компанией Манлихов о поддержании высоких цен на медь на мировом рынке, подписанный в феврале 1548 г.⁴⁰. Соглашение предусматривало поставку меди в Португалию исключительно компанией Фуггеров, а во Францию — Манлихами («за исключением той меди, которую Фуггер сможет отправить туда с адриатического побережья и других мест Италии»), в Бреславе, Кракове и Торуне каждое из товариществ ведет торговлю строго определенными сортами меди, «в Нидерландах как в Антверпене, так и Амстердаме обе партии «должны быть свободны и могут продавать медь по собственному усмотрению», но с соблюдением, правда, взаимных интересов. Договор содержал также важную оговорку о том, что «Манлихи должны подождать с поставкой меди в те места, где Фуггеры имеют медь до тех пор, пока последние не продадут ее полностью». Конечно, не следует преувеличивать значения этого договора между двумя крупнейшими торговыми домами Аугсбурга, так как обе стороны не достигли удовлетворительного соглашения относительно деятельности на нидерландском рынке, который безусловно играл важнейшую роль в сбыте меди. Антону Фуггеру, несмотря на настойчивые жалобы на «сильное отягощение» в связи с деятельностью факторов товарищества Манлихов в Антверпене и Амстердаме, не удалось утвердить свое безраздельное влияние на этих рынках, так как Матвей Манлих решительно отказался прекратить туда поставки меди или хотя бы сократить их объем⁴¹. Однако уже сама по себе эта попытка раздела рынков сбыта весьма характерна и свидетельствует о тех переменах, которые происходили в экономической структуре европейского общества. Эти перемены прежде всего нашли выражение в возрастании роли торгсво-ростовщического капитала во всей экономической жизни Европы.

СТРУКТУРА КОМПАНИЙ

Исследование структуры компаний необходимо по той причине, что именно оно позволит осветить целый круг

⁴⁰ J. Strieder. Studien..., Nachträge, S. 493.

⁴¹ Ibid., SS. 180—184.

важных вопросов, которые дадут возможность пролить свет на внутреннюю природу южнонемецких торгово-ростовщических и торгово-промышленных предприятий. С этой целью следует выяснить положение пайщиков торговых товариществ, их права, обязанности и решить вопрос о структуре капитала этих компаний. Нами было уже установлено, что основным условием существования торгового товарищества является помещение в предприятие его пайщиками капитала «на прибыль и убытки» на определенное договором время и участие в деятельности компании «работой и капиталом». При этом участники избирают главу предприятия («правителя»). Однако этим еще не исчерпываются взаимные обязательства членов товарищества и не решается вопрос о внутренней структуре торговых компаний.

Тексты договоров об образовании компаний довольно скрупулезно оговаривают условия выхода из предприятия или изъятия части капиталов на личные нужды. Так, уже упоминавшийся нами договор аугсбургской фирмы Мейтингов от 1436 г. устанавливает, что «если один или несколько членов компании по истечении срока договора пожелают выйти из товарищества, то другие, оставшиеся в компании, должны произвести с ними полный расчет в течение трех ближайших франкфуртских ярмарок, не причиняя оставшимся какого-либо ущерба»⁴². Каждый член Большой Равенсбургской компании, пожелавший изъять свой капитал из дела, получал его в срок шести франкфуртских ярмарок⁴³, т. е. окончательный расчет с предприятием мог произойти только через 3 и даже 3,5 года после фактического разрыва с торговым товариществом. По свидетельству Луки Рема, компания Вельзера имела право задержать капитал порвавшего с фирмой участника в течение двух лет⁴⁴. Эта сторона организации торговой компании регламентируется и в договоре Колера, Кресса и де Сарано. Поскольку срок действия товарищества определялся в четыре года, то «по истечении трех лет и трех отчетов каждый желающий вый-

⁴² J. Strieder. Zur Genesis..., S. 222.

⁴³ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 49.

⁴⁴ Tagebuch des Lucas Rem. S. 20.

ти из дела должен поставить в известность о своем намерении других»⁴⁵.

Договоры устанавливают и максимальную величину капитала, котсрый изымается участниками компании «ня личные нужды». Например, текст договора о создании вышеназванной компании нюрнбергских купцов и миланца де Сарано гласит: «Каждый из нас может с согласия других членов компании взять в течение года до отчета на собственные нужды из товарищества семь гульденов из ста, но эта сумма может быть ему выплачена не в один раз, а в четыре раза в течение года в соответствии с величиной основного капитала»⁴⁶. Возможность изъятий подобного рода предусматривает договор фуггеровского товарищества от 1494 г., который устанавливает, что каждый из членов компании может брать из торговли средства, необходимые на ведение домашнего хозяйства и на пропитание. Сумма изъятых из дела средств вычитается из основного капитала участника предприятия, воспользовавшегося этим правом. Однако изъятия в течение шести лет не должны превысить четвертой части основного капитала (*doch das er uber den virden phennig seins haupt guts nit neme*)⁴⁷. Каждый из пайщиков фирмы Гохштеттеров мог брать ежегодно не более 5% инвестированного в товарищество капитала⁴⁸. Таким образом, в рассмотренных нами случаях ежегодные отчисления на нужды участников компаний составляют $4\frac{1}{6}$, 5 и 7% от основного капитала и очевидно не превышают прибыли, приходящейся на помещенный в предприятие капитал.

Обязанностью членов торговых товариществ является отказ от участия в каких-либо иных предприятиях, что постоянно оговаривается текстами договоров. Так, товарищество Мейтингов признает незаконным и запрещает своим компаньонам участие в других торговых предприятиях или промыслах лично или при посредничестве третьих лиц, «ни тайно, ни публично или каким-либо другим образом»⁴⁹. Члены товарищества Колера, руководствуясь тем, «чтобы торговля компании шла хорошо и не приносила убытков»,

---

⁴⁵ A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehr..., Bd., 2, Urkunden. S. 271.

⁴⁶ Ibid., S. 270.

⁴⁷ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche. Urkunden, SS. 264—265.

⁴⁸ E. Kern.-Op. cit., S. 185.

⁴⁹ J. Strieder. Zur Genesis..., S. 221.

берут на себя обязательство «не заниматься особыми промыслами и торговлей»⁵⁰. Договор Фуггеров от 1494 г. также содержит строгое предписание, запрещающее каждому из участников этого предприятия «самому или с другими лицами заниматься торговыми промыслами и состоять в других товариществах помимо вышеуказанной компании». Любопытно, что составители договоров учитывают возможность отклонения участников предприятия от подобного предписания, однако материальная ответственность в таком случае целиком ложится на нарушителя. Так, тот же договор Фуггеров предусматривает, что если кто из братьев будет вести торговлю и совершать сделки «вне товарищества», то «все это должно быть записано или списано с его собственного счета»⁵¹. Это же положение в договоре Колера сформулировано следующим образом: «Никто из членов компании не должен предоставлять займы из кассы товарищества, не поставив в известность и не получив согласия своих компаньонов. Однако, если такое все же случится, то это должно быть приписано тому, кто дал заем, и компания не несет никаких убытков»⁵². Требование договоров, запрещающее членам компаний участвовать в других предприятиях, скорее свидетельствует о желании их авторов и является данью традиции, чем отражает действительное положение вещей. По крайней мере, к началу XVI в. участие богатых южногерманских купцов и предпринимателей в нескольких фирмах становится скорее правилом, чем исключением. Это положение может быть проиллюстрировано на примере Паумгартнеров, которые не только имеют свое «семейное» торговое товарищество, но и помещают капиталы в другие предприятия. Запрет не участвовать в других предприятиях, очевидно, постоянно нарушается и членами Большой Равенбургской компании. Поэтому «правители» компании пытаются апеллировать к религиозным чувствам участников предприятия, заявляя, о том, что «спасется только тот, кто помещает (капитал) в одно товарищество» (Und hond nun allerlay gerett, dar an den ainer gesellschaft gelegen ist)⁵³.

⁵⁰ A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs..., Bd. 2, Urkunden, S. 271.

⁵¹ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 264.

⁵² A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs..., Bd. 2, Urkunden, S. 270.

⁵³ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 154.

Южногерманские купцы, вступая в торговые товарищества, брали на себя обязательство хранить дела предприятия в тайне. В этой связи можно сослаться на договор компании Фуггеров от 1512 года, по которому Яков Фуггер, как «правитель» компании, «с целью поддержания доброго состояния дел, отвращения убытков и увеличения состояния «должен» держать (дела) торговли в доброй и глубокой тайне и никому (ее) не разглашать»⁵⁴. Это требование выдвигал и договор компании Гохштеттеров, считая неременным условием деятельности предприятия содержание «в тайне всех сделок и того, что относится к товариществу» (*alle geheim Hanndtierung und was zu der gesellschaft... gehört*). Договор особенно подчеркивал необходимость сохранения тайны относительно прибыли и убытков компании⁵⁵. И нужно сказать, что купцы и предприниматели хранили коммерческую тайну с гораздо большим рвением, нежели соблюдали запрет, обязывающий их отказаться от участия в других предприятиях. Это и вполне понятно, так как в условиях спекуляций, зарождения биржи и преобладания в оптовой торговле операций по безналичному расчету тайна ведения дел предприятия была залогом успешной его деятельности.

Важным моментом в структуре торговых компаний было проведение отчетов или общих собраний пайщиков, на которых подводились итоги работы предприятия, устанавливалась норма прибыли и участие в прибылях каждого из членов товарищества. Так, в компании Мейтингов существовал порядок, согласно которому отчеты «проводились не реже одного раза в два или три года или по требованию как всего товарищества, так и большинства его членов»⁵⁶. В компании Гохштеттеров такие собрания проводились раз в три года⁵⁷, тогда как договор нюрнбергских купцов Колера и Кресса с миланцем де Сарано обязывал «правителя» отчитываться перед своими компаньонами «без всякого сопротивления» по крайней мере раз в году⁵⁸. Интересные подробности об этих собраниях содержатся в материалах Равенс-

⁵⁴ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 291.

⁵⁵ E. Kern. Op. cit., S. 186.

⁵⁶ J. Strieder. Zur Genesis..., SS. 221—222.

⁵⁷ E. Kern. Op. cit., S. 185.

⁵⁸ A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs., Bd. 2, Urkunden, S. 270.

бургской компании, из которых нам известно, что общее собрание членов товарищества в 1477 г. проходило с 21 августа по 25 сентября и сопровождалось обильными трапезами и возлияниями Вакху. На этих трапезах присутствовало по 50—70 человек и за все время было выпито 2056 мер вина, т. е. на каждую душу пришлось по 66,5 литра, или по 2 литра вина в день⁵⁹.

Договоры регламентируют и другие стороны жизни и деятельности участников торговых товариществ, решая, в частности, вопрос о расходах пайщиков предприятия во время деловых поездок. Компания Колера с этой целью устанавливает «кормовые» (zung), с которыми «должно обстоять», так, что если кто из нас послан по делам нашей торговли или поставил (о том) в известность других, то он вознаграждается из имущества и доходов товарищества. И если с этой целью составлен письменный отчет о тех расходах, то эти кормовые должны выдаваться из общей кассы и денег нашего товарищества». Договор той же компании предусматривает возмещение расходов участнику предприятия на пропитание, на заключение торговых сделок, на баню, цырюльника и переезды. Любопытно, что отправляясь в поездку по делам торговли, участник товарищества мог приобрести коня стоимостью в 25 гульденов, однако при одном условии, что, завершив поездку, он продаст его по самой дорогой цене (soll er es auf das höchste verkaufen). Но та же компания Колера отказывается оплачивать из общей кассы расходы пайщиков предприятия во время деловых поездок на одежду⁶⁰. Правда, Равенбургская компания берет на себя и эту часть расходов, относя их, очевидно, «к издержкам производства». Однако поскольку «правители» торгового товарищества имеют право наказывать непослушных, то члены этой компании неоднократно подвергались денежным штрафам за большие расходы на дорогостоящую одежду⁶¹, в чем можно видеть своеобразные переплетения извечной борьбы средневекового бюргерства против роскоши и зарождения буржуазной бережливости.

---

⁵⁹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 27.

⁶⁰ A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehr..., Bd. 2, Urkunden, S. 270.

⁶¹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 1, S. 82.

Большой интерес представляет также вопрос о том, в какой степени торговые товарищества являлись организациями равноправных участников и пайщиков предприятия. Впрочем, уже правовое положение «правителя», о котором шла речь выше, особенно в компании Фугтеров, может служить некоторым основанием для утверждения, что торговая компания не была демократической организацией равноправных участников предприятия. Однако более интересный и полный материал по этому вопросу содержится в бумагах Большой Равенбургской компании.

Во главе компании, которая объединяла несколько десятков купцов, стояли три «правителя». Должность «первого правителя», которую, правда, только номинально, неизменно занимал старший из рода Гумписов. В действительности все нити управления находились в руках «второго правителя». «Третий правитель» фактически был бухгалтером и секретарем компании: он вел гроссбух и контролировал все отчетные материалы. В 1497 г. во время проведения общего собрания компании был избран своеобразный «Комитет 9», «который распоряжался делами товарищества» (*so der gesellschaft sascher befolchen sind*)⁶². Любопытно, что в этот комитет, включавший в свой состав наиболее влиятельных купцов-патрициев Равенбурга и Констанца и самых богатых пайщиков предприятия, не входил «третий правитель», что и неудивительно, так как эту должность на протяжении многих лет занимал Алекси Гиллензон, происшедший «из семьи бедных сельских ткачей, которая совсем недавно переселилась в город»⁶³. В комитете была представлена своего рода элита компании, крепко державшая в руках своих братьев и противопоставлявшая себя основной массе как «действующих участников» (*tätigen geselen*), так и тех «кто находится дома» (*die geselen so husa sind*)⁶⁴, т. е. членов товарищества, которые отошли от активной деятельности по старости или состоянию здоровья, но сохранили в предприятии свои паи.

Об атмосфере, которая господствовала в компаниях, сохранились свидетельства современников. В этом смысле весьма характерным примером может быть конфликт меж-

---

⁶² Ibid., Bd. 3, S. 49.

⁶³ Ibid., Bd. 1, SS. 53—54.

⁶⁴ Ibid., Bd. 3, SS. 47, 49.

ду Бартоломеем Ремом и уже хорошо нам известным Амвросием Гохштеттером.

Бартоломей Рем вступил в 1514 г. в компанию Гохштеттеров и поместил в дело 900 гульденов. За шесть лет этот капитал, по собственной оценке Рема, оказавшегося, кстати, бухгалтером компании и знавшего «как и где обстоят дела» (wa ain jedlichen gestanden ist und an welchem plat), возрос до 33 тыс. гульденов⁶⁵. Однако, когда Рем заявил о своем желании выйти из компании, Амвросий, являвшийся главой предприятия, не пожелал начислять ему более 26 тыс. гульденов. Обиженный Бартоломей Рем «отказался взять эти деньги и обратился за помощью к императору, имперским князьям и получил большую поддержку от тех дворян, которых привлек на свою сторону рассказом о том, какую удивительную прибыль получили купцы в такой короткий отрезок времени»⁶⁶. В этот конфликт вмешался магистрат Аугсбурга, назначивший примирительную комиссию «из трех мужей», которая пыталась найти компромиссное решение. Она постановила, что Амвросий Гохштеттер должен дать Бартоломеему Рему 30 тыс. гульденов. Однако последний решения комиссии не признал и пытался «найти справедливость» при дворе испанского короля Карла Габсбурга. Видимо, поездка туда не увенчалась успехом, и Бартоломей нашел довольно своеобразный способ отомстить ненавистным Гохштеттерам: он с конвоем преследует купеческий караван, в котором находилось два воза товаров, принадлежащих Гохштеттерам (те отправили эти товары в Вормс по случаю открывающихся там заседаний рейхстага) и обрезает постромки у лошадей, везущих эти возы⁶⁷. Финал этой купеческой драмы был трагическим. «Имперский фискал арестовал Рема, в течение года содержал в вормской тюрьме, а затем отправил в Аугсбург, где Бартоломей и провел в заточении остаток жизни, ибо он не желал ничего иного, как получить 33 тысячи гульденов»⁶⁸.

Это событие отражено не только в хронике Клеменса Зендера, но и в хронике Вильгельма Рема, который был посвящен во многие тайны деловой жизни города. Последний рассказывает о тех несметных богатствах, которыми обла-

⁶⁵ Chronik des Clemens Sender, SS. 146—147.

⁶⁶ Ibid., S. 147.

⁶⁷ Ibid., S. 148.

⁶⁸ Ibid., S. 149.

дали купцы Аугсбурга, вступавшие в торговые товарищества. Однако, по словам Рема, «некоторые из них были неверны друг другу, похищая у своих компаньонов многие тысячи гульденов. Старшие (öbresten) в товариществах, которые вели отчеты, почти всегда были богаче тех, которые не присутствовали на отчетах». Руководителей компаний хронист называет «большими ворами», которым должны были безропотно верить все пайщики предприятия, так как последним не оставалось делать ничего иного, как «брать то, что им дают в руки»⁶⁹.

Воровство и притеснения младших компаньонов были, очевидно, обычным явлением в деловой жизни южногерманских городов. Об этом, в частности, свидетельствуют и записки аугсбургского купца Луки Рема, который в 1499 г. поступил на службу в знаменитую фирму Вельзеров и находился на этой службе в течение восемнадцати лет (с 1502 г. являясь одновременно и ее пайщиком). Лука жалуется: главные пайщики предприятия и его руководители неправильно производили расчет со своими компаньонами, а «на мою верную службу ответили черной неблагодарностью» (nach meinem verdienst aufs übelst belont)⁷⁰. Таким образом, торговые компании были теми небольшими ячейками общественного организма, которые впитали в себя как дух имущественного и социального неравенства окружающего мира, так и дух беззащитного приобретения капитализма, предвестниками которого они являлись.

При изучении организации компаний важно также установить, что собою представляет структура основного капитала и механизм распределения прибылей этих предприятий. По форме участия и способам привлечения капитал южногерманских торговых предприятий складывается из следующих составных частей: 1) первоначального капитала «на прибыль и убытки» основателей компании, который в исторической литературе обычно называется основным капиталом; 2) депозитных вкладов участников компании; 3) инвестиций третьих лиц «на прибыль и убытки»; 4) депозитных вкладов третьих лиц; 5) в следующую группу следует выделить краткосрочные вклады на особых усло-

⁶⁹ W. Rem. Chronica der Newer Geschichten, SS. 116—117.

⁷⁰ Tagebuch des Lucas Rem, S. 21.

виях и прием в качестве вклада векселя; 6) так называемая «Fürlegung»; 7) вклады «на имя господ бога» и на благотворительные цели. Каждая из этих форм инвестированного в предприятие капитала имеет свои особенности.

1. Первоначальный или учредительный капитал участников-основателей торговой компании является отправным моментом в деятельности предприятия. Участники-основатели помещают капитал в дело «на прибыль и убытки», т. е. не только получают прибыль в соответствии с размером инвестированного капитала, но и разделяют риск предприятия, лично участвуют в его деятельности и несут торговые расходы по транспортировке товаров, содержанию служащих и т. д.

2. Пайщики торгового товарищества могли помещать капитал в предприятие не только «на прибыль и убытки», но и на условиях выплаты с него определенного процента. Превращение вкладов «на прибыль и убытки» в депозитные вклады имело место в том случае, когда член торгового товарищества отходил от активного участия в делах предприятия, т. е. из «действующего участника» (tätigen gesellen) превращался в «неработающего пайщика» (stiller Teilhaber). Например, когда с 1553 г. один из основателей фирмы Ульрих Линк по причине преклонного возраста и пошатнувшегося здоровья перестал участвовать в работе предприятия, торговое товарищество стало выплачивать ему с инвестированного капитала 7,5% годовых⁷¹.

3. В торговое товарищество могли помещать вклады «на прибыль и убытки» лица, которые не являлись участниками предприятия в собственном смысле слова, т. е. не принимали непосредственного участия в его деятельности. В этом случае условия помещения капитала и выплата по нему прибылей обычно оговаривались особо. В частности, компания Гохштеттеров в 1524 г. принимала денежные вклады «...в торговлю от своих добрых друзей на риск и прибыль, однако (каждый) третий или четвертый пфеннинг прибыли с их капитала начислялся (главе предприятия) за труды и работу»⁷².

В данном случае третью или четвертую часть прибыли «тихого или неработающего участника» (stiller Teilhaber)

⁷¹ P. Ehrenberg. Op. cit., Bd. 1, S. 232; J. Hartung. Op. cit., S. 69.

⁷² C. Bauer. Op. cit., S. 159.

получал «правитель» компании. Вклады на таких же примерно условиях до 1557 г. принимала и компания Гауга-Лангенауэра. Однако с этого года общее собрание пайщиков приняло решение ни у кого, кроме участников-основателей товарищества, не брать вкладов «на прибыль и убытки», а привлекать капиталы, оговаривая выплату по ним определенного процента⁷³.

4. Исключительно важную роль в деятельности южно-германских компаний имели депозитные вклады, являвшиеся основной формой привлечения «чужого» капитала, т. е. денежных средств лиц, которые не принимали участия в деятельности торговых товариществ. Депозитные вклады, по которым компании выплачивали определенный процент, позволяли руководителям предприятий увеличивать денежные средства, находящиеся в обращении, способствовали их мобилизации в кратчайшие сроки и увеличивали торговую и предпринимательскую норму прибыли. Поэтому депозитные вклады охотно принимали все южно-германские торговые компании. Так, в «Дневнике Луки Рема» содержатся записи о том, что Барбара фон Дингайм, урожденная фон Аргон, инвестировала в 1525 г. в предприятие братьев Ремов (in unsser gesellschaft überlassen) 600 гульденов, и по этому вкладу компания обязалась выплачивать ежегодно по 10%: 30 гульденов 1 мая и столько же 1 ноября. В 1532 г. та же Барбара делает вклад «на срок жизни» в товарищество Ремов в размере тысячи гульденов с условием выплаты по нему 5%. В том же году ее супруг Вейгонд фон Дингайм инвестировал 400 гульденов, и братья Рема взяли на себя обязательство выплачивать с этого капитала ежегодно по 10%, т. е. «по 20 гульденов в каждый из двух сроков»⁷⁴. Особенно энергично привлечением депозитных вкладов занимались Гехштеттеры, которые по свидетельству Зендера, ежегодно производили выплату по пятипроцентным вкладам с капитала примерно в 300 тыс. гульденов⁷⁵. Правда, немецкий историк Э. Керн, который привлек материалы судебного процесса, имевшего место в связи с банкротством этой фирмы, утверждает, что цифра, названная Зендером, значительно преувеличена. Как пола-

⁷³ J. Hartung. Op. cit., S. 69.

⁷⁴ Tagetuch des Lucas Rem, SS. 56—57.

⁷⁵ Chronik des Clemens Sender, S. 224.

гает Керн, на самом деле депозитные вклады в торговом товариществе Гохштеттеров в 1527 г. имели 47 человек на сумму 112 943 гульдена, а в 1528 г. — 41 вкладчик на сумму 53 663 гульдена⁷⁶. Однако подсчеты Керна нельзя признать безупречными. Иски по краткосрочным вкладам незначительных размеров (сроком на полгода или на один год) имевшим большое значение для деятельности компании Гохштеттеров, не были учтены и изучены историком по той простой причине, что претензии по вкладам, которые не достигали 50 гульденов, городским судом, по всей видимости, вообще не рассматривались. К тому же, прежде чем стать неплатежеспособными, Гохштеттеры успели произвести расчет с некоторыми из своих вкладчиков.

Дошедшие до нас материалы фирмы Паумгартнеров (расписки о получении процентов по депозитным вкладам) свидетельствуют о том, насколько широк был круг лиц, являвшихся вкладчиками этой крупной аугсбургской компании. В предприятии Паумгартнера имел вклад представитель феодальной аристократии Матвей Ланг фон Велленбург (архиепископ Зальцбурга), видный чиновник австрийской администрации Амвросий Морнауэр, доктора юриспруденции Конрад Ренц и Яков Франкфуртер из Иннсбрука, каринтийский горнозаводчик Вильгельм Путш и организатор первой немецкой почты Иезеф фон Таксис, аугсбургский купец и предприниматель Кристоф Релингер и матриций этого же города Вольфганг Лангенмантель, бюргеры Иероним Браун из Нюрнберга, Иоахим Зайтер из Ландсберга⁷⁷ и т. д. Характерно, что по всем этим депозитным вкладам дебиторы получали по 5% годовых, за исключением Марии Мантель, вдовы аугсбургского бюргера и тирольского горнозаводчика Ганса Ауслассера, которая с капитала в 400 гульденов ежегодно получала по 16 гульденов⁷⁸. Однако пятипроцентные депозитные вклады были широко распространены в Южной Германии, хотя и не являлись единственной формой краткосрочных капиталовложений. Руководители компаний, стремясь привлечь большую массу денежных средств, иногда выплачивали более высокие проценты по краткосрочным вкладам. Об этом, в

⁷⁶ E. Kern. Op. cit., S. 187.

⁷⁷ K. O. Müller. Quellen..., SS. 237—240, 243.

⁷⁸ Ibid., S. 240.

частности, красноречивые свидетельства содержат материалы меммингено-аугсбургской фирмы Цангмайстеров⁷⁹.

Т а б л и ц а 1

Депозитные вклады компании Цангмайстеров

Местожителъство вкладчиков	Условия помещения вкладов					
	5%		6%		7%	
	сумма вкладов в фл.	число вкла- дов	сумма вкладов в фл.	число вкла- дов	сумма вкладов в фл.	число вкла- дов
Аугсбург	800	1	—	—	1250	1
Мемминген	16073	11	47000	3	7101	8
Другие города	4090	5	700	1	—	—
	7,5%		8%		9%	
Аугсбург	—	—	14160	14	4832	3
Мемминген	900	1	9613	5	—	—
Другие города	—	—	4400	5	—	—

Вкладчиками этой компании были бюргеры Меммингена, Аугсбурга, Ульма, Тюбингена, Франкфурта-на-Майне, Исни и других городов, которые получали по депозитным вкладам от 5 до 9% с помещенного в предприятие капитала. Причем, примерно половина выплаты по вкладам приходилась на высокие ставки в 8 и 9%.

5. Особую разновидность депозитных вкладов составляли краткосрочные вклады «от ярмарки до ярмарки», по которым компании выплачивали по 2—3%, и прием в качестве вклада векселя. Вклады «от ярмарки до ярмарки» имели в аугсбургской компании братьев Розенбергеров такие известные купцы и предприниматели, как Ганс Пиммель и Ганс Лангенауэр⁸⁰. К этим вкладам владельцы предприятий прибегали в случае необходимости мобилизовать денежные средства в кратчайший срок. Известны случаи принятия в качестве вклада векселя. К примеру, Лука Рем принял вексель, подписанный Яковом Фуггером⁸¹.

⁷⁹ A. Westermann. Op. cit., SS. 511—514.

⁸⁰ I. Lutzmann. Op. cit., S. 99.

⁸¹ Tagebuch des Lucas Rem, S. 23.

Своеобразным критерием, характеризующим структуру южнонемецких компаний, являются банкротства этих предприятий. Банкротства известны и более ранней эпохе, однако на рубеже XV—XVI вв. они приобретают совершенно новые черты, которые порождались, в первую очередь, спекулятивным характером европейской торговли того времени. Обратимся к свидетельствам источников на этот счет.

В 1456 г. банкротство постигло Ганса фон Хоу, одного из самых богатых купцов Аугсбурга, долги которого достигли огромной суммы — в 30 тыс. гульденов. Рассказ хрониста об этом событии позволяет указать на два обстоятельства, в какой-то мере объясняющие причину банкротства. Прежде всего «...он (фон Хоу — Ю. Н.) скупал в убыток другим купцам хлопок по цене дороже обычной». Однако расчет на успешное проведение операции, носящей явно спекулятивный характер, не оправдался, так как «...потерпело кораблекрушение судно, груженое (принадлежащими) ему пряностями и другим добром»⁸². Узнав о кораблекрушении, заимодавцы фон Хоу пришли в магистрат и предъявили к оплате вексели. По приказу магистрата городской фогт произвел опись всего движимого и недвижимого имущества купца. Клеменс Зендер, очень живописно повествующий об этом банкротстве, заканчивает свой рассказ характерной сентенцией: «Так в один час оказался в большой опале (и стал) бедняком тот, кто был богат и великолепен»⁸³. Имущество обанкротившегося купца было продано с молотка, а сам «он по этой причине впал в бедность и умер в нищете»⁸⁴. В этом же году банкротство фон Хоу имело своим следствием разорение «бюргера и купца Кохингера», очевидно, участвовавшего в спекулятивной операции банкрота. Кохингер задолжал кредиторам 5 тыс. гульденов, вынужден был спасаться бегством и умер на чужбине⁸⁵. Весьма характерно свидетельство Зендера и о том, как в самом начале XVI в. «Ульрих, Матвей, Леонхард и Иероним Штамлеры, братья и бюргеры, набожные, почтенные люди и весьма состоятельные купцы, за короткое время совершенно разорились и умерли в изгнании и забвении,

⁸² Chronik des Clemens Sender, S. 36.

⁸³ Ibid., S. 37.

⁸⁴ Anonyme Chronik. S. 500.

⁸⁵ Chronik des Clemens Sender, S. 37.

причиной чего были некоторые спекулятивные операции (ursach daß ir etlich haben gespillet) и потеря всех тюков с товарами»⁸⁶. Таким образом, первопричина банкротства (спекулятивная торговля) вполне сознается средневековым хронистом.

Судьба банкротов была незавидной. Примером этого может служить рассказ Вильгельма Рема о молодом Гансе Лангенмантеле. Лангенмантель весной 1515 г. был арестован и закован в кандалы по приказу императора, отданного по ходатайству друзей самого Ганса. Дело в том, что «он взял в кредит во многих местах деньги и никому их не желал платить». В заточении Лангенмантель провел, по крайней мере, два с половиной года и был освобожден лишь в день св. Мартина (11 ноября 1517 г.), после того как его мать рассчиталась с кредиторами⁸⁷.

Однако возможность получить большие прибыли и быстро обогатиться была тем магнитом, который привлекал в торговые компании десятки и даже сотни аугсбургских бюргеров. Крупнейшие компании вели ростовщические и торговые операции в самых различных пунктах Европы, и с успехом их деятельности связывали свои надежды и благополучие люди, занимающие различное общественное положение. Все они являлись вкладчиками или пайщиками торговых и торгово-промышленных предприятий. В этом отношении наиболее интересна деятельность хорошо нам известной компании Гохштеттеров, крах которой в конце 20-х годов XVI в. произвел неизгладимое впечатление на современников и был первым звеном в цепи банкротств, обрушившихся на Аугсбург в шестидесятые годы и ставших хроническими с семидесятых годов XVI в.

История банкротства компании Гохштеттеров достаточно убедительно свидетельствует о том, что привлечение краткосрочных вкладов не только открывало перед владельцами предприятия перспективу наживы, но и было чревато опасными последствиями. Торгово-ростовщическое товарищество, во главе которого стоял Амвросий Гохштет-

---

⁸⁶ Ibid., S. 112. Любопытно, что один из братьев Штамлеров был контрагентом нюрнбергского купца Мулиха на весенней ярмарке во Франкфурте-на-Майне, у которого купил 10 кусков камлота итальянского производства за 75 гульденов. F. R ö r i g. Das Einkaufsbüchlein... «Wirtschaftskräfte im Mittelalter», S. 335.

⁸⁷ W. R e m. Chronica der Newer Geschichten. S. 47.

тер, было своего рода первым «народным банком» в Аугсбурге начала XVI в., так как «у него помещали свои деньги князья, графы, дворяне, бюргеры, крестьяне, слуги и служанки и получали по 5 гульденов с согни. У него помещали свои деньги и те, кто имел не более 10 гульденов, полагая, что деньги не только будут (находиться) в надежном месте, но и приносить ежегодно прибыль»⁸⁸. Большие суммы депозитных вкладов позволяли Гохштеттерам вести весьма значительные спекулятивные операции. Однако каждая медаль имеет обратную сторону. Поэтому, как только весть о неудачах компании в далеком Антверпене и о неплатежеспособности фирмы достигла городских стен, кредиторы начали настоящую осаду дома Гохштеттеров, требуя возвращения вкладов и выплаты по ним процентов. Однако компания, финансовые ресурсы которой были крайне перенапряжены, смогла произвести расчет далеко не со всеми вкладчиками. «Те же вкладчики, которые замешкались, их было около трехсот, понесли убытки, ибо им не выплатили ни основного капитала, ни процентов»⁸⁹. Разгневанные кредиторы и вкладчики фирмы появились перед зданием ратуши и потребовали «...вздернуть (Гохштеттеров) на виселице» (wolten ir girtel von irem leib abgirten) и конфисковать их имущество⁹⁰. В конце концов глава фирмы Амвросий Старший, его сын Амвросий Младший и племянник Йезеф, которые уже с осени 1529 г. по существу находились под домашним арестом, 23 сентября 1531 г. были «закованы в железо» (in eisen gelegt) и брошены в городскую тюрьму⁹¹. У Гохштеттеров, впрочем, нашлись высокие покровители. Император направил в Аугсбург одного из своих лучших юристов доктора Цотта, баварский герцог-канцлера Августина Леша, но, как справедливо заметил хронист Зендер, им «могли помочь только значительные платежи»⁹², что отлично сознавал и престарелый Амвросий Гохштеттер. Находясь уже под арестом, он обратился «за советом и помощью» к Антону Фуггеру⁹³. Но это был шаг отчаяния, ибо владелец крупнейшего аугсбургского

⁸⁸ Chronik des Clemens Sender, S. 219.

⁸⁹ Ibid., S. 221.

⁹⁰ Ibid., S. 223.

⁹¹ Ibid., S. 236.

⁹² Ibid., S. 224.

⁹³ E. Kern. Op. cit., SS. 196—198.

торгового дома и не подумал что-либо предпринять для спасения своего опаснейшего конкурента. Таким образом, банкротство Гохштеттеров бросает свет еще на одну сторону организационной структуры южнонемецких торгово-ростовщических предприятий и позволяет установить значение, которое имели в их деятельности краткосрочные вклады.

6. Большой интерес представляют так называемые «Fürlegungen». По определению Я. Штридера, «Fürlegung» есть та сумма капитала, которая инвестируется в предприятие на имя того или иного его участника, но собственником этого капитала является не данное лицо, а компания⁹⁴. Бауэр обнаруживает в этом институте не только свидетельство связи организационной структуры компаний XVI в. с личным участием в ее повседневной деятельности⁹⁵, которое характерно для всех средневековых торговых товариществ, но и переход предприятий на капиталистические рельсы⁹⁶. Однако обратимся к данным источников и попытаемся выяснить природу «Fürlegungen» на конкретном материале.

Прежде всего отметим, что вклады подобного рода применялись в практике юногерманских компаний еще в XV в. Так, например, аугсбургский хронист Буркард Цинк, рассказывая о поступлении на службу в компанию Ганса Мейтинга, пишет о том, что последний «...дал мне плату 60 гульденов в год и положил на мое имя 200 гульденов в товарищество, таким же образом и я поместил наличными в товарищество 500 гульденов»⁹⁷. Заметим, что когда в 1444 г. Цинк ушел из компании, то он получил с этих 200 гульденов проценты, однако сама эта сумма осталась в кассе товарищества. Алекси Гиллензон, поступая в 1485 г. на службу в Равенбургскую компанию, взял на себя обязательство пять лет служить без вознаграждения, а в следующие пять лет на его имя было помещено 100 гульденов (zu gewin und verliust für myn dienst schryben), с которых Гиллензон получал проценты⁹⁸. В этой же компании

⁹⁴ J. Strieder. Die sogenannte Fürlegung, eine Institution des deutschen Gesellschaftsrechtes im Zeitalter des Frühkapitalismus, VSWG, Berlin, 1912, S. 521.

⁹⁵ C. Bauer. Op. cit., S. 72.

⁹⁶ Ibid., S. 83.

⁹⁷ Chronik des Burkard Zink, SS. 133—134.

⁹⁸ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 462.

«Fürlegungen» служили и средством поощрения. Так, «второй правитель» Ганс Гиндерофен имел тысячу гульденов в «Fürlegung», а факторы товарищества Полаи Цвик — 700 и Батиста Затлер — 400 гульденов⁹⁹. К «Fürlegungen» часто прибегали и руководители аугсбургских компаний Гауга, Линка и Лангенауэра, о чем свидетельствуют данные, сведенные нами в следующую таблицу.

Т а б л и ц а 2

«Fürlegungen» в аугсбургской компании Гауга-Линка и Лангенауэра

Годы	Основной капитал компании в гульденах	Доля „Fürlegungen“ в гульденах	Доля „Fürlegungen“ в проц.
1533	90815	15369	16,7
1541	329404	38148	11,6
1553	154003	50698	32,9
1555	146246	21666	14,8

Правда, в 1557 г. собрание пайщиков этой компании приняло решение о том, «что отныне мы не желаем помещать «fürlegen» в торговлю ни для себя, ни для наших служащих»¹⁰⁰. Таким образом, «Fürlegungen», являясь собственностью предприятия в целом, служили, в первую очередь, средством поощрения участников торгового товарищества и его служащих.

7. В соответствии с представлениями и духом того времени южногерманские купцы и предприниматели стремились сделать участником своих предприятий самого господ бога, помещая на его имя определенную сумму «на прибыль и убытки» или отчисляя твердый процент как и по депозитному вкладу. Так, 1 января 1524 г. руководители компании Гохштеттеров из капитала предприятия в 98 943 фл. особо выделили 4026 фл., которые занесены в «тайную книгу» (Geheimbuch) как «основной капитал нашего господ бога» (Unseres Herrgots Hauptgut)¹⁰¹. Обычно

⁹⁹ Ibid., Bd. 1, S. 63.

¹⁰⁰ J. Hartung. Op. cit., S. 67.

¹⁰¹ E. Kern. Op. cit., S. 186.

проценты с таких вкладов шли на благотворительные цели или поступали в распоряжение церквей и монастырей. Аналогичные записи о расходах на благотворительные цели мы находим в бумагах Равенбургской компании (was man durch Gott und den leuten gegeben)¹⁰². Подобным же образом компания «Ульрих Фуггер и братья» открыла счета для аугсбургских церквей св. Ульриха, св. Анны и св. Морица¹⁰³.

Интерес для исследователя торговых компаний Южной Германии представляет и сам механизм распределения прибылей в этих предприятиях. Размер прибыли, приходящейся на долю того или иного пайщика, зависел от величины и формы инвестированного в дело капитала и положения, занимаемого им в компании, ибо, как мы это видели выше, старшие, в руках которых находился гроссбух, использовали право проведения отчетов и балансов в целях довольно беззастенчивого ограбления младших компаньонов. Впрочем, «старшие» и «правители» имели и вполне законные пути увеличения своего состояния. Попытаемся это проиллюстрировать несколькими примерами. В 1514 г. общее собрание пайщиков Равенбургской компании установило, что за три года прибыль предприятия составила 21% от основного капитала. Из общей массы прибыли 10,36% пошли «на вознаграждение участников за труды», т. е. «правителей» и факторов, 1,61% были выделены на благотворительные и религиозные цели и остаток был распределен между всеми пайщиками торгового товарищества¹⁰⁴. Такая система распределения прибылей вела к тому, что «правители» и факторы получали гораздо больше, чем рядовые пайщики.

Любопытен механизм распределения прибылей и участия в торговых расходах по договору Фуггеров со швацким бюргером Урбаном Майером от 1556 г. о создании компании для торговли продовольственными товарами на местных рудниках и других горнорудных предприятиях. Основной капитал этого товарищества составили восемь тысяч гульденов, «однако поскольку Урбан Майер не располагал

¹⁰² A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 45.

¹⁰³ H. Liermann. Op. cit., S. 396.

¹⁰⁴ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 1, S. 81.

достаточным состоянием», будучи отягощен другими контрактами, то господа Фуггеры по настоянию и просьбе Урбана Майера дали ему заем для этой торговли продовольствием в шесть тысяч гульденов в монете под особое долговое обязательство при условии выплаты пяти со ста (гульденов)¹⁰⁵. Остальные же две тысячи гульденов были внесены самим Майером, который и должен был вести торговлю продовольствием на швацких рудниках. Что касается Фуггеров, то они отнюдь не ограничились получением процентов с капитала, внесенного ими в предприятие под долговую расписку. Договор содержал оговорку, которая гласила: «И если (при доставке товаров) по воде, суше или другим образом тем не менее случится убыток (что, однако, всемогущий должен милостиво отворотить), то нести (убытки) и страдать от них должен он сам (Майер—Ю. Н.), а господа Фуггеры не должны делать никакого взноса на погашение его (убытка)». Однако, если торговля продовольствием в Фалькенштайне будет выгодной, то Урбан Майер со всего капитала товарищества «должен давать и начислять господам Фуггерам с каждой сотни прибыли и выгоды по десяти гульденов»¹⁰⁶.

Оригинальный порядок распределения прибыли был принят в 1557 г. в аугсбургской компании Гауга—Линка—Лангенауэра. Он предусматривал такое участие в прибылях, когда «каждому с основного капитала начислялось по 5% и из того, что оказывалось после каждого отчета в избытке, каждому выделялась четвертая часть»¹⁰⁷. В этом случае совершенно очевидно выигрывали те пайщики, которые обладали меньшим капиталом, но всего скорее несли основную тяжесть забот, связанных с практической стороной деятельности предприятия. Вознаграждение пайщиков компании, которые осуществляли руководство делами, за счет прибылей предприятия было обычным явлением. Так, «правители» компании тех же Фуггеров помимо прибыли с инвестированных ими капиталов, получали по 5% со всей прибыли предприятия независимо от того, как она велика или мала «за свое усердие, работу и прилежание»¹⁰⁸.

¹⁰⁵ L. Scheuermann. Op. cit., Anhang, S. 419.

¹⁰⁶ Ibid., S. 420.

¹⁰⁷ J. Hartung. Op. cit., S. 65.

¹⁰⁸ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 278.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОМПАНИЙ

В настоящем разделе нами рассматриваются вопросы, относящиеся к чисто внешним формам организации южно-немецких компаний. Задача состоит в том, чтобы составить представление о тех организационных принципах этих предприятий, которые лежат в основе их повседневной деятельности.

Все нити управления торговыми делами исходили из «централа», который, являясь главной резиденцией и метрополией предприятия, осуществлял руководство филиалами, факториями и представительствами. Именно отсюда давались указания и инструкции, которые определяли характер деятельности предприятия.

В этой связи необходимо указать на отличие филиала от фактории. По определению Бауэра, филиал может рассматриваться в качестве предприятия, обладающего большей или меньшей самостоятельностью по отношению к «централу», являясь по существу его дочерним предприятием¹⁰⁹. Это определение справедливо в том смысле, что фактор филиала вел собственный гроссбух и сохранял хотя бы чисто номинальную самостоятельность и независимость от «централа». Однако в Южной Германии XV—XVI вв. система филиалов лишь зарождалась. О их появлении, делая серьезные оговорки, можно говорить лишь в отдельных случаях. Так, в качестве филиала, очевидно, выступали турцо-фуггеровские предприятия в Венгрии, которые отгочковались от «Gemeine Handel» под названием «Ungarische Handel», продававшим металлы фуггеровскому «централу» в Аугсбурге.

Более или менее отчетливо тенденция превращения системы факторий в систему филиалов выражена в управлении предприятиями тех же Фуггеров в Испании, особенно после аренды «Маэстрацгос», или в создании особого ответвления компании Паумгартнеров в Тироле. Эта тенденция получила развитие под влиянием двух факторов: долгосрочных кредитно-ростовщических соглашений с Габсбургами и княжеской администрацией или в результате участия в откупах и перехода к капиталистическому предпринимательству в горнорудной промышленности. Часто оба

---

¹⁰⁹ С. Вауер. *Op. cit.*, S. 89.

эти фактора действовали одновременно. В целом же система факторий в организации этих компаний была господствующей и предполагала полный контроль факторий со стороны «центра». Правда, уже в XV в. некоторые фактории начали играть роль главных факторий, подчиняя и контролируя деятельность других представительств и отделений компании в том или ином географическом районе. В качестве примера можно сослаться на деятельность аугсбургской компании братьев Розенбергеров на Пиренейском полуострове. Роль главной фактории здесь играла Севилья, которая осуществляла руководство факториями Кадикса, Вальядолида, Толедо и Лиссабона. Такое же значение для этой компании в Восточной Европе имел Данциг¹¹⁰.

От факторий по своему назначению отличались представительства, которые возникали там, где компания вела торговлю лишь эпизодически или эта торговля не играла для нее решающей роли. Так, Большая Равенбургская компания имела в Испании фактории в Валенсии, Сарагоссе и Барселоне, а представительства в Тортосе, Аликанте и Бильбао¹¹¹, где ее операции с шерстью и шафраном, хотя порой и были весьма значительны, однако не носили регулярного характера.

Переписка «правления» Равенбургской компании с факториями, инструкции руководителей предприятия агентам, отправляющимся с целью ревизии в фактории, убедительно свидетельствует о том, что «центр» контролировал и регламентировал не только деятельность фактории, но и самые различные стороны жизни ее обитателей. Наставления и рекомендации руководителей компании содержали приказы, практические советы и предписания, которые порой носили не деловой, а морально-этический характер. «Правители» компании требовали, чтобы «молодым людям» (*jungen luit*) прививалось послушание, и чтобы они серьезно и с прилежанием делали то, что от них требуют, невзирая на время суток¹¹². При этом ответственность за обучение молодежи возлагалась на факторов, которые должны были учить «с прилежанием купцов также и доброму письму, которое можно было бы прочитать» (*Ist couffnie-*

¹¹⁰ I. Lutzmann. Op. cit., S. 107.

¹¹¹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 1, S. 97.

¹¹² Ibid., Bd. 3, S. 169.

nisch ouch flissend ouch gouter geschriff, so kan man aef laesenn)¹¹³. С целью увеличения капитала торгового товарищества «правление» весной 1478 г. призывало факторов и служащих трудиться днем и ночью не покладая рук (So hab wir hubtgut gang, so weli wir unseirn flisß tåg und nacht mit ernst lie och tun)¹¹⁴. Однако большая часть рекомендаций «централя» факториям носила более практический и деловой характер. Так, например, «правители» предприятия приказывают своему фактору в Сарагоссе «содержать свои книги в чистоте и порядке» (Halt deine bücher wohl sauber und ordentlich)¹¹⁵, а руководителю этой и других факторий советуют аккуратно записывать, какие товары и каких сортов проданы и какую прибыль это дало для того, чтобы знать, «насколько больше или меньше их покупать в будущем году» (so kaff man uch uff daz kunftig iar fyl ald lutzel)¹¹⁶.

В переписке руководителей компании с факторами содержатся интересные данные о тех принципах, которыми первые руководствуются при определении основного курса деятельности предприятия. Из этой переписки следует, что купцы Равенсбургской компании предпочитают торговлю за наличный расчет операциям в кредит, так как, по их мнению, «лучше иметь в фактории меньше товаров и продавать их с большей выгодой»¹¹⁷. Свою позицию в этом вопросе они обосновывают, во-первых, тем, что торговля товарами в кредит сроком на один год невыгодна, так как в этом случае «деньгам наносится ущерб, ибо (они) слишком долго бездействуют» (den das gelt lyt yetz zu lang dar uff schlaufen)¹¹⁸; во-вторых, такая торговля, по их мысли, чревата опасностью, которая может привести к появлению «безнадежных долгов» (Das man unsß kain bosß schulda nit machind)¹¹⁹. В то же время руководители компании уже вполне сознают, что ускорение денежного обращения является средством увеличения нормы торговой прибыли. Поэтому они советуют своим факторам в Валенсии и Сарагос-

¹¹³ Ibid., S. 55.

¹¹⁴ Ibid., S. 81.

¹¹⁵ Ibid., S. 70.

¹¹⁶ Ibid., S. 84.

¹¹⁷ Ibid., S. 152.

¹¹⁸ Ibid., S. 172.

¹¹⁹ Ibid., S. 140.

се, «чтобы те не позволяли деньгам бездействовать» (daz gelt nyt lassint schlaffen), так как лучше получить меньшую прибыль, чем оставить их без применения»¹²⁰.

Другим принципом деятельности Равенсбургской компании было стремление поддерживать высокие цены на те или иные товары. Именно с этой целью руководители предприятия рекомендуют своей фактории в Валенсии «покупать меньше (сахара) и поддерживать на него высокие цены» (Den solt sin lutzel sigworden und man es in hohem gelt wolt halten)¹²¹. В том случае, «когда товар не приносит прибыли» (wen ein war nit nutz trug), руководители фирмы предписывают факторам помещать капитал в другое» (das gelt an anders)¹²².

«Централ» не только осуществляет постоянную связь с факториями и представительствами, но и контролирует отношения факторий друг с другом. При этом решается такая важная задача, как информация о состоянии рыночной конъюнктуры и о движении цен на различные виды товаров. В условиях примитивности (с современной точки зрения) средств связи и передвижения, ее выполнение было делом нелегким.

Практическая деятельность компаний осуществлялась участниками (Gesellen) или пайщиками предприятия (Teilhavern), служащими (Dienern) и учениками (Lehrlingen). Если в XV в. служащие чаще всего одновременно являлись и пайщиками предприятия, то уже в первой половине XVI в. картина резко изменилась. Служащие превратились в простых исполнителей воли владельцев фирмы и лишились возможности оказывать влияние на ход дел.

Особое положение занимали ученики, так как в роли таковых получали профессиональную подготовку не только те, кто готовил себя к деятельности именно в этой фирме, но и дети богатых купцов, имевших собственные торговые предприятия. Последние по окончании срока обучения покидали компанию. Юноша, поступивший в торговую компанию учеником¹²³, в течение 7—8 лет обычно не только

¹²⁰ Ibid., S. 89.

¹²¹ Ibid., S. 147.

¹²² Ibid., S. 150.

¹²³ Более подробно о характере ученичества в немецких средневековых торговых компаниях см. H. Kelbert. Das Berufsbildung der deutschen Kaufleute im Mittelalter, Berlin, 1956.

не получал никакого содержания, но и должен был сделать за обучение взнос¹²⁴. Более того, поступление в торговое товарищество в качестве ученика порой сопровождалось ограничениями и оговорками самого различного рода. Так, уже известному нам Алекси Гиллензону в течение десяти лет запрещалось жениться без разрешения «правителей» компании¹²⁵. Такая регламентация жизни ученика родила торговые предприятия XV—XVI вв. с цеховыми организациями классического средневековья. Целью же купеческого образования, о чем откровенно заявляли руководители торгового дома Вельзеров, было «получение и приумножение прибыли»¹²⁶. Однако участие крупных южногерманских компаний в торговле с другими странами и землями делало необходимым обучение купцов не только элементарной грамоте, арифметике, ведению бухгалтерских книг и коммерческой технике, но и иностранным языкам. Поэтому один из представителей того же семейства Вельзеров по имени Иероним «провел годы своей молодости в Венеции, где он должен был изучать итальянский язык» (Den hat er in seiner jugent Venedig than, daß er die welschen sprach soll lernen)¹²⁷.

Лица, поступавшие в торговые компании на службу, подписывали с их владельцами и руководителями договор, по которому должны были оставаться на этой службе в течение ряда лет. Так, например, некий Адreas Фишер, поступая в 1541 г. на службу в швацкую факторию Паумгартнеров, взял на себя обязательство не покидать факторию в течение пяти лет, «не вести (собственных) дел и не участвовать в разработке рудников, а также держать все в тайне» (kein handtierung treiben oder bergwerke bauen, auch alles gehaim halten)¹²⁸. Любопытно, что обязательство служащего не уходить из компании отнюдь не означало, что владельцы предприятия не могли его уволить во время действия контракта. Напротив, они постоянно оговаривали за собой право увольнять служащих по собственному усмотрению.

¹²⁴ A. Schulte. Geschichte der Grössen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 1, S. 71.

¹²⁵ Ibid., Bd. 3, S. 462.

¹²⁶ H. Kelbert. Op. cit., S. 48.

¹²⁷ Chronik des Clemens Sender, S. 310.

¹²⁸ K. O. Müller. Quellen..., S. 93.

Сроки контрактов и число служащих, находящихся на службе компании, могли быть различными. Интересные данные на этот счет содержат записи Луки Рема, позволяющие установить, что фирма братьев Ремов имела 25 служащих, каждый из которых имел контракт с хозяевами на срок от одного до двенадцати лет. В качестве исключения из этого правила могут быть названы имена Иерга Герварта, одного из представителей известного аугсбургского семейства купцов и предпринимателей, с которым хотя договор и подписан, однако время пребывания в компании не обусловлено (*Ist kein Zeit begingt*); отпрыска патрицианского рода города Иерга Эхема, находящегося (в компании) из чувства дружбы (*In aus fraintschaft gehalten*) и с которого не взято ни письменного, ни устного обязательства (*...nit verschriben noch verpflichtet gwest*); и, наконец, Сигизмунда Рема, очевидно, сына одного из братьев владельцев предприятия¹²⁹.

Материальное положение служащих торговых компаний было различным, так как каждый из них получал ежегодное вознаграждение в соответствии с его заслугами перед хозяевами предприятия и важностью выполняемой им работы. Впрочем, руководители компании прибегали и к иным способам поощрения своих служащих. В целой системе мер поощрения особое место отводилось помещению на их имя так называемых «*Fürlegungen*», на что нами уже было указано выше. Данные, приводимые Г. фон Пельницем¹³⁰ о положении служащих фуггеровского филиала «*Ungarische Handel*» (таблица 3) могут служить в качестве наглядной иллюстрации. Они позволяют сделать некоторые наблюдения о положении служащих фуггеровского филиала. Во-первых, ежегодное вознаграждение служащим колеблется от 25 до 300 гульденов. Во-вторых, Фуггеры выплачивают надбавку «за выслугу лет» к вознаграждению. Так, например, у Цемессера эта надбавка составляет 10 к 90, у Шварца 50 к 200 гульденам. В-третьих, из 18 служащих филиала лишь шесть имели «*Fürlegungen*», по которым компания производила выплату твердо установленного и довольно высокого процента.

¹²⁹ Tagebuch des Lucas Rem, SS. 71—72.

¹³⁰ G. von Pölnitz. Jacob Fugger, Bd. I, Quellen und Erläuterungen, SS. 458—462.

Положение служащих фуггеровского филиала
«Ungarische Handel».

Служащие	Фактории	Ежегодное вознагражд. в гульд.	Величина „Fürlegungen“ в гульд.	Условия выплаты по этим вкладам
Ульрих Видеман	Каринтия	60	—	—
Кристоф Геринг	Нейзол	200	200	10%
Матвей Лахенбен	Гогенкирхен	120	1000	10%
Ульрих Цемессер	Разные места	90—100	—	—
Себастиан Шварц	Бреслау, Краков, Данциг	150—200	—	10%
Иерг Хоген	Краков	100	—	—
Иобст фон Кентциг	Лейпциг	180—200	—	10%
Андреас Матштедт	?	300	1000	10%
Ганс Лентц	Поездки	25	—	—
Людвиг Юнг	?	100	—	—
Вильгельм Арцт	Бреслау	50	—	—
Ганс Бюгер	Бреслау	100	—	—
Ганс Плос	Нейзол	150	—	—
Иерг Эйбергер	Райхенштайн	50	—	—
Яков Мирбах	Райхенштайн	104	—	—
Ганс Пред	Бреслау	100	—	—
Сигизмунд Гшир	Нейзол	75	—	—
Иобст Целлер	Каринтия	177	—	—

Рассмотренная нами картина организации южнонемецких торговых компаний восходит своими корнями к эпохе классического средневековья. Поэтому большой интерес представляет вопрос о влиянии на организацию и структуру этих предприятий переход от торговли товарами и ростовщических операций к промышленно-капиталистической деятельности. Капиталистическим предпринимательством торговые компании занимались прежде всего в горнорудной промышленности. Это обстоятельство заставляло руководителей аугсбургских компаний, действовавших на этом поприще весьма настойчиво, проявлять постоянную

заботу о сохранении инвестиций капитала в данной отрасли народного хозяйства.

С этой целью владельцы крупнейших торговых домов Аугсбурга в своих завещаниях и в договорах об образовании или продлении срока компании стремятся подчеркнуть, что горнорудные предприятия находятся в особых условиях. Об этом красноречиво говорит договор братьев Фуггеров от 1502 г., который запрещает производить раздел рудников, находящихся в землях венгерского короля, а также различного рода построек и плавильен в Каринтии и Тюрингии, разрешая передавать их в одни руки и только по мужской линии¹³¹. Завещание Паумгартнеров от 1529 года также исключает возможность раздела рудников, плавильен и имущества, относящегося к торговле продовольствием на горнорудных предприятиях. В случае необходимости или нужды все это имущество может быть продано лишь целиком¹³². Интересные свидетельства на этот счет содержатся и в акте раздела имущества, который незадолго до своей смерти 27 августа 1549 г. произвел Ганс Паумгартнер Младший. Исполняя волю аугсбургского купца и предпринимателя, сыновья должны были, во-первых, не изымать капиталов из горных разработок Тироля до тех пор, пока они приносят прибыль; и, во-вторых, «Все будущее откупа серебра, меди и другие предприятия в Тироле должны были вести друг с другом по-братски, в равной степени разделяя прибыль и убытки»¹³³. Паумгартнер Старший требует также от своих сыновей личного участия в организации и руководстве горнорудными предприятиями и если один из двух сыновей откажется это делать, то получает лишь $\frac{1}{3}$ прибыли, тогда как на долю брата, который принимает участие в организации работы горнорудных предприятий, придется $\frac{2}{3}$ прибыли¹³⁴.

Под влиянием перехода к капиталистическому предпринимательству складывается новый порядок выхода из торгового товарищества, что может лишь проиллюстрировано на примере компании Фуггеров. Участник предприятия, пожелавший выйти из дела, получал все, что приходилось на его

¹³¹ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 269.

¹³² K. O. Müller. Quellen..., S. 23.

¹³³ Ibid., SS. 54—55.

¹³⁴ Ibid., S. 47.

долю вместе с основным капиталом, «исключая вышеназванные рудники, плавильни, недвижимое имущество, постройки и пристройки к плавильням». Что касается этого имущества, то он в нем «утрачивал свою долю вместе с будущей прибылью и больше в том ничего не имел»¹³⁵. Даже «правители» компании в данном случае не имели полномочий «продавать, ухудшать или отчуждать рудники» и могли это делать не иначе как «с согласия и позволения всех членов товарищества или их большинства»¹³⁶. Подобным же образом «правители» должны были действовать в том случае, когда предстояло приобретение рудников, и речь шла «о значительной покупной цене»¹³⁷.

Приобщение аугсбургских торговых компаний к капиталистическому предпринимательству, конечно, не могло не оказать влияния и на их организационную структуру. Отныне перед владельцами и пайщиками компании встали новые задачи, которые были связаны с управлением и руководством промышленными предприятиями. Поскольку эти предприятия могли бесперебойно функционировать и приносить промышленнику прибыль только при условии значительных по тому времени капиталовложений, то одним из шагов руководителей компаний были меры, направленные на предотвращение изъятия капиталов из горнорудной промышленности. Другим шагом было создание специального исполнительного аппарата, который и нес ответственность за практическую сторону дела. Последняя задача выполнялась следующим образом. Компании стремились использовать и контролировать старые товарищества участников-предпринимателей (*Gewerkschaften*), занимавшихся непосредственно разработкой рудников. И это неудивительно, так как еще до проникновения купеческого капитала в горнорудные промыслы *Gewerkschaften* превратились по существу в капиталистические предприятия. С конца же XV в. происходит постепенное подчинение этих зачаточных форм капиталистической организации производства торгово-ростовщическому капиталу. Впрочем, вплоть до второй половины XVI в. функции горных товариществ торговые компании брали на себя крайне редко.

---

¹³⁵ M. Jansen. *Jacob Fugger der Reiche, Urkunden*, S. 279.

¹³⁶ *Ibid.*, SS. 279—280.

¹³⁷ *Ibid.*, S. 280.

Однако крайняя скудность источниковедческой базы (в подавляющем большинстве случаев хозяйственные книги торговых домов до нас не дошли) делает невозможной попытку воссоздания общей эволюции организации и структуры компаний под влиянием перехода к капиталистическому предпринимательству. Этот пробел лишь в незначительной степени может быть восполнен материалами, которые содержатся в публикации К. О. Мюллера, посвященной торговому дому Паумгартнеров. Мы имеем в виду записи о расходах фактории компании Паумгартнеров в Шваце, составленные в 1545 г. ее руководителем Гансом Планом, и мемориал, написанный им же в 1549 г. Из записей Плана следует, что компания имела в швацкой фактории восемь служащих, каждый из которых получал ежегодное вознаграждение от 80 до 400 гульденов. Правда, План упоминает еще Матвея Рема. Последний был очевидно отпрыском известного аугсбургского патрицианско-купеческого рода и находился в фактории компании в качестве ученика и поэтому никакой платы не получал»¹³⁸. Руководящее положение в этой фактории занимали два человека, «которые вершили в Тироле от своего имени все дела рудников и плавильни» (die den perghwerchen und schmeltzhandlungen in Tirol von sein gewesen). В прошлом, вспоминает фактор, такими людьми были Ганс Клокер и Яков План. «План являлся бухгалтером, вел счета и (следил) за распределениями, Клокер правил и управлял, перед каждым держал речь, давал ответ и указания»¹³⁹. Но кроме служащих, постоянным местопребыванием которых была фактория в Шваце, компания имела, как это следует из записей того же Плана в 1545 г., писаря плавильни в Кундле, своих представителей в Штерцинге и Галле и несколько слуг. Общая сумма ежегодных расходов на содержание служащих и слуг составляла 1796 гульденов¹⁴⁰. Однако у нас есть основания предполагать, что на самом деле эти расходы были значительно больше, так как компания имела пай в горных товариществах и вела разработки и в ряде других судебных округов Тироля, и повсюду она должна была иметь доверенных лиц, которые бы защища-

¹³⁸ К. О. Müller. Quellen..., S. 270.

¹³⁹ Ibid., S. 282.

¹⁴⁰ Ibid., S. 270.

ли ее интересы. В этом отношении представляют интерес предложения мемориала Плана, реализация которых, по мнению автора, способствовала бы более успешной деятельности компании в горной промышленности. Он предлагает, касаясь положения дел в Клаузене, иметь здесь двух служащих, «один из которых (как фактор) распоряжался бы всей торговлей и особенно делами рудников и вел бы счета упомянутой торговли. Другой оценивал бы там же (работу) толчей и плавилен»¹⁴¹. То же самое должно быть сделано и в Терлане, где, правда, компания имеет служащего по имени Мартин Кирхер, которого План называет «достойным горняком», «однако тот не может читать и писать, в чем немалый ущерб и недостаток», так как в горном товариществе Терлана, где этот «достойный горняк» должен представлять интересы компании Паумгартнера, «по этой причине он не может видеть, что слишком много или слишком мало вписывают в книги при распределениях»¹⁴². Таким образом, необходимость иметь на службе компании не только знающих, но и грамотных людей, представляется умудренному опыту фактору настоятельной потребностью. План полагает, что фактория в Шваце и ее представители в горных округах Тироля должны находиться под неусыпным контролем владельца предприятия. Поэтому сам «Паумгартнер должен несколько раз в году посещать Госсензас, Шнееберг, Клаузен и Терлан», а так как он не сможет всякий раз поехать лично, то «туда могут быть направлены двое степенных и прилежных доверенных лиц от имени Паумгартнера»¹⁴³.

Конечно, приведенный нами материал носит в значительной степени иллюстративный характер и не может быть признан достаточным для решения проблемы эволюции организационной структуры торговых компаний под влиянием новых факторов. Однако бесспорно, что переход к промышленной деятельности побуждал руководителей предприятий вести энергичные поиски таких путей и средств, которые позволили бы приспособить старую организацию к изменившейся обстановке.

---

¹⁴¹ Ibid., S. 284.

¹⁴² Ibid., S. 285.

¹⁴³ Ibid., S. 283.

ВЫВОДЫ

1. Основным типом южногерманских торговых, а отчасти и торгово-промышленных предприятий XV—XVI вв., было торговое товарищество (Handelsgesellschaft), которое по своей форме могло быть: 1) «семейной» компанией, т. е. объединять узкий круг членов одной семьи; 2) включать в качестве пайщиков и участников лиц, не состоящих в родственных связях; 3) могло быть «смешанной», т. е. иметь в составе пайщиков как членов одной или нескольких семей, так и третьих лиц. Обязательным условием существования торгового товарищества вообще является участие в предприятии «трудом и капиталом», т. е. внесение в кассу товарищества определенной денежной суммы и участие в его повседневной деятельности.

2. Объединения нескольких купцов-ростовщиков (иногда предпринимателей), ошибочно отождествляемые буржуазной историографией с консорциумами нового времени, на самом деле не являются постоянно действующими предприятиями. Появление таких объединений было связано с развитием откупной системы и монополий на торговлю отдельными видами товаров. По форме это временное соглашение купцов, банкиров-ростовщиков и предпринимателей с представителями имперских властей, княжеской администрацией или друг с другом.

3. Исследование структуры южногерманских торговых компаний имело целью установление форм управления этими предприятиями, правового положения пайщиков, типов действующего капитала и механизма распределения прибылей. С внешней стороны система управления торговыми делами, выработанная на протяжении нескольких столетий развития европейской торговли, может быть выражена в простой формуле: «централ» — фактория (или филиал) — представительство, смысл которой сводился к централизации управления и к полному подчинению младших компаньонов, факторов и служащих диктату «правителей». Внутренняя структура торговых компаний, хотя и была продолжением развития средневековых форм и традиций, в то же время содержала те элементы, которые создавали благоприятную почву для различных спекулятивных операций и безудержной наживы. Последнее в какой-то мере объясняет, почему этим предприятиям вполне удалось при-

способиться к условиям и обстановке раннекапиталистической эпохи.

4. Организационная структура далеко не всегда определяла характер деятельности торговых компаний. В то время, как Большая Равенбургская компания как по роду своей деятельности, так и по организационным формам продолжала быть в полном смысле средневековым предприятием, аугсбургские торговые дома встали на путь капиталистического предпринимательства, что, однако, не привело к серьезным переменам в организационной структуре этих компаний.

Глава III

ЮЖНОГЕРМАНСКИЕ КОМПАНИИ НА РЫНКАХ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVI ВЕ.

История торговой деятельности южногерманских компаний на европейских рынках конца XV — начала XVI вв., на которых эти предприятия играли видную роль, представляет исключительный интерес. Однако крайняя скудость источников не позволяет исследователям нарисовать более или менее полную и конкретную картину участия этих фирм в европейской торговле той эпохи. Материалы Большой Равенбургской компании, опубликованные А. Шульте, лишь отчасти восполняют пробел. Но поскольку это один из тех немногих источников экономического характера, которые способны пролить свет на интересующую нас проблему, то именно он в первую очередь и привлекается нами для исследования торговой деятельности компаний.

Торговля сама по себе, конечно, не может быть творцом нового способа производства (об этом шла речь в историографическом очерке), однако денежные средства, аккумулированные в торговле, могут стать исходным пунктом капиталистического предпринимательства. Исследование проблемы, каким образом и в каких условиях создавались крупные денежные состояния в торговле, и должно стать задачей настоящей главы.

ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ РЫНКОВ ГЕРМАНИИ ДЛЯ ЮЖНОНЕМЕЦКИХ КОМПАНИЙ

Исходным моментом в создании Большой Равенсбургской компании явился экспорт верхнешвабского полотна на западноевропейские рынки и прежде всего в Испанию. Правда, в дальнейшем эта первоначальная картина претерпела радикальные изменения. Уже в 70-е годы XV века в основе торговой деятельности компании лежал не экспорт продукции отечественного льноткачества, а преимущественно посредническая торговля между двумя географически отдаленными районами. Капиталы, которые первоначально приносила равенсбургскому купечеству торговля южно-германским полотном и отчасти бумазеей, были помещены в другие отрасли торговли на западноевропейских рынках, и компания стала играть видную роль в системе международной торговли того времени вплоть до своего роспуска в 1530 г. Прилагаемая нами таблица (таблица 1)¹, составленная на основе данных ревизии 1497 г. и содержащая сведения об активах компании, дает ясное представление о характере ее деятельности. Из данных таблицы следует, что только около одной трети активов компании было размещено на рынках Германии, т. е. для этого предприятия первостепенное значение имели внешние рынки Западной Европы.

Основные линии торговли компании схематически будут выглядеть следующим образом (но нельзя, конечно, забывать и о том, что практика знала немало отклонений от этой схемы): Нюрнберг—Равенсбург—Милан—Генуя—Сарагосса и Валенсия; Нюрнберг—Франкфурт-на-Майне—Нидерланды; Валенсия и Сарагосса (через Бильбао)—Нидерланды, Испания—Авиньон и Лион, Испания—Италия, и счень важное звено Италия—Нидерланды через Южную Германию. Но так как компания является объединением швабского купечества, то попытаемся прежде всего определить место и значение продукции Боденского района и других германских земель в операциях предприятия на рынках и выяснить роль Равенсбурга в качестве торгового пункта компании.

---

¹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 47.

Размещение активов Равенбургской компании

Страны	Рынки (города)	Размер активов	Сумма активов и % к общей сумме
Италия	Генуя	30636 фл.	55707 фл. 33,7%
	Милан	25021 »	
	Венеция	50 »	
Германия	Нюрнберг	42642 »	54568 фл. 33,0%
	Равенбург	11041 »	
	Исни, Кемптен, Ванген, Штауфен	542 »	
	Констанц	343 »	
Испания	Валенсия	23173 »	35610 фл. 21,4%
	Сарагосса	12357 »	
	Барселона	80 »	
Нидерланды	Брюгге, Антверпен	15486 »	15486 фл. 9,4%
Франция	Лион, Авиньон	4102 »	4102 фл. 2,5%
Общая сумма активов		165473 фл.	165473 фл. 100%

Нетрудно заметить, что в самом Равенбурге компания ничего не продавала, а лишь производила закупки, правда, в незначительных размерах, местного полотна и бумазеей. Гораздо более тесные связи она осуществляла с такими городами Верхней Швабии, как Кемптен, Ванген, Штауфен и особенно Сант-Галлен. Сант-галленское полотно занимало видное место в экспорте компанией товаров немецкого происхождения. И если к концу XV в. кризис льготкацкого ремесла Верхней Швабии очевиден, то Сант-Галлену удалось в какой-то степени сохранить свои позиции. Во всех этих городах члены компании или сами покупали полотно, или делали это с помощью местных бюргеров, которые выполняли функции комиссионеров компании. Так, например, некий Яков Эберхард закупил для торгового това-

рищества в Кемптене с 20 августа 1500 г. по 7 мая 1502 г. 366 кусков полотна на значительную сумму в 2746 ф.²

В 70-х годах XV века равенбургское купечество экспортировало швабские полотна не только на рынки Среднеземноморья, но и в Нидерланды. В этой связи необходимо указать на ту выдающуюся роль, которую играла текстильная промышленность и сбыт ее продукции в судьбах Европы того времени.

Можно сказать без преувеличения, что торговля текстильными товарами имела в то время важное значение особенно для производящих эти ткани стран. Экономические судьбы стран Европы, а во многих отношениях и их социальные отношения со всеми вытекающими отсюда последствиями, тесно переплетались с развитием суконной промышленности в Англии, Италии и южных провинций Нидерландов, льноткацкой в северной части Нидерландов (Голландия и Геннегау прежде всего), на западе (Вестфалия), востоке (Лаузитц) и на юге (Швабия и район, прилегающий к Боденскому озеру) в Германии и в Северной Италии (Ломбардия), шелкоткацкой в Испании и Италии. Оживленная торговля льняными тканями, и особенно полотном³, велась на рынках Нидерландов, Франкфурта-на-Майне и Нюрнберга. Рынки северной части континента уже к концу XV в. были завоеваны полотнами Голландии (а также полотнами других провинций Северных Нидерландов). Товарные потоки голландского полотна двинулись на юг, постепенно вытесняя южногерманские ткани и со среднеземноморских рынков и в первую очередь из Испании. Это положение находит подтверждение на примере деятельности торговой фирмы швабских купцов. Если осенью 1480 г. фактору компании Андреасу Затлеру удалось продать в Антверпене с «хорошей прибылью» 99 кусков сант-галленского тика, и он заказал для ярмарок в Брюгге и Бергене-оп-Цооме еще 182 куска⁴, то к концу столетия эти ткани совершенно исчезают из номенклатуры

² Ibid., SS. 457—458.

³ Равенбургская компания вела торговлю немецкими, голландскими полотнами и полотнами Геннегау, Камбрэ и Брюгге, а также тиковыми тканями, носящими название «zwiellich» или «bukaschin». Ibid., SS. 14, 107, 115, 186, 190, 192, 208, 240, 243, 258, 262, 263, 300, 414, 416, 420, 430, 435, 436, 441, 447.

⁴ Ibid., S. 430.

товаров компании на нидерландском рынке. Аналогичную картину мы наблюдаем и в Испании, где осенью 1472 г. фактор компании в Валенсии Дипольд Буклин заказал на следующий год 142 тюка немецкого полотна (это немногим меньше 600 кусков)⁵. Заказ Буклина может служить косвенным доказательством того, что торговля этими тканями была более прибыльна, чем торговля нидерландским полотном. Однако обратимся теперь к другому свидетельству. С июня 1505 г. по апрель 1506 г. компания продала в Сарагоссе 274 куска немецкого полотна на сумму 983 ф. 14 ш., а от продажи 115 штук голландского полотна в Сарагоссе и 84 штук в Бильбао было выручено 2008 ф.⁶, что может служить обоснованием предположения, что к этому времени голландские полотна стали более высокого качества и успешно конкурировали со швабскими и на испанском рынке. Можно утверждать, что одной из причин упадка льноткацкого ремесла Верхней Швабии, которое издавна ориентировалось на внешние рынки, был бурный рост производства полотна в Голландии, которое успешно конкурировало и вытесняло южногерманскую продукцию с европейских рынков. Если в конце XV и начале XVI вв. окончательная победа «на рынке полотна» нидерландским купечеством еще не была одержана, то исход ее, в крайнем случае, сомнений не вызывал.

С другой стороны, когда речь идет о судьбах льноткацкой промышленности вообще, то при этом постоянно приходится считаться с тем фактом, что она испытывает в XV—XVI вв. серьезную конкуренцию со стороны хлопчатобумажного производства. Хлопчатобумажные ткани, при относительной узости тогдашнего рынка, затрудняют сбыт продукции льноткацкой промышленности. В XV в. бумазейное производство делает несомненные успехи не только в Аугсбурге и Ульме⁷, но и в менее значительных городах Швабии (в этих районах развивается также и сельское ткацкое ремесло). Равенбургская компания принимает участие в торговле ульмской бумазейей, сбывая ее почти исключительно на испанском рынке. Нашему источнику

---

⁵ Ibid., S. 236.

⁶ Ibid., SS. 240—242.

⁷ E. Nübling. Ulms Baumwollenweberei im Mittelalter, Leipzig, 1890, SS. 121—133.

известны такие сорта ульмской бумазеи, как «vis» и «dmogo», причем второй сорт был в полтора раза дороже первого. В зависимости от клейма, которое ставилось на кусках ткани во время осмотра (Schau), различаются сорта «Löwe», «Ochse» и Traube»⁸, что соответствует первому, второму и третьему сорту ткани⁹. Торговлю бумазеей других городов Германии компания, очевидно, ведет довольно редко, хотя известно, что в семидесятые годы XV в. она поставляет аугсбургскую бумазею в Валенсию, а с конца 1515 г. до начала 1517 г. покупает в Меммингене 170 кусков местной ткани¹⁰.

Однако торговля компании ульмской бумазеей (отчасти тканями и других южнонемецких городов) в последней четверти XV в. была уже незначительной, а к началу XVI в. была уже незначительной, а к началу XVI в. она и совсем затухла, что можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, на германских рынках и в экспорте немецкой бумазеи все больший вес приобретала продукция аугсбургского производства. Во-вторых, на протяжении всего XV в. происходило проникновение в бумагопрядильную промышленность Ульма и Аугсбурга могущественных южногерманских фирм Бессереров, Велинов, Крафтов, а затем и Фуггеров, которым удалось в какой-то мере подчинить местное хлопчатобумажное ремесло и особенно торговлю бумазеей¹¹. И, наконец, на средиземноморских рынках с немецкой бумазеей успешно конкурировали миланские хлопчатобумажные ткани¹².

Между тем торговля бумазеей отечественного производства имела для южногерманских компаний исключительное значение. Так, например, в Ульме в конце XV в. ежегодно производилось по 9 тысяч кусков бумазеи, которую местное купечество и некоторые южногерманские компа-

⁸ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 8, 19, 58, 82, 109, 124, 126, 188, 206, 208, 209, 210, 226, 228, 231, 232, 236, 258.

⁹ F. Rörig. Mittelalterlich Weltwirtschaft..., «Wirtschaftskräfte im Mittelalter», S. 336.

¹⁰ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 2. S. 98, Bd. 3, S. 236

¹¹ E. Nübling. Op. cit., SS. 144—145.

¹² В делах компании ламбардская бумазея называется «justan» и «fustano bombaxin». A. Schulte. Op. cit., Bd. 3, SS. 34, 58, 80, 82, 90, 104, 105, 109, 124, 187, 232, 242, 243, 267, 269, 273, 288, 296.

нии сбывали в Любеке, Антверпене, Кале, на целом ряде итальянских рынков и особенно в Венеции¹³. Цеховые ремесленники городов и сельские ткачи бумагопрядильной промышленности быстрее и чаще попадали в зависимость от купцов-предпринимателей, так как сырьем им служил не только лен, который в Южной Германии давало свое сельское хозяйство, но и хлопок, который импортировался в страну прежде всего из Венеции, получавшей его, в свою очередь, из Малой Азии, стран Леванта, Сирии и Египта. Купцы представляли ткачам хлопок в кредит, и это позволяло им диктовать цены на бумазею. Именно так действовали такие южногерманские купцы, как Фуггеры, Гауги, Лангеннауэры¹⁴. И это был один из путей проникновения купеческого капитала в производство.

В подобной ситуации купеческий капитал способствовал разрушению цеховой средневековой организации промышленности, ее подчинению торговому капиталу и созданию предпосылок для появления раннекапиталистических производственных отношений. Весьма показательна в данном отношении деятельность компании Цангмайстеров. Эберхарт Цангмайстер в 1516 г. заключил в Меммингене соглашение с местным цехом ткачей, предоставив цеху кредит в 13 тысяч гульденов. Эта же компания закупала холстняные ткани и особенно бумазею в Биберахе и Кауфбейрене. Лишь в последнем городе она поддерживала связь со 190 ткачами¹⁵.

Исключительную роль в проникновении торгового капитала в бумазейную промышленность играли поставки хлопка с отдаленных рынков и его раздача городским и сельским ремесленникам. В эпоху раннего европейского капитализма именно это обстоятельство свидетельствовало о связи компаний с ткацким производством. Однако если мы обратимся к истории Равенбургской компании, то обнаружим, что ее операции с хлопком не носили более или менее регулярного характера, хотя нам и известно несколько случаев сбыта ею хлопка в Меммингене, Кауфбейрене и Линдау. Так, с 8 декабря 1515 г. по 16 февраля 1517 г.

¹³ A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs., Bd. I, SS. 646—647.

¹⁴ F. Furger. Zum Verlagssystem als Organisationsform des Frühkapitalismus, Stuttgart, 1927.

¹⁵ A. Westermann. Op. cit., SS. 464, 457.

в этих городах компанией было продано хлопка на сумму 2313 ф. В это же время хлопок, который стоил 702 ф., был обменен в Кауфбейрене на бумазю¹⁶. Равенбургская компания не сумела сохранить своих позиций в местной текстильной промышленности, изделия которой занимали видное место в торговле других южногерманских торговых предприятий. Особенно это обстоятельство начало сказываться в конце XV — начале XVI вв. Примечательно также, что, несмотря на значительные операции с хлопчатобумажными тканями, компания почти не была связана с крупнейшим пунктом торговли этими товарами Аугсбургом.

Зато в другом крупном центре Южной Германии — Нюрнберге компания пустила прочные корни. Нюрнберг, один из крупнейших центров торговли металлами Западной Европы того времени, служил для Равенбургской компании базой закупочных операций с цветными металлами и железом. Ее фактория в этом городе приобретала олово¹⁷, медь¹⁸ и латунь¹⁹. На нюрнбергский рынок стекались металлы из Мансфельда и Ашенбурга, из Тюрингии и Саксонии, из Чехии, Венгрии и Тироля²⁰, а город являлся местом своеобразной выставки процветающей во второй половине XV и первой половине XVI в. горнодобывающей промышленности Германии, да и не только Германии. Правда, компания закупала металлы в Кемптене и Линдау, но подобного рода практика была скорее исключением, чем правилом.

Швабские купцы закупали в Нюрнберге такие изделия металлообрабатывающей промышленности, как латунную и медную проволоку, иголки, булавки, гвозди, подсвечники, ножи самых различных сортов, арбалеты и цепи для

---

¹⁶ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 2, SS. 104—105.

¹⁷ В нашем источнике «Zinn» в «grauper Zinn.» Ibid., Bd. 3, SS. 22, 34, 35, 78, 269, 290, 299, 309, 314, 337, 356, 357, 358, 359.

¹⁸ Нюрнбергская фактория покупает geschlagen, rauch roh, roit, saiger сортер, а что касается географической принадлежности меди, то это медь Шваца и Ашенбурга. Ibid., SS., 4, 9, 14, 22, 39, 42, 90, 189, 263, 269, 293, 296, 305, 316, 336, 337, 339, 355, 357, 358, 359, 373.

¹⁹ Швабские купцы ведут торговлю mosch, tafel mösch, now mosch, howmessing, geschapter howmessing. Ibid., SS. 269, 290, 293, 299, 308, 311, 355, 356, 357, 358, 387.

²⁰ Ibid., Bd. 2, S. 196.

собак²¹. На Нюрнберг приходилась основная масса закупочных операций компании и с серебром²². Все эти товары она экспортировала в южном и западном направлениях, поставляя в Геную, которая была не только транзитным пунктом для металлов, но и рынком сбыта, в Лион и Авиньон во Франции, в Валенсию, Сарагоссу и Тортоосу в Испании. И надо сказать, что, несмотря на трудности транспортировки и высоту накладных расходов, операции с металлами приносили значительную прибыль, особенно в Генуе и на испанских рынках. Только лишь за несколько месяцев лета и осени 1504 г. компания закупила в Нюрнберге серебра на сумму более чем в 8 тыс. гульденов²³. В качестве рынка сбыта серебра определенное значение для компании имел и Лион, где, например, на «ярмарке всех святых» (Allerheiligenmesse) в 1479 г. ею было продано два слитка серебра неким Piero Trocket из Парижа и Esteva, «который едет в Руан»²⁴.

Но следует отметить, что операции с серебром отличаются от торговли компании другими металлами и металлическими изделиями. Если операций по сбыту металлов компания почти не ведет даже во Франкфурте-на-Майне, не говоря уже о более северных рынках, то серебро она успешно продает в Антверпене и Кельне. Другой отличительной чертой торговли компании серебром и благородными металлами является то, что она на нидерландских и итальянских рынках эти товары не только продает, но и покупает. Нередко при этом высокие пошлины на импорт серебра и запрещение его вывоза (в частности, из Миланского герцогства) толкают купцов на путь контрабандной торговли. По территории этого герцогства швабские купцы провозят серебро в тюках с бумазеей и полотном, в мешках с шерстью, стремясь во что бы то ни стало усыпить бдительность таможенных чиновников. Так, к примеру, осенью 1505 г.

²¹ Ibid., Bd. 3, 20, 21, 22, 24, 39, 90, 108, 116, 186, 189, 208, 223, 230, 256, 261, 269, 277, 291, 293, 296, 309, 314, 318, 321, 338, 355, 356, 370.

²² Разновидностями серебра (и благородных металлов вообще) по нашему источнику являются silber, brandsilber, zwiekustbrand, onzgoïd, kuirnt. Ibid., SS. 14, 22, 34, 39, 41, 209, 242, 293, 296, 308, 314, 317; 318, 344, 355, 356, 357, 371, 382, 389, 392; 395, 399, 400, 437, 445, 446, 456.

²³ Ibid., SS. 209—210.

²⁴ Ibid., S. 355.

Ганс Гиллензон с упованием на божью помощь прячет два слитка серебра в тюках с оловом и полотном и отправляет их из Милана в Геную (Also wen Gott der her den gutenn zand hilffst, so tieg wir 2 st. silber uß den balla zinn und thond in die bala linvatt und senden die per transito per Jenow)²⁵. Эти факты находят подтверждение и в записках Паумгартнера²⁶. Однако проделки такого рода далеко не всегда купцам сходили с рук²⁷.

Значительной была доля металлов и металлических изделий и в общем объеме торговых операций Равенбургской компании. Это положение вполне подтверждается теми данными, которые мы находим в материалах торгового товарищества. В частности, с 5 августа по 18 октября 1510 г. через Равенбург, который выполнял функции своеобразного перевалочного пункта для компании, проследовало в различных направлениях товаров почти на 21,5 тыс. гульденов, из которых около 18% приходилось на металлы²⁸.

Активное участие швабского купечества в операциях с металлами и особенно с серебром на западноевропейских рынках может служить еще одним показателем бурного подъема, который переживала горнодобывающая промышленность Германии того времени. Однако в этой отрасли торговли происходили для Равенбургской компании серьезные перемены. Во-первых, крайне неблагоприятно отразилось на положении фирмы распространение монополий в торговле металлами и зависимость горнодобывающей промышленности от купеческих домов типа Паумгартнеров и особенно Фуггеров, которые постепенно сосредоточили в своих руках все нити торговли металлами. Во-вторых, важным было и то, что на своих важнейших рынках в Северной Италии и в Восточной Испании равенбургское купечество столкнулось с серьезными трудностями в сбыте металлических изделий, что было вызвано усиливающейся конкуренцией со стороны миланской металлообрабатывающей промышленности. Все это в конечном счете не могло не поколебать

---

²⁵ Ibid., S. 288.

²⁶ Welthandelsbräuche, S. 128.

²⁷ A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs... Bd. 2, S. 79.

²⁸ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft. Bd. 3, SS. 33—44.

позиций компании на рынках сбыта металлов и металлоизделий.

Стоит также отметить, что в Нюрнберге компания эпизодически осуществляла операции по закупке пушнины и воска, т. е. товаров, которые обычно связывают с ганзейской торговлей. При этом операции с воском порой достигали значительных масштабов. Так, например, только осенью 1480 г. фактория компании в Нюрнберге закупила и отправила в Равенсбург 47 центнеров 32 фунта воска стоимостью в 802 фл.²⁹⁾

В заключение необходимо указать на то, что органическая связь с экономикой Южной Германии не является основной чертой деятельности Равенсбургской компании, так как для этого предприятия характерно участие в чисто посреднической торговле международного масштаба. И эта торговля, в первую очередь, и определяет ее облик. Между тем другие южногерманские фирмы, и прежде всего аугсбургские, обнаруживают более тесную связь с отечественной промышленностью и ремеслом, что отличает их деятельность от Большой Равенсбургской компании. В значительной степени данное обстоятельство объясняет и различие географического диапазона деятельности этих двух типов южногерманских торговых предприятий. Если Равенсбургская компания разворачивает ее на традиционных торговых линиях, связывающих Западную Германию с другими странами и которые издавна позволяли немецким купцам извлекать выгоду из географического положения городов, являвшихся метрополиями их предприятий, то ряд других торговых домов Аугсбурга, Ульма и Меммингена предпринимают решительные шаги, целью которых было проникновение в области ганзейской торговли.

Проникновение Фуггеров в Балтийские районы ганзейской торговли началось еще в конце XV в. и носило особенно интенсивный характер в первые десятилетия XVI в. На балтийские рынки компания ввозила серебро, пряности, венецианские зеркала, а вывозила пушнину, среди различных сортов которой первое место занимали соболи³⁰⁾. Появление Фуггеров и других южногерманских купцов в Прибалтике ознаменовалось их попыткой утвердиться и на русском

---

²⁹⁾ Ibid., SS. 356—357.

³⁰⁾ G. von Pölnitz. Fugger und Hanse, S. 17.

рынке. С этой целью ими была создана контора фирмы в Новгороде³¹.

В первой половине XVI в. верхненемецкие купцы в северных и особенно северо-восточных районах Германии вели торговлю текстильными товарами, которые поставляли в первую очередь из Аугсбурга, Ульма и городов Боденского района. Известно также, что южногерманские компании ввозили на рынки Северо-Восточной Германии изделия металлообрабатывающей промышленности Нюрнберга. Эти рынки использовались компаниями Южной Германии для проведения закупочных операций с пушниной. Так, например, аугсбургская компания Розенбергеров, покупая здесь дорогостоящих куниц и соболей, поставляла их в далекую Кастилию³². Металлы австрийских земель эти фирмы экспортировали на рынки Северной и Северо-Восточной Германии. Так, те же Розенбергеры поставляли знаменитую штирийскую сталь во Франкфурт-на-Майне, Дрезден, Лейпциг, Фрейберг, Любек, Бремен и Гамбург³³. Последний для компании Фуггеров приобрел значение не только в качестве рынка сбыта, но и важного транзитного пункта в торговле металлами. В 1525 г. здесь появились и Вельзеры³⁴. Любопытно отметить, что в борьбе за новые рынки сбыта Яков Фуггер умело использовал противоречия в ганзейских городах, устанавливая выгодные для себя личные контакты как, например, со всемогущим бургомистром Любека Николаем Бремзе³⁵.

Эта деятельность южногерманских фирм должна была способствовать преодолению экономической отчужденности и изолированности, издавна существовавших между Северной и Южной Германией. Однако было бы заблуждением преувеличивать значение данного факта, так как в значительной степени североевропейские рынки имели значение для швабских компаний в качестве центров не столько германской, сколько международной торговли (на что нами уже указано в историографическом очерке), а успехи их деятельности в этих районах во многом объясняются поли-

---

³¹ M. Jansen. *Jacob Fugger der Reiche*, S. 60.

³² I. Lutzmann. *Op. cit.*, S. 22.

³³ *Ibid.*, S. 74.

³⁴ E. Volckmann. *Germanische Handel und Verkehr*, Würzburg, 1925, S. 422.

³⁵ G. von Pölnitz. *Fugger und Hanse*, S. 34.

тическим и экономическим упадком Ганзейского союза. Так, например, в XVI в. большое значение имели торговые связи Лиссабона с Данцигом, откуда поставлялась не только медь, но и хлеб и строительный лес. Торговые связи между этими двумя географически отдаленными пунктами энергично использовал аугсбургский торговый дом Фуггеров³⁶. Для торговой деятельности Большой Равенбургской компании других предприятий Южной Германии конца XV — начала XVI века огромное значение имели международные рынки, на которых не только находили сбыт товары немецкого происхождения, но которые одновременно являлись и важными пунктами посреднической торговли. В качестве последних и привлекали внимание руководителей южнонемецких фирм города севера европейского континента. Наглядной иллюстрацией этого положения могут служить материалы Равенбургской компании.

КОМПАНИИ НА ВНЕШНЕЕВРОПЕЙСКИХ РЫНКАХ

Первостепенное значение для Равенбургской компании на рубеже XV—XVI вв. приобретают рынки Италии. Экономические связи Южной Германии с этой страной были давно установившимися и особенно тесными. В операциях фирмы особенно важное место занимает торговля шелковыми тканями и шелком-сырцом.

В прошлом, в эпоху крестовых походов, дорогостоящие шелковые ткани входили в ассортимент левантйской торговли и составляли неотъемлемый элемент торговли предметами роскоши. Турецкие завоевания и падение Константинополя в особенности нанесли серьезный удар левантйской торговле. Однако к этому времени Южная Европа уже имела собственную шелкоткацкую промышленность, которая продолжала развиваться, что вполне соответствовало увеличению денежных богатств в руках феодальных сеньеров и росту благосостояния зажиточной части бюргерства, так как те и другие являлись покупателями шелковых тканей. Шелкопрядильное производство имелось в конце XV — начале XVI вв. в Сицилии (Палермо

---

³⁶ K. Häbler. Op. cit., S. 36.

и Мессина), в Калабрии на юге Италии, во Флоренции и Лукке, на севере страны — в Генуе и Милане; реконкиста в Испании включила высокоразвитое шелкоткацкое ремесло арабов в европейскую систему торговли, и, наконец, оно развивалось, не без участия королевской власти, на юго-востоке Франции. Шелк-сырец из Испании и Южной Италии экспортировался в Нидерланды, в Северную Германию (Кельн), на что, между прочим, настойчиво указывал Ганс Паумгартнер³⁷. Интересно отметить, что в конце 70-х и начале 80-х годов XV в. Равенбургская компания вела торговлю преимущественно испанским шелком, а уже в первые годы XVI столетия он редко встречался в торговой практике фирмы, которая отныне сделала упор на экспорт итальянских шелковых тканей из Милана и Генуи. Эта эволюция, по-видимому, связана с подъемом лигурийской и ломбардской шелкоткацкой промышленности. Участие Равенбургской компании в посреднической торговле шелковыми тканями указывает на ту роль, которую играли итальянские города в качестве экспортеров этих тканей на европейские рынки, особенно с начала XVI в.

Но при характеристике торговли шелком по нашему источнику мы сталкиваемся с рядом трудностей. Во-первых, не всегда удается точно установить, о каком товаре идет речь — о шелковой ткани или шелке-сырце³⁸. Во-вторых, нам не удается установить, обозначает ли термин «side grand» (шелковая ткань) все шелковые ткани или только легкие шелковые ткани типа вуалей. Очевиден лишь тот факт, что с начала XVI в. операции с легкими шелковыми тканями и шелком-сырцом перестают носить постоянный характер. Иначе обстоит дело с тяжелыми шелковыми тканями. Компания активно закупает в Милане и Генуе тяжелые шелковые ткани, среди различных типов которых прежде всего следует указать на бархат³⁹. Паумгартнер

---

³⁷ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, S. 258.

³⁸ Дело в том, что тафту часто продавали по весу еще в XIII—XIV в., и подобная практика сохранилась и на рубеже XV—XVI вв. W. Heyd. Geschichte des Lavantehandels im Mittelalter, Bd. 2, Stuttgart, 1879, S. 690.

³⁹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 34, 35, 36, 37, 40, 280, 282, 289, 305, 309, 321, 328, 370, 371, 372, 381, 385, 386, 389, 392, 398, 399, 400, 434, 437, 438, 440, 443.

упоминает следующие сорта бархата: «1 — самый дорогой *sempi*; 2 — *dappoli*; 3 — *farben* и 4 — *terzo pello* — самый дешевый, который вывозят в Англию»⁴¹. Компания покупает на рынках этих городов также дамаст⁴¹ и тафту⁴². Систематической торговли атласом, который Паумгартнер называет «царским сатином» (*satini rexo*)⁴³, Равенбургская компания, очевидно, не ведет. В материалах предприятия эта ткань фигурирует лишь однажды на франкфуртской ярмарке 1497 года⁴⁴. Но среди всех названных нами разновидностей тяжелых шелковых тканей явно преобладает бархат. По сравнению с ним операции Равенбургской компании с шелковыми тканями Лукки и тканями и шелком-сырцом Калабрий и Мессины менее значительны и важны⁴⁵, хотя уже и сам по себе этот факт довольно любопытен. Компания ведет торговлю и вышитыми золотой нитью шелковыми тканями, которые идут на парадную одежду высокопоставленным лицам феодального общества и служителям церкви, а также служат для украшения жилого помещения. Наш источник называет эти ткани «*Brokat*» или «*Borten*» и различает такие их сорта, как *bortto doro lagra*, *borten ocadumo*, *oro mezero* и *borten doro cordone*⁴⁶.

Материалы Равенбургской компании содержат сведения и о том, что шелковые ткани в Милане и Генуе в больших количествах закупают и другие южногерманские купцы, в том числе Мюнцер из Нюрнберга и Госсемброт из Аугсбурга, а Равенбургская компания в ряде случаев выполняет функции их комиссионера. Так, летом 1504 г. агенты Равенбургской компании покупают в Генуе 4 тюка мессинского шелка для Госсемброта, а весной следующего года для него же — калабрийский шелк. В начале 1507 г. фирма отправляет из Генуи во Франкфурт-на-Майне 8 тюков шелка, и в этой партии находится и шелк, принадлежащий Мюнцеру, который, по свидетельству представителя

---

⁴⁰ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, S. 173.

⁴¹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 305, 316, 321, 323, 371, 386, 434, 437, 438, 445.

⁴² Ibid., SS. 305, 318, 368, 446.

⁴³ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, S. 173.

⁴⁴ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 368.

⁴⁵ Ibid., SS. 274, 278, 285, 295—296, 305, 310, 395.

⁴⁶ Ibid., SS. 389, 400.

Равенбургской компании Генриха Штюдлина, вложил в торговлю шелком в течение года три тысячи дукатов⁴⁷.

Таким образом, вторжение южногерманского купечества в торговлю итальянским шелком-сырцом и итальянскими шелковыми тканями является очевидным фактом. Товарные потоки с шелковыми тканями движутся на север и северо-восток, так как конечными пунктами их следования служат Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне и Антверпен. Здесь агенты компании продают эти дорогие ткани, дальнейшая судьба которых, к сожалению, неизвестна.

В заключение укажем еще на два сорта тканей, которыми вела торговлю Равенбургская компания. Мы имеем в виду камлот и «Stamet». Камлот — пушистая ткань, сырьем для которой могла служить шерсть верблюда или ангорской козы и шелк, а также, по свидетельству В. Гайда, лучшие сорта шерсти⁴⁸. Гораздо сложнее обстоит дело с технологической природой «Stamet». Мы можем указать лишь на то, что это ткань, единицей измерения которой, как и шелка, служила «palma», и по цене эта ткань немногo дешевле шелка. На куски «Stamet» ставились знаки в виде одной или двух роз или одного или двух колокольчиков⁴⁹. Эти ткани компания экспортировала из Генуи, Милана и Комо, где существовало собственное производство «Stamet», на ярмарки Нюрнберга и Франкфурта-на-Майне, а также в Антверпен и даже в Вену⁵⁰. О том, какое значение для Равенбургской компании имели операции с итальянскими шелковыми тканями в общем объеме ее торговли, свидетельствуют результаты наших подсчетов⁵¹, сведенные в таблицу (таблица 2).

Из этих данных становится очевидной роль германских рынков для сбыта компанией продукции шелкоткацкой промышленности Италии вообще и значение ярмарок во

---

⁴⁷ Ibid., SS. 278, 285, 305, 316.

⁴⁸ W. Heyd. Op. cit., Bd. 2, SS. 693—695.

⁴⁹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 44.

⁵⁰ Ibid., SS. 36, 37, 42, 43, 44, 295, 309, 316, 317, 323, 381, 382, 392, 395, 434, 437, 445, 453.

⁵¹ Ibid., SS. 370—376, 381—385, 386—388, 389—390, 391—393, 398—400.

Место операций с шелковыми тканями в общем объеме
торговли Равенбургской компании

Рынок	Дата	Общая сумма операций в гульденах	В том числе шелковые ткани (в гульденах)
Франкфурт	осень 1500 г.	12.380	5.488
»	весна 1503 г.	7.237	2.650
»	осень 1503 г.	2.577	872
»	весна 1507 г.	6.304	3.500
Нюрнберг	апрель 1507 г.	6.773	1.872
Нюрнберг и Франкфурт	фев.—июнь 1527 г.	7.333	5.435

Франкфурте-на-Майне в особенности⁵². Буквально до последних лет своего существования компания экспортирует итальянские шелковые ткани на западноевропейские рынки и прежде всего на рынки Германии и Нидерландов (о чем речь ниже). Торговля итальянскими шелковыми тканями на рынках Северной и Центральной Европы имеет, очевидно, большое значение и для других южногерманских торговых домов. Судя по инвентуре компании Фуггеров от 1527 года, это предприятие экспортирует из Италии местные тяжелые шелковые ткани (дамаст, кармезин и другие) флорентийского и венецианского производства⁵³. Вывозом итальянских шелковых тканей занимается по вполне достоверным данным и другая аугсбургская компания Гауга, Линка и Лангенауэра⁵⁴.

⁵² Ярмарки во Франкфурте-на-Майне выполняли функции не только одного из важнейших в Германии пунктов посреднической торговли, но и служили рынком сбыта отечественной продукции. Судя по записям на ярмарке в этом городе в 1497 г. Пауля Мулиха, который вел активную торговлю между Нюрнбергом и Любеком, здесь находили сбыт как предметы роскоши итальянского производства, так и южнонемецкие изделия (бумага, холодное оружие, различные предметы из серебра и других металлов, бумага и т. д.). F. Rorig. Das Einkaufsbüchlein..., «Wirtschaftskräfte im Mittelalter», SS. 310—311.

⁵³ Inventur der Firma Fugger. S. 76.

⁵⁴ R. Ehrenberg. Op. cit., Bd. I, S. 228.

Изучение ассортимента товаров, которые Равенбургская компания вывозит из Италии, сталкивает нас с любопытным явлением: в этом ассортименте отсутствуют знаменитые итальянские сукна. Из итальянских шерстяных тканей компания ведет торговлю лишь сукнами Комо⁵⁵, которые находят сбыт только на рынках Южной Германии. Они, очевидно, не пользуются спросом на других европейских рынках. Сукна Комо ни разу не проходят через руки агентов фирмы даже на франкфуртских ярмарках.

Италия являлась и одним из крупнейших поставщиков на западноевропейские рынки шафрана. Шафран в средние века находил применение как в качестве красителя, так и специи. Шафран ежегодно в значительных количествах ввозился на германские рынки, и к этим операциям проявляли живейший интерес не только представители Равенбургской компании, но и другие торговые дома Южной Германии. Паумгартнеры, которые придавали исключительное значение торговле шафраном, указывают на следующие районы возделывания этой культуры в Европе: Арагон и Каталония в Испании, Лионнэ, Альби, Турэн и Овернь во Франции, Кремонская область, Тоскана, Аbruцца и Апулия в Италии, а также Австрия и Венгрия. При этом география возделывания шафрана определяла и его сорта, о чем и ведет речь в своих записках Ганс Паумгартнер Младший. В Арагоне, по свидетельству Паумгартнера, нашедшему подтверждение и в материалах большой Равенбургской компании, культивировался шафран «ort», которому значительно уступал по качеству каталонский «bolliger». Во Франции на лионские ярмарки в основном из Альби поставлялся шафран довольно высокого качества сорта «marokin» и низкокачественный «brunikel». На ярмарках Боцена и Кассальмаджоре продавался шафран сорта «duschgana» или «tuschan», т. е. шафран, выращиваемый в Тоскане. Однако ни Паумгартнер, ни Равенбургская компания не купили ни одного фунта шафрана этого сорта. В Аbruццах возделывался шафран двух сортов: высокого качества «zima» и низкого «stima». Шафран, поставляемый из Апулии, носил

---

⁵⁵ Чаще всего рынком сбыта для сукон Комо служил Нюрнберг, где компания порой обменивала эти сукна на медь и другие металлы. A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Ed. 3, SS. 44, 281, 282, 291, 308, 321, 322.

наименование «pulnisch»⁵⁶. Все эти области, за исключением Австрии и Венгрии, где шафран выращивался в незначительных размерах, и Тосканы, где он в основном потреблялся на местном рынке, поставляли эту культуру на международные рынки. Однако первостепенное значение для южногерманских компаний имели все же рынки Италии.

Равенбургская компания принимала деятельное участие в международной торговле шафраном. Более того, во второй половине 70-х и начале 80-х гг. XV века она играла в этой торговле выдающуюся роль⁵⁷. Именно в эти годы особенно важной была для компании связь с итальянскими рынками. С целью укрепления контактов на «рынке шафрана» в Средней Италии туда совершил в конце 1473 и начале 1479 гг. деловую поездку член этой компании Класус Штайнгюслер. Сама операция была поставлена на солидной основе. Штайнгюслер закупил в Абрुццах большую партию шафрана (949 фунтов), который стоил с накладными расходами 1,5 тыс. дукатов. Расчет большей частью был произведен через генуэзские банки⁵⁸.

О размахе торговли Равенбургской компании шафраном в 1478—1480 гг. свидетельствуют и другие факты. Только весной 1478 г. компания закупила около 7 тыс. фунтов шафрана, а в 1480 г. за срок примерно в полгода она продала шафрана, как это следует из отчета Лутца Геслера о двух франкфуртских ярмарках и о ярмарке в Нюрнберге, на очень крупную сумму в двадцать с лишним тысяч гульденов⁵⁹. По свидетельству Паумгартнера, немецкие купцы поставляли шафран из Аквилы (Адлера), которая была важнейшим международным рынком торговли этим товаром, в Германию и главным образом в Нюрнберг тремя путями: 1) через Комо и Милан; 2) через Пезаро и Венецию; 3) через Болонью и Феррару⁶⁰.

⁵⁶ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, SS. 133, 135, 136, 139, 143, 144, 161, 162, 226, 239, 241, 242, 243, 246, 253—256, 267, 274, 275, 277, 279, 280.

⁵⁷ На это обстоятельство указывает и Ф. Рериг, который пишет о том, что Большая Равенбургская компания в 80-е годы XV в. в огромных количествах поставляла шафран на франкфуртские ярмарки. F. Rörig. Mittelalterliche Weltwirtschaft. — «Wirtschaftskräfte im Mittelalter», S. 363.

⁵⁸ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 324—326.

⁵⁹ Ibid., SS. 344—348.

⁶⁰ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, SS. 138—139.

Однако с начала XVI в. операции Равенсбургской компании с шафраном начали резко сокращаться и носить скорее эпизодический характер. Это может быть объяснено целым рядом причин, и в том числе следующими. Во-первых, нельзя не считаться с крайне неустойчивой рыночной конъюнктурой, которая зависела от видов на урожай шафрана, а неурожаи для этой культуры были обычным явлением. Во-вторых, очень важным обстоятельством было то, что если в последней четверти XV в. компания стремилась закупать шафран в непосредственной близости от районов его производства, т. е. в Восточной Испании, Юго-Восточной Франции и итальянских Аbruццах, то в начале XVI в. она шаг за шагом утратила здесь свои позиции. В торговлю шафраном проникли новые крупные купеческие дома Паумгартнеров, Вельзеров, Манлихов, Грандеров, Релингеров и Пиимелей из Аугсбурга, Тухеров, Ингофов, Вахтеров и Мюнцеров из Нюрнберга, Бессереров из Ульма и Меммингена, Игнольдов из Страсбурга, что создало такую атмосферу соперничества, выстоять в которой верхнешвабским купцам оказалось не под силу. Так, например, в 1507 г. большая часть шафрана в Боцене была закуплена Марксом Релингером, Вельзером и Бессерером⁶¹, а осенью и зимой 1513—1514 гг. в Аbruццах и Апулии появились одновременно четырнадцать южногерманских фирм, что вызвало повышение закупочных цен на шафран на 50%⁶². Под давлением могущественных и предприимчивых конкурентов Равенсбургская компания вынуждена была отступить и перейти к незначительной по объему торговле шафраном из вторых и третьих рук. Новое купечество стало контролировать те нити международной торговли шафраном, которые тянулись в Германию, захватив в первую очередь итальянские рынки в Боцене и Кассальмаджоре на Севере страны, в Аквиле (Адлере) и Сермоне в Аbruццах в Средней Италии и даже рынки Апулии — Бари, Отранто, Брандизи, которые Паумгартнер называет «концом христианского мира и началом туретчины»⁶³. В Германии это купечество было хозяином положения на рынках Франкфурта-на-Майне, Ульма, Нюрнберга и отчасти Лейпцига.

---

⁶¹ Ibid., S. 239.

⁶² Ibid., S. 246.

⁶³ Ibid., S. 255.

Своеобразной чертой деятельности Равенбургской компании в Италии является тот факт, что центр тяжести своих операций она переносит из Венеции, которая служит важнейшим торговым пунктом для других южногерманских торговых предприятий, в Милан и Геную, где расчет по большинству операций она производит через местные банки. Отсюда члены компании совершают поездки в Лукку, Брешию и Аbruццы, ведут операции с купцами других городов Италии. Так, в августе 1507 г. фактория фирмы в Милане продает шерсть купцу Франческо из Анконы, сахар — Николло из Брешии, а мессинский шелк-сырец — местному купцу Баптисте Грассо, который, очевидно, имеет собственную мастерскую по производству шелковых тканей. В пользу такого предположения может быть приведена запись о характере сделки компании с Баптистой Грассо (*sol der ablassen winden und nach dem besten vercoffen*)⁶⁴. Если Комо — это тот пункт, который открывает путь из Северной Италии через Альпы к Боденскому озеру, то Генуя для Равенбургской компании служит воротами в Западное Средиземноморье. Даже в 70-е годы XV в., когда хорошими базами компании были порты Эг-Морт и Ламартик в устье Роны и она охотно пользовалась сухопутными перевозками товаров через швейцарские кантоны, Генуя служила для швабских купцов не только рынком, но и важным транзитным пунктом и портом. Ганс Паумгартнер Младший также считает, что Генуя является крупнейшим торговым городом и портом, через который во всех направлениях следует множество транзитных грузов (*per transito*), хотя порядки, господствовавшие здесь в деловых кругах, пришлись ему не по душе. По мнению этого аугсбургского купца, «недоверие здесь так велико, что брат брату нелегко даст своего осла на один день, не взяв письменного обязательства» (*So ist die untrew so gros, daz ain bruder dem andern sein esel nit leicht ain tag geb, im dan ain scripto umb den esel wider zu antworten*)⁶⁵.

Генуя для Равенбургской компании — важнейшее связующее звено с рынками Испании, которые играли исключительно важную роль в системе торговли этого предприятия. Интерес к деятельности компании на испанских рынках

⁶⁴ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 320—321.

⁶⁵ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, S. 179.

объясняется также тем, что именно на рынках Валенсии, которая бесспорно, была в центре всех операций фирмы на Пиренейском полуострове, Сарагоссы, Тортосы и отчасти Барселоны и Бильбао, наиболее отчетливо выступала роль Равенбургской компании в качестве посредника в европейской торговле того времени. Она экспортировала из Испании очень разнообразный ассортимент товаров: шерсть, воск, рис, сахар, кожи, овечьи и ягнячьи шкуры, квасцы, красители, и, конечно, арагонский и каталонский шафран, который пользовался особым вниманием швабских купцов с того момента, как они были вытеснены с рынков Средней Италии. Из всех этих товаров испанского экспорта особый интерес для нас представляет шерсть, так как в тех условиях, когда экономические судьбы отдельных центров шерстоткацкой промышленности и даже некоторых стран вообще зависели от импорта шерсти, торговля этим сырьем приобретала особое значение. В конце XV — начале XVI вв. шерстоткацкая промышленность Италии, которая в значительной мере зависела от импорта испанской шерсти, являла собой в этом отношении наиболее наглядный образец.

В торговле шерстью компания, выступая в роли посредника, извлекала выгоду из тех экономических отношений, которые установились между Испанией и Италией. Она в значительных размерах поставляла шерсть из Каталонии, Тортосы и Валенсии на рынки Генуи, Милана и гораздо реже Комо. Если в 1475 г. Равенбургская компания вывезла из Валенсии 450 мешков шерсти, то только за два месяца лета 1504 г. в Геную, Милан и Комо ею было ввезено, по далеко неполным данным, 679 тюков шерсти, которые стоили около 6,5 тыс. гульденов⁶⁶. Шерсть — это тот товар, который всегда давал фирме высокие прибыли. Причем операции с нею иногда носили явно спекулятивный характер. Так, например, в августе 1507 г. агенты компании продали 18 тюков шерсти Paulo de Serengo и Франческо из Анконы, а спустя несколько дней купили на 500 фл. шерсти у de Olziate⁶⁷, рассчитывая перепродать ее по более высокой цене.

---

⁶⁶ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 234, 260, 269, 271, 272, 281, 282, 284, 287, 289, 290, 293, 300—302, 320, 321, 323, 376.

⁶⁷ Ibid., SS. 321, 323.

В торговых операциях Равенбургской компании испанская шерсть явно преобладала, хотя наш источник и зафиксировал несколько сделок с английской и «салоникской» шерстью. Известно, что в мае 1505 г. Николай Штайнхауз и Ганс Гиллензон настойчиво требовали от фактории компании во Фландрии, чтобы она направила в Геную 50 тюков английской шерсти. В это же время туда была доставлена партия «салоникской шерсти» (*lana de Salonicke*), которая здесь же с выгодой была продана⁶⁸.

Так же энергично Равенбургская компания экспортировала из Испании в Италию воск. Материалы этого предприятия называют воск «*zega*» и различают два его сорта: «*barbarisch*» и «*de la terra*»⁶⁹. Паумгартнер отмечает, что в Милан купцы привозят берберийский и испанский воск, который, по его мнению, нельзя путать с немецким, так как последний более высокого качества⁷⁰. Воск в то время находил применение как для отправления религиозного культа, так и в быту, и поэтому являлся важным товаром в ассортименте торговли той эпохи. Однако итальянские рынки были хотя и надежными, но не единственными покупателями воска, поставляемого компанией. В 70-е годы XV века швабские купцы в значительных количествах ввозили испанский и североафриканский воск во Францию: в Авиньон, жители которого, по-видимому, не утратили религиозного пыла, хотя пора «пленения пап» давно канула в вечность, и в Лион. Воск шел и далеко на север: во Фландрию и Кельн. На нидерландских рынках этот воск оказывался конкурентом знаменитого балтийского воска, хотя нам и трудно судить о том, насколько эта конкуренция была действенной. Впрочем, очевидно другое. Если в 70-е годы XV века торговля компании воском была значительной по размаху и носила постоянный характер, то в начале XVI в. она пришла в упадок. Однако наш материал, хронологические лакуны в котором слишком велики, не позволяет установить действительных причин упадка этой торговли фирмы.

Подобную эволюцию совершает и торговля компании такими экзотическими продовольственными товарами, как са-

⁶⁸ Ibid., S. 284.

⁶⁹ Ibid., SS. 18, 86, 103, 104, 106, 122, 185, 198, 207, 223, 225, 228, 233, 234, 261, 282, 290, 337, 340, 356, 370, 409, 423, 432.

⁷⁰ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, S. 177.

хар и рис, занимавшими видное место в ее торговой деятельности в 70-е годы XV века. Компания экспортирует сахар только испанского производства. Наш источник при этом различает три сорта испанского сахара: 1) «candy» (самый дорогой); 2) «fein»; 3) «mostures» (самый дешевый). В роли основных потребителей сахара выступают Марсель, Авиньон, Лион и Женева. В Италии компания ведет торговлю сахаром в Генуе и Милане. Высокая прибыльность этой торговли побуждает руководителей товарищества приобрести или построить собственную мастерскую по производству сахара. И летом 1476 г. фактория компании в Валенсии погружает на флорентийскую галеру 18 тюков сахара (сорта «fin») «из нашей сахарной мастерской»⁷¹. Равенбургская компания экспортирует испанский сахар в Италию, Францию и даже Нидерланды. По нашим подсчетам, швабские купцы с 12 июня 1475 г. по 21 апреля 1476 г., т. е. всего за 10 месяцев, провозят через Ламартик 165 тюков сахара в Лион и Антверпен⁷². Если принять во внимание, что тюк в среднем стоит около 150 фл., то это составит крупную сумму в 24 750 гульденов.

Но расцвет этой торговли для компании был непродолжительным. Собственное производство в Валенсии ей пришлось свернуть, а посредническая торговля испанским сахаром к началу XVI в. почти полностью, исчезла. Кроме Италии, и здесь в незначительных масштабах, она нигде уже не вела операций с этим товаром. К сожалению, наш источник и на этот раз не дает возможности выяснить конкретные причины упадка торговли фирмы сахаром.

Швабское купечество компании Гумписа в 70-е годы XV в. в значительных количествах поставляло на рынки Авиньона, Лиона и Брюгге рис⁷³. Наибольшего размаха эти операции достигли в 1478 г., когда экспорт Равенбургской компании из Испании во Фландрию составил 15 тыс. тюков. Стоимость этого риса, по нашим подсчетам, составляла 53 906 гульденов. Но если торговлю сахаром Равенбургское купечество продолжало вести и в начале XVI в., то рис к этому времени совершенно исчез из номенклатуры товаров фирмы.

⁷¹ Ibid., S. 233.

⁷² Ibid., SS. 227—229.

⁷³ Ibid., SS. 7, 15, 59, 100, 106, 114, 115, 121, 228, 229, 232, 233, 234, 350, 409, 412, 432.

Некогда оживленная торговля Большой Равенбургской компании этими товарами на линиях, связывающих Барселону и Валенсию с Южной Францией и Фландрией, затухает, а это ухудшает ее положение на нидерландских и итальянских рынках, так как эти товары выступали в качестве важного платежного средства при закупочных операциях с изделиями местной текстильной промышленности. Свертывание и сокращение торговли компании отдельными товарами отнюдь не означает, однако, ее специализации. Равенбургская компания по своей природе остается вполне средневековым торговым предприятием, которое отказывается от торговли тем или иным товаром не потому, что оно инвестирует свои капиталы в какую-либо определенную отрасль торговли, а делает это будучи побуждаемо лишь суровой необходимостью.

В ассортименте товаров, экспортируемых компанией с испанских рынков, мы находим кожи и овечьи и ягнячьи шкуры. Эти шкуры являются своеобразным эквивалентом пушнины в южноевропейской торговле. В крайнем случае, операции с ними к северу от Альп — большая редкость. И если Паумгартнеры ведут торговлю главным образом южноитальянскими шкурами ягнят в Лионе, то Равенбургская компания импортирует эти меха в Геную и Милан. Ягнячьи шкуры испанского происхождения продаются на североитальянских рынках по более высокой цене, чем отечественные шкуры. Шкуры ягнят испанского происхождения носят название «agnes», а итальянские — «baseti»⁷⁴. Паумгартнер пишет, что «белые обработанные шкуры из Каталонии называются «aludes», а среди итальянских овечьих шкур выделяет два сорта: 1) «postqual» и 2) «kagmanol»⁷⁵. Впрочем, фирма гораздо интенсивнее ведет торговлю овечьими шкурами, нежели шкурами молодых ягнят. Она закупает их обычно в Тортозе и поставляет в Геную и Милан. Операции с ягнячьими и овечьими шкурами в отдельных случаях принимают значительные масштабы. Так, в феврале 1507 г. фактор компании в Генуе Ганс Клотер доносит в Равенбург о том, что шкуры ягнят, операции с которыми в прошлом приносили хорошую прибыль, теперь не пользуются спросом, и в фактории их лежит

⁷⁴ Ibid., SS. 221, 285.

⁷⁵ К. О. Müller, Welthandelsbräuche, SS. 245, 246, 287.

6 тыс. штук, а в августе этого же года компания продает в Милане 16 тюков овечьих шкур и почти 12,5 тыс. штук шкур ягнят⁷⁶.

Большой интерес к испанским рынкам проявляют и другие южногерманские компании. Сильным толчком в развитии этого интереса послужили географические открытия, с началом которых рынки Пиренейского полуострова приобретают для западноевропейского купечества особое значение. Некоторые из данных, которыми мы располагаем, свидетельствуют об этом достаточно красноречиво. В самом начале XVI в. Лука Рем, находившийся на службе компании Вельзеров, совершает деловые поездки в Валенсию, Медину дель Кампо, Саламанку и Лиссабон. На рынках этих городов он продает медь, свинец, киноварь, ртуть, фландрские ткани, хлеб с судов, прибывающих сюда из Нидерландов, Англии, Бретани и восточных районов Германии. В Португалии он закупает специи, оливковое масло, вино, хлопок и цитрусовые культуры Андалусии⁷⁷. Большое внимание ярмаркам в Вильялонге и Медине дель Кампо уделяет и торговый дом Паумгартнеров⁷⁸. Фуггеры с начала сороковых годов XVI в. ввозят на испанские рынки крупные партии бумази, которая производится в их поместьях в Вайсенгорне и Кирхберге⁷⁹.

Два обстоятельства, по нашему мнению, отличают друг от друга торговую деятельность в этом районе аугсбургских торговых домов и Большой Равенбургской компании. Во-первых, если Равенбургская компания сосредоточивает свою торговлю на Пиренейском полуострове на рынках средиземноморского побережья, то аугсбургские купцы предпринимают энергичные шаги для того, чтобы извлечь выгоду из развивающейся атлантической торговли. Во-вторых, если для фирмы Гумписа первостепенное значение имеет посредническая торговля, то другие южногерманские торговые предприятия ввозят в первую очередь продукцию и изделия горнодобывающей, металлообрабатывающей и текстильной промышленности Германии.

---

⁷⁶ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 302, 321.

⁷⁷ Tagebuch des Lucas Rem, SS. 8—9.

⁷⁸ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, S. 306.

⁷⁹ K. Häbler. Op. cit., S. 127.

Торговля Равенбургской компании испанскими товарами была тесно связана с ее деятельностью в Юго-Восточной Франции. Через такие порты в устье Роны, как Эг-Морт и Ламартик, она осуществляла импорт испанских товаров на ярмарки в Лионе и Женеве, играя все ту же роль посредника во франко-испанской и испано-швейцарской торговле. В то же время материалы фирмы не оставляют сомнения в том, что значение женевских ярмарок с конца XV в. стремительно падает, не выдерживая конкуренции со стороны быстро поднимающегося Лиона. Женева превращается во второстепенный рынок и для южногерманских купцов. Так, например, для аугсбургского торгового дома Манлихов она служит лишь опорным пунктом для ведения торговых операций в Лионе⁸⁰. Уже во второй половине 70-х годов XV в. и Равенбургская компания окончательно переносит в Лион центр тяжести своих операций в этом районе. На лионских ярмарках компания сбывает такие товары испанского экспорта, как сахар и воск. Причем, операции с этими товарами швабские купцы в 70-е годы ведут постоянно и в значительных масштабах. Так, например, они продают на весенней ярмарке 1477 г. в Лионе 42 центнера 40 фунтов сахара на сумму в 1302, на «ярмарке всех святых» 1478 г. — на 1644, а на этой же ярмарке в 1480 г. — на 2219 гульденов⁸¹. Испанский сахар и воск Равенбургская компания успешно продает и в Авиньоне.

С французских рынков в Испанию швабские купцы экспортируют парусину, операции с которой представляют особенно большой интерес. Наш источник называет парусину «*canemasserie*» или «*bordats*» и различает около тридцати сортов этого товара. Ряд наименований этих сортов свидетельствует о районе производства парусины, а вместе с тем и о географии возделывания в Восточной Франции такой культуры, как конопля (Макон, Беллавиль, Вьенн, Лион, Бриансон и другие)⁸². Любопытен при этом сам факт, что торговля таким «скромным» товаром, как парусина, способствует развитию товарно-денежных отношений на до-

---

⁸⁰ H. A m m a n. *Oberdeutsche Kaufleute und Anfänge der Reformation in Genf.* — «*Zeitschrift für württembergische Landesgeschichte*», 13. Jahrgang. Stuttgart, 1954, S. 187.

⁸¹ A. S c h u l t e. *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft*, Bd. 3. SS. 206, 208, 211—212.

⁸² *Ibid.*, SS. 11, 65, 75, 84, 109, 111, 187, 208, 210, 225, 227, 231, 237.

вольно обширной территории, так как парусину вырабатывают городские и сельские ткачи Лионне, Бургундии и других районов Восточной и Юго-Восточной Франции. Покупателями парусины, потребность в которой возрастает с развитием мореплавания, для Равенбургской компании выступают только испанские рынки. В операциях с этим товаром швабские купцы проявляют большую энергию и заинтересованность.

В ряде городов Лионне и Бургундии фирма имела своих агентов, которые на комиссионных началах проводили операции по закупке парусины у местных ремесленников. Интересные сведения на этот счет содержатся в записках представителя компании в Лионе Клауса Бютцеля. Оказывается, что он дал здесь на августовской ярмарке 1477 г. 235 гульденов некоему Клоду Мерло (Gladó Merlo), «нашему человеку из Беллавиля», чтобы тот «купил (парусину) у хороших ткачей и послал нам сюда». Для этой же цели Пьер Француз (Pergo de Frantzio), также из числа «наших людей», получил 1520 фл. В общей сложности Клаус Бютцель роздал «во все руки» 3250 фл. контрагентам компании, которые, получив ссуду, должны были доставить парусину в Авиньон или Лион⁸³. Очевидно, эти французские комиссионеры Равенбургской компании, авансируя городских и особенно сельских ткачей и скупая у них готовую продукцию, выступали в роли организаторов капиталистической мануфактуры рассеянного типа. Причем, такая мануфактура оказывалась в зависимости от иноземного капитала.

Лион конца XV — начала XVI вв. был тем международным торговым пунктом, который не мог не привлекать внимания южногерманских купцов. В частности, Паумгартнер придавал исключительное значение четырем ежегодным ярмаркам, проходившим в этом городе, и отмечал, что во время этих ярмарок торговые операции велись без соблюдения обычных правил и взимания пошлин, «исключая (торговлю) шелковыми тканями или товарами, которые были доставлены водой или ввезены сухопутной дорогой» (In sollicher zeit mugen aus und ein alle gueter on all recht oder zoll zu zalen ausgenomen seidengewandt oder die gueter, so uf dem wasser gebracht oder weck gefuert werden)⁸⁴. Что касает-

⁸³ Ibid., SS. 199—200.

⁸⁴ K. O. Müller. Welthandelsbräuche. S. 284.

ся Равенбургской компании, то она подчиняла свою деятельность на лионских ярмарках интересам испанского рынка не только в операциях с парусиной, но и с рядом других товаров, покупая, например, в Лионе и Авиньоне немецкое полотно и ульмскую бумагу с тем, чтобы немедленно их доставить в Валенсию и Сарагоссу⁸⁵.

Однако с утверждением французской короной своих прав на Прованс можно связывать упадок Эг-Морта, окончательное превращение Авиньона в тихий провинциальный город королевства (а оба эти пункта имели большое значение для швабского купечества) и перенесение центра тяжести международной торговли в этом районе в Марсель, где Равенбургской компании так и не удается пустить глубоких корней. Все это изменяет обстановку не в пользу равенбургских купцов. Из рук фирмы ускользает торговля парусиной, которая сосредоточивается в руках более могущественных конкурентов. По свидетельству Паумгартнера, из иностранных компаний к 1514 г. особенно важную роль в Лионе начинают играть крупные итальянские банкирские дома Нази, Алимано Сальвиати, Анченори, Барчелини, Бени, Манелли, Бартоломео Панцати и Антонио Конди из Флоренции, Бонвизи из Лукки и Саули из Генуи⁸⁶. Перечисленные выше обстоятельства, очевидно, проливают некоторый свет на причину свертывания Равенбургской компанией своей деятельности на лионских ярмарках. С начала XVI в. она ограничивается незначительными по масштабам операциями.

Отличается по своему характеру деятельность на этих рынках аугсбургской фирмы Манлихов. Мельхиор Манлих использует Лион и особенно Марсель в целях проникновения в страны Леванта и Северной Африки, с которыми он осуществляет торговлю на принадлежащих ему же судах. Компания основывает фактории в Александрии, Константинополе, в Фамагусте на Кипре, в Триполи и Алеппо в Сирии. Через эти пункты она ведет в больших масштабах торговлю хлопком, восточными коврами, восточными и индийскими специями, москательными товарами, драгоценными

---

⁸⁵ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft. Bd. 3, SS. 201, 206, 210.

⁸⁶ K. O. Müller. Welthandelsbräuche, S. 271.

камнями и жемчугами⁸⁷. Однако географический диапазон и характер деятельности компании Манлихов в средиземноморском районе отличается не только от Большой Равенбургской компании, но и других южногерманских фирм, торговые предприятия которых носят преимущественно континентальный характер.

Возвращаясь к деятельности Равенбургской компании, следует отметить, что наличие у нее деловых контактов на ряде рынков Среднеземноморья, ее связь с Бильбао, через который открывался путь по Атлантике в Нидерланды, а через восточные порты Испании в Италию, а оттуда через Альпы к рейнской речной магистрали, позволяли фирме участвовать в международной торговле такими товарами, как кораллы, жемчуга, пряности, красители и квасцы, хотя ни один из этих товаров в отдельности, ни все они вместе взятые, не определяли структуры торговли предприятия и не решали его судьбы, хотя отдельные операции с этими товарами и могли быть значительными. Изучение же операций с ними по материалам Равенбургской компании позволяет пролить некоторый свет на характер европейской торговли на рубеже XV—XVI вв.

Швабские купцы закупают на среднеземноморских рынках кораллы, коралловые четки (*ave Maria*) и жемчуга (последние, правда, значительно реже) и экспортируют в различных направлениях. В бумагах товарищества встречаются наименования целого ряда сортов кораллов, которые отличаются друг от друга по цене. Судя по записям Лутца Геслера на франкфуртской ярмарке 1480 г., это следующее (в порядке понижения цены) сорта: 1) *groß negrus*; 2) *scherpan*; 3) *pass*; 4) *minut*; 5) *floret*; 6) *negret*. Компания ведет торговлю кораллами на ярмарках в Нюрнберге, Нердлингене и Франкфурте-на-Майне⁸⁸, поставляет их на рынки Брюгге, Антверпена и Кельна. Но и эта торговля компании совершает неблагоприятную для нее эволюцию. Если в 70-е годы XV в. представители компании проводят

---

⁸⁷ G. von Pölnitz. *Augsburger Kaufleute und Bankherren der Renaissance*, «Augusta», Augsburg, 1955, S. 202.

⁸⁸ В частности, на франкфуртской ярмарке 1497 г. фирма продала кораллы за несколько сот гульденов нюрнбергскому купцу Паулю Мулаху. F. Rörig. *Das Einkaufsbüchlein...*, «Wirtschaftskräfte im Mittelalter», S. 343.

закупочные операции с кораллами в Валенсии и Барселоне, т. е. фирма связана с районом, являющимся основным экспортером кораллов в европейские страны, то в начале XVI в. она покупает кораллы из вторых и третьих рук в Генуе, что, разумеется, сокращает норму торговой прибыли. Любопытно отметить, что в 1503—1507 гг. кораллы и жемчуга во Франкфурте-на-Майне, где их удельный вес в общем объеме операций, пожалуй, наиболее высок, и в Нюрнберге неизменно скупает оптом некий Ганс Моль, который обычно половину или треть кораллов покупает за наличный расчет, а остальные — в кредит⁸⁹.

Со Среднеземноморским бассейном связана и торговля компании специями, которые, впрочем, в ее торговом обороте встречаются довольно редко. Купцы компании покупают в Италии и на восточном побережье Испании, а через комиссионеров и в Португалии, перец, имбирь, померанец, гвоздику, мускатный орех и корицу, а продают эти специи во Франкфурте-на-Майне, Нюрнберге, Нердлингене, Антверпене и Брюгге⁹⁰. Но открытие морского пути в Индию приводит уже в начале XVI в. к настоящей революции в торговле пряностями. Перемещение центра этой торговли из Среднеземноморья в Лиссабон и Антверпен, крушение относительно устойчивой рыночной конъюнктуры в торговле специями — все это заставляет купечество или приспособляться к новым условиям или же отказываться от операций с пряностями, так как уже в первые годы XVI в. цены на некоторые виды пряностей падают от 6 до 20%. К тому же возникает большая разница в ценах на португальские и венецианские пряности⁹¹. Важным обстоятельством было и то, что Южная Германия утрачивает роль посредника второй руки в торговле левантийскими пряностями. В этой связи нужно отметить, что в первой четверти XVI в., когда подул ветер географических открытий, предвещавший наступление новой эпохи не только в истории торговли, но и во всей экономической жизни Европы, немецкие купеческие фирмы Вельзеров, Гохштеттеров

---

⁸⁹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 387, 388, 390, 393.

⁹⁰ Ibid., SS. 24, 280, 303, 316, 323, 370, 372, 381, 383, 394, 434, 437, 448—449.

⁹¹ Ibid., SS. 370, 377, 390, 438, 441, 448, 449, 454.

и Релингеров, которые поддерживают тесный контакт с Лиссабоном, продолжают играть видную роль в торговле пряностями на европейских рынках.

Итак, основу испанского экспорта (по материалам Равенсбургской компании) составляют такие сельскохозяйственные и экзотические товары, которые можно назвать «дарами природы», как шерсть, воск, рис, сахар, кожи, свечьи и ягнячьи шкуры, шафран, пряности, квасцы, кораллы и жемчуга. В обмен на это швабские купцы поставляют на рынки Испании в первую очередь продукты европейской текстильной индустрии: голландские и немецкие полотна, южногерманскую и итальянскую бумагу, французскую парусину, нидерландские и английские сукна, головные уборы из Фландрии и Италии, тяжелые шелковые ткани Северной Италии, а также металлы и металлические изделия Германии. Сопоставление предметов испанского экспорта и импорта, во-первых, свидетельствует о прочно вошедшем к XVI в. в экономическую жизнь Европы географическом разделении труда, во-вторых, делает возможной постановку вопроса об отставании ряда отраслей испанской промышленности (и прежде всего горнодобывающей и металлообрабатывающей) от передовых стран того времени. Это положение, конечно, нуждается в проверке на материале других источников. Вывод о том, что Испания уже в первой четверти XVI в. превратилась в своего рода аграрный придаток Западной Европы, вероятно, был бы поспешным и вряд ли соответствовал действительному положению вещей. Материал, находящийся в нашем распоряжении, все же в большей степени отражает специфику торговой деятельности Равенсбургской компании, нежели характерные черты экономических отношений Испании с другими странами Европы. К тому же в нашем источнике разбросаны сведения, которые предостерегают от слишком поспешных умозаключений. Так, известно, что иногда швабские купцы импортируют валенсийские сукна в Геную⁹², а шелковые ткани и шелк-сырец Альмерии, шелкоткацкая промышленность которой выходит к далекому прошлому и насчитывала в эпоху расцвета до 860 ткацких станков⁹³, в Нидерлан-

---

⁹² Ibid., SS. 273, 318.

⁹³ W. Heyd. Op. cit., Bd. 2, S. 684.

ды, Кельн, Авиньон, Геную и Лион⁹⁴. Любопытно отметить, что на весенней ярмарке в Лионе в 1477 г. фактория компании продает некоему Jac. Felipen из Милана два фарделя альмерийского шелка-сырца весом в 158 фунтов за крупную сумму в 1269 фл.⁹⁵

При изучении материалов Равенбургской компании исследователь сталкивается и с другим любопытным и интересным явлением. Оказывается, что Испания в конце XV — начале XVI вв. является не только поставщиком шерсти на рынки Западной Европы, но и потребителем шерстяной пряжи. Эту пряжу компания импортирует из Брюгге и Антверпена в Валенсию и Сарагоссу (нам известен лишь один случай вывоза компанией пряжи из Милана в Валенсию летом 1479 г.), и эти операции не являются случайностью, а носят довольно постоянный характер. Эта шерстяная пряжа фигурирует под такими наименованиями, как fill donardo, fill Bomas, fill de Balesta, gefertwtem garnn, fill de fero, fill gentil⁹⁶.

Но если средиземноморская торговля была фундаментом операций Равенбургской компании, то само здание трудно себе представить без нидерландских рынков. В нашем распоряжении нет точных данных о том, когда компания впервые появилась во Фландрии, однако ясно одно, что к началу 70-х годов XV века она там прочно обосновалась, и ее фактория вела торговлю как в Брюгге, который долгое время был основным торговым пунктом на севере Европы, так и в других городах этого района: Бергене-оп-Цроме, Антверпене, а также и в Кельне. Брюгге и Антверпен — наиболее важные торговые пункты для Равенбургской компании, в которых она вела оживленную торговлю и имела, по-видимому, таких постоянных контрагентов в операциях с головными уборами, как Aggia Duck, Loick fon Hell и Ян де Шерер, продавала кораллы Филиппу из Делфта и Арнту из Касселя, покупала знаменитое голландское полотно у Яна Дирка из Гарлема. Интересно, что фактор компании во Фландрии Андреас Затлер купил в первой половине 1478 г. у Яна Дирка полотна на сумму в 253 фландрских фунта

---

⁹⁴ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 9, 72, 73, 84—86, 103, 109, 121, 198, 206, 211, 219, 315, 320, 426.

⁹⁵ Ibid., S. 198.

⁹⁶ Ibid., SS. 5, 107, 120, 186, 189, 241, 243, 415, 416, 424, 435.

(1167^{1/2} рейнских гульденов), и часть этой суммы (100 гульденов) получил в Милане студент — сын Дирка⁹⁷. К началу XVI в. равенсбургские купцы перенесли свою главную резиденцию в Антверпен, что может быть косвенным свидетельством упадка Брюгге в качестве международного центра торговли.

Характер торговых операций южногерманского купечества на нидерландских рынках в значительной мере определяется тем, что на рубеже XV и XVI столетий Нидерланды являлись передовой и высокоразвитой страной Западной Европы. Тесная связь нидерландских рынков со средиземноморскими находит также отражение и в практической деятельности швабских купцов: Равенсбургская компания на протяжении всего рассматриваемого нами периода закупает в Нидерландах изделия местной текстильной промышленности, значительная часть которых сбывается на средиземноморских рынках. Что касается импорта в Нидерланды, то он претерпевает интересные изменения. Если в 70-е годы XV в. компания в основном ввозит в Нидерланды товары испанского происхождения — рис, сахар, миндаль, тмин, шафран и красители, то с начала XV в. ее активность на торговых линиях, связывавших Антверпен с городами Восточной Испании, заметно ослабевает, а в импорте фирмы на нидерландские рынки начинают преобладать итальянские тяжелые шелковые ткани и значительно возрастает роль немецкого серебра. Торговые линии, связывавшие Нидерланды со средиземноморским бассейном, проходят по рейнской речной магистрали: из устья Рейна через Альпы в Италию или оттуда же на запад в Юго-Восточную Францию, а также атлантическим путем в Бильбао и сухопутной дорогой к восточным портам Испании.

Выше уже было отмечено, какую роль нидерландские полотна (и прежде всего полотна Голландии) играли в товарообороте Равенсбургской компании, поэтому сейчас лишь укажем, что их удельный вес в общем товарообороте компании к началу XVI в. значительно возрос по сравнению с 70-ми годами XV в., так как эти полотна пользовались большим спросом на всех рынках от Антверпена до Валенсии и Генуи. Для швабских купцов не меньшее значение имели нидерландские рынки и для закупки шерсти-

---

⁹⁷ Ibid., SS. 402, 418, 421.

ных тканей. Во второй половине XV и первой половине XVI вв. процветала шерстоткацкая промышленность как на севере, так и на юге Европы, что создавало своеобразные условия ожесточенной борьбы за рынки. Судя по материалам компании, а они позволяют делать лишь относительно верные выводы об общем положении вещей, северо-европейские шерстяные ткани (нидерландские и английские) успешно конкурировали на рынках Средиземноморья с сукнами Испании и Италии, тогда как продукция этих двух стран — редкий гость в руках агентов фирмы на нидерландских и франкфуртских ярмарках. Ведущее место в операциях компании с шерстяными тканями принадлежало, безусловно, нидерландским тканям, среди которых прежде всего следует указать на легкие шерстяные ткани типа «аррас» (саржа), которые, правда, производились не только в Аррасе, но и Валансьене, Лембеке, Хондсхоте, Камбрэ и Брюгге. И лишь однажды агенты компании произвели закупку шерстяных тканей типа «аррас» utrechtского происхождения⁹⁸. При этом наш источник различает несколько сортов «аррасских» тканей самой широкой цветовой гаммы. В большинстве случаев противопоставляются друг другу два сорта «аррас»: «gemein» (дешевая ткань) и «fein» (дорогая ткань). Но среди дорогих «аррасских» сукон в свою очередь можно выделить такие наиболее тонкие ткани, как «martzwooll» и «chozwooll», которые стоят в несколько раз дороже дешевых «аррасских» тканей. На 20—40% дороже сорта «gemein» сукна «chantzia», «schilcher», «tanet» и «cisid». К числу дорогостоящих шерстяных «аррасских» тканей следует отнести и сорт «bostart»⁹⁹. Фирма закупает также в Брюгге и Антверпене сукна брабантских, фландрских и голландских городов (Мехельна, Геренталя, Мена, Гарлема, Брюгге, Линна, Амстердама) и так называемое «фризское сукно» (vrise tuoch)¹⁰⁰. Нидерландские сукна агенты компании в значительных количествах поставляют в города Германии (Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг и Равенсбург), на север Италии в Геную и Милан и в Восточной Испании в Валенсию и Сарагоссу.

⁹⁸ Ibid., S. 192.

⁹⁹ Ibid., SS. 271, 293, 338, 344—346, 349, 415, 423, 431, 436.

¹⁰⁰ Ibid., SS. 13, 116, 192, 300, 344, 349, 376, 379, 400, 401, 416.

Купцы, приезжающие в Нидерланды за шерстяными тканями, совершают пѣздки в Кале, который является складочным местом для английских сукон. Агенты компании проявляют живой интерес к операциям с этими сукнами и экспортируют их примерно в тех же направлениях, что и нидерландские сукна. Данное обстоятельство может служить конкретным примером проникновения на европейские рынки английских шерстяных тканей. Уже в 1478 г. фактор компании в Нидерландах советует руководителям предприятия дать указание о закупке в Кале английских сукон, которые, по его мнению, повсюду пользуются большим спросом¹⁰¹. Нам неизвестно о том, что это предложение получает поддержку, но операции по закупке английских сукон проводятся в конце 70-х годов в Антверпене. Особенно активизирует компания торговлю этими сукнами в последние годы XV в. и в первом десятилетии XVI в., когда Кале определенно становится для фирмы местом закупочных операций. В январе 1507 г. туда отправляется Ганс Эрлин, чтобы приобрести 40—50 штук английского сукна. Однако к этому времени на рынке Кале уже действуют более крупные фигуры южногерманских купцов: Футтерер, Гошиттер и Вельзер покупают здесь каждый в отдельности по 400—500 штук сукна¹⁰².

Главным рынком сбыта английских шерстяных тканей для Равенсбургской компании являются франкфуртские ярмарки, где она этот товар продает не только за наличный расчет и в кредит, но и обменивает на другие товары. Так, к примеру, на осеннюю ярмарку 1507 г. компания получает из своей фактории в Нидерландах 46 кусков английского сукна, 38 из которых были проданы за наличные из расчета 24 фл. за кусок, а оставшиеся 8 кусков обменены на медь, но уже по цене 25 фл. за кусок¹⁰³. О значении Антверпена в качестве рынка сукна свидетельствует тот любопытный факт, что Равенсбургская компания закупает здесь даже шерстяные ткани южнофранцузского города Арля. В первой половине 1524 г. фирма приобретает в Антверпене 12 кусков «черного сукна Арля» (*tuch schwarz arlas*) и 2 куска этой же ткани для Конрада Гумписа¹⁰⁴.

¹⁰¹ Ibid., Bd. 2, SS. 109—110.

¹⁰² Ibid., SS. 441—442. Bd. 3, SS. 441—442.

¹⁰³ Ibid., S. 391.

¹⁰⁴ Ibid., S. 400.

Из других изделий текстильной промышленности компания закупала здесь головные уборы (в том числе и детские). Наш источник называет головные уборы «huiten», «boneta» и «beretten». Агенты компании неоднократно высказывали опасение, что экспортируемые ими фасоны шляп не будут соответствовать моде сезона¹⁰⁵. Головные уборы фирма ввозила в Испанию (Валенсия и Сарагосса), причем не только из Нидерландов, но и из Италии (Милан). Она интенсивно импортировала с этих рынков в Испанию головные уборы в конце 70-х и начале 80-х годов XV века, но к началу XVI в. эта торговля, за исключением отдельных операций, сводится на нет.

Равенсбургские купцы также экспортировали из Нидерландов в Испанию, а в 1504 г. и 1507 г. и в Геную вышитые ковровые ткани, старинными центрами производства которых являлись Турнэ и Брюссель. Эти ткани наш источник называет «tapisserie» или «bankal»¹⁰⁶. Компания продавала также в Сарагоссе скатерти и покрывала фландрского производства, а в Нюрнберге—одеяла из грубой шерстяной ткани¹⁰⁷ (эти грубые шерстяные ткани в материалах компании фигурируют под наименованием «hotzen»). В то же время пушнина, которой наряду с воском принадлежало столь видное место в истории торговли на северных рынках Европы в бассейне Балтийского и Северного морей от русских земель до Нидерландов¹⁰⁸, была редким гостем в факториях Равенсбургской компании. Лишь изредка фирма покупала белку, соболей и меха выдры во Фландрии. Но Брюгге и Антверпен не были единственными местами закупок северной пушнины для компании. Отдельные закупоч-

---

¹⁰⁵ Ibid., SS. 106, 115, 117, 120, 123, 256, 264, 267, 402, 415, 416, 420, 432.

¹⁰⁶ Ibid., SS. 241, 243, 261, 344, 350, 359.

¹⁰⁷ Ibid., SS. 241, 243, 261, 344, 350, 359.

¹⁰⁸ В этой связи достаточно указать на следующие работы: L. K. Goetz, *Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters*, Lübeck, 1922; М. П. Лесников, *Ганзейская торговля пушнина в начале XV века*. — «Ученые записки» МГПИ им. В. П. Потемкина, т. VIII, вып. I, 1948; его же. *Die livländisch Kaufmannschaft und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des XV-ten Jahrhunderts*, ZGW, 1958, Hft. 2; А. Л. Хорошкевич, *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв.* М., 1963.

ные операции с пушниной, на что нами уже указывалось выше, она проводила в Нюрнберге и Вене.

С начала XVI в. Равенбургская компания начинает испытывать на нидерландском рынке большие затруднения, объяснить причины которых оказывается задачей не из легких. Удаётся лишь установить, что компания покупает здесь на значительно большую сумму, чем продает. Так, осенью 1504 г. операции по продаже принесли компании сумму в 4292 фл. 6 ш., а закупочные операции были проведены на сумму 9707 фл. 2 ш.¹⁰⁹. Этот пассивный баланс мог быть покрыт, и финансовые затруднения преодолены за счет широкой практики торговли в кредит и притока денежных средств с других рынков. Но несовершенство коммерческой техники компании, которое выразилось в недостаточной координированности действий ее агентов на различных рынках, отказ от значительных по объему банковских операций были серьезным тормозом на пути успешной ее деятельности. Поэтому действительные причины упадка торговли компании и ее роспуска в 1530 г. следует искать не только в появлении могущественных конкурентов в лице новых южногерманских купеческих домов, в кризисе средиземноморской торговли фирмы, связанной многими нитями с Антверпеном, в упадке льноткачества Верхней Швабии и в недостаточной связи с поднимающимися отраслями производства Южной Германии (прежде всего с хлопчатобумажной и горнодобывающей), но и в низком уровне коммерческой техники, который не позволял компании проводить достаточно гибкую тактику торговли с учетом изменений рыночной конъюнктуры.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛИ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI вв.

Первостепенное значение для исследования истории торговли имеет решение вопросов о норме торговой прибыли, размере накладных расходов, морских (или речных) перевозок и сухопутной транспортировке товаров и условиях их страхования. Норма торговой прибыли Большой Равенс-

---

¹⁰⁹ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, SS. 435—437.

бургской компании вызывает у исследователя-экономиста особый интерес по той простой причине, что это предприятие являет собою пример торговой компании в «чистом виде», так как можно считать вполне установленным, что она не занималась ростовщическими операциями и не принимала участия в откупных и капиталистических предприятиях в горнорудной промышленности. К сожалению, мы располагаем неполными сведениями относительно этой стороны деятельности торгового товарищества (таблица 3)¹¹⁰. Но и такие данные позволяют заметить, что годовая норма торговой прибыли колеблется от 5,25 до 11,1%, а в среднем за годы, о которых у нас есть соответствующие материалы, она составляет около 8%. Эту прибыль для того времени следует признать умеренной, хотя и она позволяла компании довольно быстро увеличивать свои капиталы. Так, например, известно, что за девять лет (1485—1494 гг.), т. е. за три отчетных периода, ее основной капитал увеличился вдвое¹¹¹.

Т а б л и ц а 3

Норма торговой прибыли Равенбургской компании		
Годы отчетных периодов	Прибыль за отчетный период в проц.	Среднегодовая норма прибыли в проц.
1474—1477	21,0	7,0
1491—1494	33,3	11,1
1501—1504	27,0	9,0
1504—1507	22,0	7,3
1507—1510	25,0	8,3
1510—1514	21,0	5,25

В инструкциях, отчетах и записках о ярмарках в материалах компании разбросаны данные о величине прибыли операций с отдельными видами товаров на том или ином рынке (таблица 4)¹¹², свидетельства, собранные буквально по крохам, все же дают возможность сделать интересные наблюдения. Во-первых, относительно более полными све-

¹¹⁰ Ibid., Bd. I, SS. 60, 178; Bd. 3, S. 485.

¹¹¹ Ibid., Bd. 3, S. 485.

¹¹² Ibid., SS. 74, 145, 241, 242, 258, 260, 262, 272, 275, 278, 284—287, 290 299—303, 330, 409, 415, 432.

Торговая прибыль Равенбургской компании

Рынки	Время проведения операций	Наименование товара	Прибыль в проц.
Генуя	1479 г.	валенсийский сахар	18,5
»	осень 1479 г.	немецкое полотно	14,5
»	»	голландское полотно	30,0
»	»	испанская шерсть	13,0
»	»	испанский сахар	16,0
»	»	воск	6—8
»	лето 1504 г.	испанские кожи	22,0
Милан	»	медь	8,0
»	»	испанская шерсть	35,0
Италия	начало 1505 г.	испанская шерсть	31,0
»	»	испанская шерсть	11,75
»	»	«салоникская шерсть»	16,0
Генуя	1505 г.	ягнячьи шкуры	29,0
»	»	испанский сахар	11,5
»	»	испанская шерсть	10,3
Милан	осень 1505 г.	испанская шерсть	12,0
»	»	испанский сахар	14,0
»	»	воск	17,0
Генуя	начало 1507 г.	латунь	21,0
»	»	испанский шелк	5—6
»	»	шерстяные ткани	
»	»	«аррас»	15,0
»	»	нидерландское полотно	26,0
»	»	каталонская шерсть	10,0
»	»	оливковое масло	13,0
»	»	испанская шерсть	15,0
»	»	ягнячьи шкуры	17,0
»	»	испанский сахар	6,0
»	»	испанский шелк	40,0
»	»	испанские кожи	10—14
»	»	испанские квасцы	8—13,5
Сарагосса	1478 г.	полотно	20,0
Барселона	»	немецкое полотно	18,20
Сарагосса	1480 г.	фландрские сукна	12,0
Бильбао	весна 1506 г.	голландское полотно	24,0
Бильбао	весна 1506 г.	шерстяные ткани	
»	»	«аррас»	20,0
»	»	покрывала и скатерти	21,5
Сарагосса	1506 г.	ювелирные изделия	19,0
Нюрнберг	1477 г.	сукна	29,0
Германия	1505 г.	калорийский шелк	32,0
Брюгге	1478 г.	испанский шелк	10,0
Фландрия	»	сант-галленское полотно	14,0
Антверпен	осень 1480 г.	пряности	6,0

дениями мы располагаем о торговых прибылях компании на итальянских рынках, очень скудными — на испанских, германских и нидерландских рынках и вообще отсутствуют какие-либо данные о прибылях торговых операций на французских рынках. Во-вторых, величина торговой прибыли операций с отдельными товарами в большинстве случаев значительно выше среднегодовой нормы торговой прибыли предприятия, что следует объяснить, прежде всего, крайне замедленными темпами обращения капитала, несовершенством коммерческой техники Равенсбургской компании и, быть может, недостаточной личной искушенностью швабских купцов в торговых делах. И, наконец, нельзя забывать о том, что норму среднегодовой прибыли значительно уменьшали убыточные операции, точных свидетельств о которых наш источник, к сожалению, не содержит.

О некоторых эпизодах своей торговой деятельности, и в том числе о прибыли отдельных операций, рассказывает Паумгартнер в «Торговых обычаях мира». Так, например, 24 января 1510 г. агенты его компании погружают на корабль, идущий из итальянского порта Бари в Антверпен, 105 мешков тмина, который там был продан с прибылью в 15,9%. Этим же рейсом в Нидерланды следует 31 мешок миндаля (13 мешков сорта *ambrosine* и 18 мешков сорта *comipe*). Продажа миндаля первого сорта дала прибыль в 42,75%, второго — 69%¹¹³. Любопытно свидетельство Ганса Паумгартнера Младшего и о том, что продажа в Нюрнберге шафрана, приобретенного в Лионе, дает прибыль в 6%. Однако, замечает Паумгартнер, поскольку эту операцию можно проводить четыре раза в году, то это приносит хороший доход¹¹⁴.

Как величина прибыли при проведении отдельных операций, так и среднегодовая норма торговой прибыли предприятия вообще в значительной степени определялись высотой накладных расходов. Поэтому исследование вопроса о характере этих расходов представляет несомненный интерес. К сожалению, свидетельства источников на этот счет весьма скудны и отрывочны, что не дает возможности прийти к достаточно аргументированным выводам относительно величины и характера накладных расходов в евро-

¹¹³ K. O. Müller. *Welthandelsbräuche*, SS. 250—253.

¹¹⁴ *Ibid.*, SS. 286—287.

пейской торговле на рубеже XV и XVI столетия. Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, по большей части носят иллюстративный характер и не позволяют провести статистические подсчеты. Указанный недостаток материала, впрочем, не умаляет его значимости, так как все же помогает осветить некоторые стороны затрагиваемой проблемы.

Нам, например, известно, что перевозка в 1476 г. одной партии сахара из Валенсии через Бук (Южная Франция) в Геную обошлась Равенбургской компании в 10% его покупной стоимости, а партии риса только до Бука — в 12,5%. Однако к тому же 1476 г. относятся и данные несколько иного рода. Стоимость второй партии сахара до погрузки на корабль, названа в 396 ф., а стоимость перевозки до Бука — 54 ф., или 13,6% покупной стоимости сахара¹¹⁵. Но у нас есть основания полагать, что в первом случае приведенная цифра означает только стоимость фрахта товаров, во втором — всех накладных расходов. Одновременно со второй партией сахара, но на другом корабле валенсийская фактория фирмы отправляет в Бук сахар и шелк. Стоимость перевозки товаров, которые обошлись компании в 1470 ф., названа в 117 ф.¹¹⁶, т. е. 7,3% от покупной суммы. Последний пример показывает, что стоимость транспортировки, а вместе с нею и накладных расходов в целом, возрастает по мере увеличения объема и веса транспортируемого товара. Об этом же свидетельствует и другой случай. В 1479 г. компания транспортирует из Валенсии в Авиньон партию груза, состоящего из сахара, воска, шафрана и хлопка, стоимостью в 166 ф. Фрахт обходится в 29 ф.¹¹⁷, т. е. 3,8% покупной цены товаров. Конечно, не меньшее значение имеет и расстояние, на которое перевозится тот или иной товар. Весной 1506 г. компания отправляет из Нидерландов в Бильбао партию голландского полотна стоимостью в 689 ф. Накладные расходы составляют сумму в 73 ф., т. е. 10,6% покупной стоимости полотна¹¹⁸. В то же время накладные расходы по закупной операции в Милане и доставке товаров в Равенбург или Констанц равняются всего лишь 2,2%, из которых 1% идет на оплату услуг комиссионеров¹¹⁹.

¹¹⁵ A. Schulte. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, Bd. 3, S. 233.

¹¹⁶ Ibid., S. 234.

¹¹⁷ Ibid., S. 122.

¹¹⁸ Ibid., S. 241.

¹¹⁹ Ibid., S. 322.

В тех случаях, о которых речь шла выше, удается с большей или меньшей степенью точности установить величину стоимости морских или сухопутных перевозок товаров. Однако ими накладные расходы не исчерпываются. В этом отношении большой интерес представляет отчет члена Равенбургской компании Клауса Штайнгюслера о своей командировке в Аквилу. Ее целью, как нам уже известно, было проведение закупочных операций с шафраном. Командировка продолжалась с 1 декабря 1478 по февраль 1479 года. Штайнгюслер во время этой поездки купил шафрана на 1323 дуката. Накладные расходы по осуществлению этой операции и доставке шафрана до Флоренции составили 179 дук., т. е. 14,3% покупной стоимости товара. Если очевидно, что накладные расходы были высокими, то не менее важны свидетельства швабского купца о том, из каких статей они складывались. Оказывается, что пошлины и различные поборы поглотили 20,1% общей суммы накладных расходов, оплата услуг комиссионеров—9%, остальные расходы падали на упаковку товаров, их транспортировку, личные расходы Клауса и на оплату услуг юноши, которого купец нанял на время поездки¹²⁰. В материалах Равенбургской компании сохранились записки Томаса Штайнхауза (1477—1481 гг.) и Ганса Гера (1499—1500 гг.) о накладных расходах по транспортировке товаров между Боденским озером и Северной Италией¹²¹ (см. таблицу 5).

Т а б л и ц а 5

**Накладные расходы по транспортировке товаров
Равенбургской компании**

Направление транспортировки товаров	Накладные расходы	
	приходится из них на пошлины и поборы п проц.	на торговые расходы
Равенбург — Милан	16,7	83,3
Боденское озеро — Комо	19,2	80,8
Боденское озеро — Комо	14,7	85,3
Боденское озеро — Комо	23,0	77,0
Комо—Боденское озеро	13,9	86,1

¹²⁰ Ibid., SS. 254—256.

¹²¹ Ibid., SS. 249—253.

В нескольких случаях нам удается установить соотношение между различного рода пошлинами и поборами, которые фигурируют в нашем источнике под наименованием Hausgeld, Gredgeld, Wagengeld, zusüst u. tayler Geld и т. д., и собственно торговыми расходами, т. е. расходами на упаковку товаров, их перевозку, оплату возчиков и агентов компании. Результаты наблюдений свидетельствуют о том, что как бы значительны не были пошлины и поборы, взимаемые магистратами городов и княжеской администрацией, отнюдь не они составляли основную массу накладных расходов. Причины высоких накладных расходов следует видеть, таким образом, прежде всего в несовершенстве коммерческой техники и примитивности средств транспорта.

Тесно связан с предыдущим вопрос об организации морской (или речной) и сухопутной транспортировки товаров. В отношении морских перевозок нетрудно заметить, что Равенбургская компания не имела собственных судов и прибегала к их фрахту для доставки товаров к месту назначения. Причем, в большинстве случаев фрахт носил коллективный характер, так как он осуществлялся компанией совместно с другими купцами. Товары компании перевозили морские суда различных типов: bot, la nav, галера (galea) и каравелла (la cara voela). Материалы компании позволяют сделать некоторые замечания относительно названных типов морских судов. Во-первых, случаи фрахта кораблей типа bot были очень редкими, и эти суда, очевидно, находили применение лишь в малом каботаже. Во-вторых, la nav следует отнести к типу судов, который вытеснялся из морской торговли другими типами кораблей. В-третьих, наиболее часто для перевозок используются галеры, хотя на самых значительных морских линиях европейской торговли их уже успели потеснить быстроходные каравеллы. По национальной принадлежности их владельцев это испанские, французские и особенно итальянские (флорентийские, венецианские и генуэзские) суда. В числе генуэзских судов, к фрахту которых Равенбургская компания прибегает довольно часто, наш источник называет галеры, принадлежащие торгово-банковским домам Гримальди, Дориа и Спинолы.

В отдельных случаях нам известны и некоторые подробности о судах, которые совершают перевозку принадлежащих компании товаров. Так, например, в октябре 1475 г. агенты Равенбургской компании отправляют товары из Бу-

ка в Валенсию одновременно на двух венецианских галерах. Капитаном одной из этих галер был мессер Ersy de Armer, патроном Пьеро Бальби, а секретарем Иеронимо Sordani, патроном другой галеры — Пьеро Mango, а секретарем мессер Brodzepo, и эти же две галеры совершают в самом конце 1475 и начале 1476 гг. рейс с грузами товаров в обратном направлении¹²². Любопытно отметить, что в этом, как, впрочем, и в других случаях, факторы и агенты компании одновременно отправляют товары на нескольких судах, с тем чтобы сократить убытки в случае кораблекрушения или нападения морских пиратов.

Другим средством достижения этой же цели было страхование товаров во время морских перевозок. Материалы Равенсбургской компании позволяют пролить некоторый свет на эту сторону европейской торговли. Так, летом 1479 г. валенсийская фактория компании отправляет во Фландрию на каравелле 50 тюков с рисом, который стоит 289 ф. и страхует (*versichra*) немногим больше половины этого товара на сумму в 150 ф. В то же время на *la nav d'Berhart Peris* транспортируется из Валенсии во Фландрию партия товаров стоимостью в 758 ф. При страховании эти товары оцениваются в 450 ф. В том и другом случае они страхуются из расчета 14,5 «*per cento*»¹²³. Летом 1480 г. фактор Равенсбургской компании в Нидерландах погружает на каравеллу, которая следует в Валенсию и Барселону, товары стоимостью в 347 ф. (*cost allß in das schiff geleit 347 mit der segurita*). Однако страхует компания лишь часть груза при условии выплаты 10—11% (*Da ist 200 wff gesichrat 10 in 11 pro cento*)¹²⁴. Впрочем, нам известны случаи, когда компания страхует все товары, как это было, например, в начале 1507 г., когда она отправляет из Генуи в Валенсию 25 тюков металлических изделий, 15 тюков полотна, 23 — меди и один тюк с шерстяной тканью «*аррас*» и с ювелирными изделиями. Стоимость всех этих товаров оценивается в 1800 дукатов, и они страхуются из расчета выплаты 1,5% (*Dis gutt loufftt alsamen 1800 duc., honnd wier all laussen versichran, cost 1 1/2 pro cento*)¹²⁵. Причину страхования в данном случае всех товаров вполне объясняет невысокий

¹²² Ibid., SS. 231—232.

¹²³ Ibid., S. 100.

¹²⁴ Ibid., S. 424.

¹²⁵ Ibid., S. 305.

процент выплаты по страховому полису. Это находит подтверждение в другом свидетельстве источника. В октябре 1504 г. на корабль, направляющийся из Антверпена в Бильбао, погружаются товары стоимостью в 321 ф. Однако представитель компании оценивает их стоимость в 375 ф. и платит за страхование 15 ф.¹²⁶, что составляет 4% стоимости товаров, названной агентом предприятия. Величина суммы, которую купцы выплачивают владельцу судна по страховому полису, зависит в первую очередь от дальности расстояния и безопасности морского пути. В этом отношении представляет интерес свидетельство Паумгартнера о том, что товары, отправляемые из Бари через Неаполь в Геную, страхуются из расчета выплаты 3—4% от их стоимости, а из Бари во Фландрию — 8%.¹²⁷ Вместе с тем примеры из практики Равенбургской компании говорят о том, что это правило не носит безусловного характера. Величина процента за страхование товаров во время морских перевозок зависит, очевидно, от целого ряда и других обстоятельств.

Относительно сухопутной транспортировки товаров, принадлежащих компании, следует заметить следующее. В первых, все эти перевозки осуществлялись исключительно возчиками (*furleuten*)¹²⁸, которые за определенную плату доставляли товары из одного пункта в другой. Во-вторых, нам известно лишь несколько случаев, когда товары, принадлежащие компании, сопровождал ее представитель¹²⁹. По всей видимости, возчики отвечали и за сохранность транспортируемых грузов, хотя нам и неизвестно ни одного случая страхования товаров во время сухопутных перевозок.

Рассмотренные нами материалы бросают свет в первую очередь на организацию европейской торговли на рубеже XV—XVI столетия. Но поскольку южногерманские компании, что с необходимостью следует из изучения материалов Большой Равенбургской компании, являлись торговыми предприятиями, занимавшими видное место в системе международной торговли того времени, то исследование этих

---

¹²⁶ Ibid., S. 435.

¹²⁷ K. O. Müller, *Welthandelsbräuche*, S. 172.

¹²⁸ A. Schulte, *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft*, Bd. 3, SS. 195, 201, 345, 346, 356—358, 370, 372, 381.

¹²⁹ Ibid., S. 201.

проблем объясняет некоторые стороны деятельности организации и южногерманских фирм.

В заключение считаем необходимым остановиться на вопросе о безопасности и условиях европейской торговли исследуемого периода. Корреспонденция Равенбургской компании может служить в этой связи вполне надежным источником, который содержит целый ряд интересных свидетельств как по политической истории отдельных стран, так и по истории международных отношений той эпохи. В первую очередь важны данные, помогающие объяснить отношение немецких купцов-экспортеров к европейским конфликтам и зависимость развития торговли от хода и направления событий европейской истории. В исторической литературе широко распространена точка зрения на средневековую торговлю как на предприятие крайне рискованное и опасное ввиду отсутствия безопасности морских и сухопутных путей, так как купеческие караваны, следующие по этим путям, подвергались постоянным нападениям со стороны полунищих, но воинствующих рыцарей, разбойников, и морских пиратов. Однако изучение материалов Равенбургской компании побуждает нас усомниться в справедливости и правдоподобности этого общепринятого мнения, которое в значительной мере навеяно публицистикой того времени, признаниями не в меру хвастливых рыцарей-разбойников и возведением в общее правило отдельных случаев разбоя и грабежа на торговых дорогах. Конечно, это не означает, что европейские торговые пути на рубеже XV—XVI вв. были абсолютно безопасны. Купец, отправляя свои товары в далекий путь, далеко не всегда мог быть уверен в том, что они благополучно достигнут места назначения. Так, например, Андреас Затлер в отчете руководителям компании от 23 октября 1477 г. сообщает о нападении морских пиратов на флорентийскую галеру¹³⁰. Можно сослаться также на сообщение Ганса Эрилина из Антверпена от 8 июня 1507 г. о нападении пиратов недалеко от берегов Бретани на купеческий караван. В результате нападения было задержано судно, следовавшее из Лиссабона в Нидерланды, на котором находились пряности, принадлежащие немецким купцам. При этом Вельзер и Гохштеттер потеряли по 60 мешков перца, а Релингер — 26¹³¹. Но заслуживает вни-

¹³⁰ Ibid., S. 54.

¹³¹ Ibid., SS. 447—448.

мания и другое. Материалы Равенбургской компании, охватывающие в общей сложности промежуток времени в несколько десятилетий, не содержат ни одного свидетельства о том, чтобы компания пострадала от нападения разбойников или морских пиратов. Правда, нам известно, что в 1500 г. Иерг Трухзес фон Вальдбург задержал в Аубе тюк с шафраном, принадлежавшим Равенбургской компании, в котором находилась тысяча гульденов в монете¹³² (такой способ денежного перевода часто находил применение еще и в эпоху позднего средневековья). Но у Трухзеса, хотя бы формально, был вполне благопристойный повод для подобных действий, так как Швабский Союз враждовал с имперским городом Нюрнбергом, и применение таких мер воздействия на противника было явлением обычным и заурядным. Таким образом, действия морских пиратов и сухопутных разбойников вряд ли есть основания относить к числу причин, которые могли серьезно сдерживать развитие европейской торговли на рубеже XV—XVI столетий. Другое дело, когда речь идет о международных конфликтах и вооруженных столкновениях на территории тех стран, где велась оживленная торговля.

Руководство Равенбургской компании, встревоженное конфликтом французского короля с бургундским герцогом, в инструкции лионской фактории (в марте 1478 г.) строго предписывало своим агентам «не отправлять наших товаров на франкфуртскую ярмарку» (den myt ir unsser gut nyt in Frankfurter mesß liess), хотя и не скрывало большого недовольства этим обстоятельством (es ward ain groß mißgefallo darab han)¹³³. Международные конфликты неизбежно вели к затруднению торговых сношений или делали их предприятиями весьма опасными и связанными с большим риском. В связи с напряженностью обстановки на международных путях европейской торговли руководители Равенбургской компании рекомендовали осенью 1480 г. своим агентам в Барселоне, Валенсии и Сарагоссе страховать товары, хотя ввиду нежелательности подобного рода расходов советовали заключать страховые сделки по невысоким ставкам (Das er unsß nit me wolt sichra, must man in mit an klain geld stechen ain guldin als 10)¹³⁴. И это вполне понятно, так

¹³² Ibid., S. 380.

¹³³ Ibid., S. 72.

¹³⁴ Ibid., S. 170.

как выплата процентов по страховому полису увеличивала накладные расходы и сокращала норму торговой прибыли.

Начавшиеся в 1494 г. Итальянские войны явились серьезным препятствием на пути торговой деятельности южно-германских фирм, что нашло отражение и в материалах Равенбургской компании. По мнению представителей компании в Генуе, начавшаяся война привела к тому, что «люди не имеют правительства» (*die lyt halten kayn regiment*), а утверждение в Генуе власти французов не привело к улучшению дел общины (*Der Frantzoy schauft das sin, achtet kain besserung der gemain*)¹³⁵. В феврале 1507 г. Ганс Клотер писал из Генуи Алекси Гиллензону о падении деловой активности, так как уже «семь месяцев в городе идет разорительная война» (*7 monatt ain schadlichen krieg hie in der statt gehappt*)¹³⁶. Интересна интерпретация Клотером генуэзских событий. По его словам, «тощий народ не желает, так как это несет ему страдания, чтобы правили благочестивые и богатые (люди)» (*So will der popell menudo nitt dar, denn inna laid, das die fromen und richten regiertte*)¹³⁷. В таком повороте событий он усматривал угрозу своему собственному благополучию и интересам фирмы.

В целом корреспонденция Равенбургской компании содержит убедительные свидетельства о том, что консервативно настроенные швабские купцы занимали по отношению к вооруженным столкновениям своего времени резко отрицательную позицию, исключая, конечно, те случаи, когда эти столкновения одновременно были войной за их торговые привилегии. Поэтому небезынтересно будет остановиться на содержании донесения руководству компании другого ее агента в Генуе — Генриха Штюдлина, которое тот направил летом 1507 г. руководителям предприятия. Штюдлин пишет о том, что в городе распространяются слухи о якобы готовящемся походе императора на Рим (который в действительности был осуществлен лишь через два десятилетия). Это, по словам Штюдлина, привело к тому, что «каждого из ремесленников и торговых людей» (*das ieder man von wercken unnd handel loutt*) охватило чувство смятения и растерянности¹³⁸. И Штюдлин пишет, что если та-

¹³⁵ Ibid., S. 291.

¹³⁶ Ibid., S. 298.

¹³⁷ ?

¹³⁸ Ibid., S 315.

кое состояние будет поддерживаться и впредь, то компании не избежать убытков. Этот же мотив звучит и в отчете, составленном Габриэлем Геслером о поездке в Нюрнберг весной 1504 г. Геслер жалуется на резкое сокращение числа сделок и объясняет это «разорительной войной» (schatten krieg), которая, по его мнению, настолько напугала купцов, что те предпочитают воздерживаться от ведения торговых операций¹³⁹. Нет сомнения в том, что купечество подходило к оценке международных конфликтов и социальных событий с позиции собственных эгоистических интересов. Однако и у современного исследователя не может вызывать сомнения тот факт, что войны были большим препятствием на пути развития европейской торговли XV—XVI вв.

ВЫВОДЫ

1. Отличительной чертой торговой деятельности не только Равенбургской компании, но и других южногерманских торговых предприятий, являлась торговля между географически отдаленными пунктами. Однако эта торговля лишь отчасти носила посреднический характер. Торговые товарищества вывозили продукцию отечественной промышленности (полотно, бумагею, металлы и изделия из металлов) и одновременно поставляли для ее нужд различные виды сырья (например, хлопок), выполняя таким образом важную производственную функцию.

2. Участие южногерманских компаний в международной торговле может служить, с одной стороны, хотя и косвенным, но достаточно убедительным свидетельством размещения производительных сил в европейской экономике в конце XV — начале XVI вв., с другой — показателем несомненных успехов горнорудной и отчасти текстильной промышленности Германии. Участие же этих предприятий в посреднической торговле не оставляет сомнения в том, что и в начале XVI в. немецкое купечество продолжало извлекать выгоду из географического положения Германии, находившейся на скрещении международных торговых путей.

3. Исследование таких проблем, как норма торговой прибыли, величина накладных расходов, условия морской и су-

¹³⁹ Ibid., S. 389.

хопутной транспортировки товаров позволяет пролить некоторый свет не только на организацию европейской торговли того времени вообще, но и осветить одну из важных сторон деятельности южногерманских компаний. При этом наши выводы об условиях, в которых протекала деятельность этих предприятий, в известной степени расходятся с традиционным представлением о средневековой торговле.

Глава IV

АУГСБУРГСКИЕ ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ В ГОРНОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТИРОЛЯ, КАРИНТИИ И КРАЙНЫ

Во второй половине XV — начале XVI вв. Германия переживала полосу расцвета и подъема ряда отраслей народного хозяйства и торговли. Авангардная роль в этом подъеме принадлежала горной промышленности, успешное развитие которой и послужило тем последним мощным толчком, который в экономическом отношении поставил Германию в один ряд с передовыми странами Западной Европы. Значение горнорудных промыслов было очевидным и для современников. В частности, знаменитый указ Карла V от 13 мая 1524 г. стоимость «золота, серебра, меди, свинца, железа и других металлов», добываемых в немецких землях, оценивал в 2 млн. гульденов. Тот же указ подчеркивал, что «многие сотни людей, стар и млад, женщины и дети не зарабатывали бы своего насущного хлеба иначе, как добычей, разработкой и плавкой (руды)»¹. Торговля металлами, по утверждению богатого нюрнбергского купца и горнопромышленника Кристофа Фюрера, превратилась в важнейшую отрасль народного хозяйства. Он писал о том, что «серебро не находится в таком количестве ни в одной другой земле, кроме священной империи, и все вокруг лежащие христианские и нехристианские страны вынуждены завозить к себе серебро из немецких земель»². Восторженные оценки современников вполне подтверждаются статистиче-

¹ J. Strieder. Studien..., Anhang, SS. 375, 378.

² R. Dietrich. Op. cit., Bd. VII, S. 168.

скими материалами, которые впервые были обработаны. А. Зетбеэром. Эти материалы показывают, что в 1493—1520 гг. в Германии добывалось серебра почти в два раза больше, чем в остальной Европе. В 1521—1544 гг., когда в Старый свет уже хлынул поток серебра из Мексики и особенно Перу, промыслы немецких земель продолжали давать около 45% мировой добычи этого металла³. Эта блестящая страница истории немецкой горнорудной промышленности в конце концов была прервана американской конкуренцией и исчерпанием возможностей ряда горных районов. Однако все это дало о себе знать в полную меру только в конце XVI столетия.

Несметные богатства покоились в недрах и разрабатывались в австрийских владениях Габсбургов. Серебро и медь Тироля, серебро и свинец Каринтии, железо и сталь Штирии, продукция ртутных рудников Крайны — все это экспортировалось на рынки как Западной, так и Восточной Европы, в страны Леванта и Африку. Одним из крупнейших горнорудных районов немецких земель являлся Тироль. Значительными были здесь разработки серебра в Фалькенштайне, Эрбштоллене, Раттенберге. С одних только швацких рудников Фалькенштайна ежегодно выплавляли по несколько тысяч весовых мерок серебра⁴ (таблица 1). Именно с момента открытия этих рудников в середине XV в. начался бурный расцвет горнорудной промышленности Тироля, превративший это альпийское графство в один из важнейших горнорудных районов Европы. Первозданная тишина Восточных Альп, до сих пор мирно прозябавших на задворках феодальной Европы, была нарушена вторжением в ее экономику горной промышленности, развитие которой послужило в свою очередь одним из важнейших источников дохода княжеской казны. Однако это развитие совершалось в условиях господства феодально-регальной системы, что не могло не оказать влияния на ход и результаты социально-

---

³ A. Soetbeer. Edelmetallproduction und Wertverhältnisse zwischen Gold und Silber seit Zeit der Entdeckung Americas bis zum Gegenwart, Gotha, 1880, SS. 22, 27, 32, 107. Автор счел возможным не останавливать подробно на общей характеристике развития горнорудной промышленности Германии, поскольку она дана в уже упоминавшихся статьях М. М. Смирин и Ю. М. Григорьяна (см. ВИ, 1957, № 6, и 1958, № 1).

⁴ M. von Isser-Gaudententurm. Op. cit., S. 422.

экономических процессов, протекавших в данном горнорудном районе.

Таблица 1

Добыча серебра и меди на швацких рудниках
Фалькенштайна (1471—1550 гг.)

Годы	Серебро в венских марках	В кг	Медь в венских центнерах
1471—1480	32 264	9 034	12 905
1481—1490	35 223	9 866	14 093
1491—1500	37 319	10 447	14 923
1501—1510	38 812	10 867	15 524
1511—1520	42 035	11 770	16 814
1521—1522	49 506	13 866	19 800
1523	55 855	15 639	22 340
1524—1525	47 598	13 327	19 035
1526—1530	39 164	10 636	15 265
1531—1550	32 605	9 127	13 022

Верховным сюзереном не только Тироля, но и Каринтии и Крайны являлся австрийский эрцгерцог, который на основе горной регалии, принадлежащей ему в каждой из этих земель, имел исключительное право на эксплуатацию земных недр. Однако это право в отдельных случаях оспаривалось, особенно крупнейшими духовными феодалами как в бесконечных судебных тяжбах, так и силой оружия. Поэтому во второй половине XV — начале XVI вв. постоянно происходили конфликты между Габсбургами и крупнейшими феодалами, зачастую принимавшие характер вооруженных столкновений. Упорное сопротивление попыткам дома Габсбургов прибрать горнорудную промышленность к своим рукам оказывали архиепископ Зальцбурга и епископы Бриксена, Кура и Триента. Победа в этой борьбе оказалась на стороне первых, хотя далеко не всегда была полной и окончательной. Так, согласно условиям мирного соглашения австрийского эрцгерцога с архиепископом Зальцбурга (июль 1533 г.) обе стороны получили в равной доле доходы от рудников в Циллертале⁵. Отдельные вынужденные уступки

⁵ A. J ä g e r. Op. cit., Beilage 2, SS. 374—375.

со стороны Габсбургов, впрочем, не могут поколебать нашего убеждения в том, что в конце XV — начале XVI вв. централизация, ставившая одной из важнейших своих экономических и политических задач подчинение горной промышленности, добилась определенных успехов. Результатом же бурного развития горнорудных промыслов и успехов централизации явилось складывание системы организации и управления горной промышленностью в австрийских землях.

Еще в 1491 г. императором Максимилианом I было создано в Тироле горное ведомство или казначейство, получившее название Rait — или Schatzkammer, из которого в 1498 г. выделилась Hauskammer. Под ее управление перешли плавильни, монетный двор и горные разработки⁶. Казначейство находилось в Иннсбруке, старший горный мастер, осуществлявший контроль над рудниками, и старший горный судья, решавший самые различные конфликты, — в Шваце, монетный мастер — в Галле. Этот институт горных мастеров и горных судей существовал и в горных округах Тироля. Центр горнорудной промышленности Каринтии и Крайны (идрийские рудники) в XV—XVI вв. был расположен в Виллахе. Находившееся здесь горное ведомство возглавлялось старшим горным судьей с двумя присяжными из числа местных участников горных разработок⁷. В начале XVI в. была введена должность старшего писаря княжеских плавильен, который производил и расчет с наемными рабочими (ire wochen und taglohn im beisein des verwalters abzuraiten)⁸. Весь этот аппарат создавался и существовал в качестве средства пополнения княжеской казны. Для нашего исследования важно указать, какими путями выполнялась эта задача.

Во-первых, в пользу казны взималась определенная часть всей добытой руды в качестве «оброка» или «десятины» (Fron или Zehend). Нам известны две разновидности «оброка» — «schwere Fron», взимавшийся в размере $\frac{1}{10}$ части добытой руды, и «ringe Fron», который вносился из $\frac{1}{19}$ или $\frac{1}{20}$ доли руды⁹. Последний вид оброка представлял со-

⁶ H. Wopfner. Die Lage Tirols zu Anfang des Mittelalters und die Ursachen des Bauernkrieges, Berlin und Leipzig, 1908, S. 109.

⁷ H. Wießner. Op. cit., S. 43.

⁸ Ibid., S. 47.

⁹ L. Scheuermann. Op. cit., S. 20; H. Wießner. Op. cit., S. 144.

бою льготу или привилегию товариществам (Gewerkschaften), ведущим разработки в особо тяжелых условиях или на вновь открытых рудниках.

Во-вторых, эрцгерцог обладал правом предпочтительных закупок серебра по твердо фиксированной цене. Но так как сам князь серебра не покупал, за исключением той его части, которая сдавалась на монетный двор для чеканки монеты, то плавильщики или торговцы, чтобы получить серебро в свое распоряжение, должны были внести в казну разницу от цены, которая устанавливалась правительством как рыночная, и цены, по которой закупалось серебро у владельцев плавильных. Из предписания эрцгерцога Австрии от 1479 г., направленного плавильщикам Штерцинга, следует, что последние, уплатив побор, известный под названием «обмена» (Wechsel), получали возможность продавать серебро «кому угодно и куда угодно» (das silber wem und wohin sie wellen verkaufen mugen)¹⁰. Размер «обмена» колебался от 2-х до 3 ¼ гульденов с каждой марки выплавленного серебра. Одновременно «обмен» служил своеобразным платежным средством в кредитных операциях Габсбургов.

В-третьих, хотя принудительная продажа казне не распространялась на медь, ртуть и свинец, эрцгерцог всегда мог сдать торговлю этими металлами на откуп и извлекать доход путем взимания высокой вывозной пошлины (обычно больше гульдена с центнера меди). Впрочем, в наших источниках эта пошлина, особенно в откупных операциях, чаще всего фигурировала под тем же наименованием, что и названный выше побор Wechsel и имела в основе те же реальные права австрийского дома, которыми Габсбурги обладали в различных своих владениях.

Однако в условиях возникновения и развития раннекапиталистических отношений в горнорудной промышленности эрцгерцоги отказывались от самостоятельного ведения горных разработок и шаг за шагом утрачивали здесь свое экономическое влияние. Горные разработки постепенно превращались в заповедное поле деятельности торгово-промышленных компаний, хотя и следует оговориться, что Габсбурги продолжали сохранять в своих руках все prerogative политической власти. Последнее обстоятельство было одним из наиболее кричащих противоречий раннекапита-

---

¹⁰ St. Worms. Op. cit., S. 31.

листической эпохи. Сама централизация австрийских земель под власть Габсбургов, как бы это парадоксально ни звучало, не только не сметала таможенные барьеры, но и, наоборот, увеличивала число застав и пунктов, где взимались пошлины и поборы, насаждала систему монопольной торговли и т. д. Таким образом, экспансия аугсбургского торгового капитала в горнорудную промышленность Тироля и другие австрийские земли протекала в атмосфере бесспорного экономического подъема, с одной стороны, и полного и безраздельного господства феодальной политической надстройки — с другой.

Эти предварительные замечания представляются необходимыми для правильного понимания обстановки и условий, в которых протекала деятельность аугсбургских компаний в горнорудных районах.

КОМПАНИИ В ОТКУПНЫХ ОПЕРАЦИЯХ С МЕТАЛЛАМИ

В проникновении торговых компаний в горнорудную промышленность следует различать два важных момента. С одной стороны, руководители этих компаний выступали в роли заимодавцев-ростовщиков и оптовых торговцев металлами; с другой стороны, они переходили от этой деятельности к капиталистическому предпринимательству на горных промыслах. На первом этапе проникновение торгового капитала в данную отрасль народного хозяйства протекало, во-первых, путем откупа у владельца горной регалии прав на всю или часть добытой или произведенной продукции: за предоставленный государю кредит купец получал право скупки у горнозаводчиков металлов по твердо установленной цене при освобождении от взносов всего «обмена» или его части в счет погашения задолженности; во-вторых, посредством авансирования местных горнозаводчиков с правом скупки у них всех или части приходящихся на их долю металлов. Обе эти формы объединяло одно обстоятельство — в том и другом случае купеческий капитал не расставался по преимуществу со своей первоначальной оболочкой, которая являлась свидетельством его слабой и чисто внешней связи с промышленностью. Поэтому, в первую очередь, пытаемся выяснить характер кредитных операций

аугсбургских банкиров с Габсбургами и участия компаний в откупках металлов, что образует предисторию вторжения торгового капитала в горнорудную промышленность Тироля, Каринтии и Крайны.

Начало проникновения аугсбургского капитала в Тироль было положено в 1456 г., когда эрцгерцог Сигизмунд передал свои доходы от серебряных рудников Шваца и Госсензаса Людвигу Мейтингу на время погашения задолженности в 35 тыс. гульденов¹¹. Правда, по утверждению Циха, Мейтинг был лишь главой предприятия, в котором участвовали местные горнопромышленники Рингмауль, Гшоф, Кауфман, Перль и Шроттер¹². Операция Мейтинга с Габсбургами была лишь эпизодом. Широкий характер соглашения подобного рода начали носить лишь с середины 80-х годов XV в. В 1485 г. Фуггеры предоставили заем в размере 8 тыс. гульденов Антону фон Россу, который в этом случае, очевидно, действовал по поручению верхнеавстрийского казначейства. За предоставленный заем Росс обязывался поставить аугсбургской компании 561 весовую марку серебра¹³.

Нетрудно заметить, что исходным пунктом проникновения купеческого капитала в горнорудную промышленность была постоянная нужда австрийского дома Габсбургов в кредитах. В качестве займодавцев столь же неизменно выступали крупнейшие торговые компании Аугсбурга, получавшие удовлетворение по займам за счет доходов эрцгерцога от горных промыслов, так как в основе соглашений торговых компаний с казначейством лежала откупная система в том ее своеобразном проявлении, когда займодавец освобождался от уплаты всего или части «обмена» или вывозной пошлины, получая обусловленную договором квоту серебра, меди, свинца, олова или ртути. Реже мы сталкиваемся с выплатой долга в счет освобождения от «оброка». Да это и стало возможным лишь после того, как торговые компании включались в разработку рудников и плавку руды. Так, например, 4 апреля 1527 г. Фердинанд I предписал горной администрации в Калузене освободить Ганса Паумгартнера из Аугсбурга, который «так отважно участ-

¹¹ A. Jäger. Op. cit., S. 352.

¹² A. Zycha. Op. cit., Bd. VI, SS. 270—271.

¹³ G. von Pölnitz. Jacob Fugger, Bd. I, Quellen, SS. 9—10; Ed. I, Darstellung, S. 358.

вует здесь в разработках рудников и плавит руду», от уплаты «оброка» с руды до выплаты ему долга в три тысячи гульденов»¹⁴.

Характерной чертой в отношениях между купцами и австрийским правительством было стремление фирм получить монополию на торговлю тем или иным металлом. Яков Фуггер уже весной 1488 г. вынашивал план монопольной торговли медью на рынках Западной Европы, считая, что практическое осуществление этого плана возможно лишь в том случае, если удастся заключить соглашение с императором о «вечной купле» швацкой меди, по которому местные владельцы плавильных будок будут обязаны продавать медь только торговому дому Фуггеров¹⁵. Монополистическая тенденция давала о себе знать не только в текстах соглашений южнонемецких банкиров с правительством Габсбургов, но и в договорах частнопроводного характера, которые таковой, однако, утрачивали, поскольку в большинстве случаев скреплялись подписью эрцгерцога или его высокопоставленных чиновников. Эта тенденция отчетливо звучала в договорах братьев Гохштеттеров (от 1 января 1525 г.) и Ганса Паумгартнера (от 1 августа 1539 г.) с участниками разработок идрийских ртутных рудников в Крайне. По условиям этих соглашений вся ртуть и киноварь, добываемые на данных рудниках, целиком передавалась торговым компаниям и «...никто и нигде не имел права ни продавать, ни вывозить идрийской ртути и киновари». Ганс Паумгартнер к тому же получал возможность скупить всю ртуть идрийских горнозаводчиков, находящуюся в Триесте, Виллахе или других местах¹⁶. И в этом случае Фердинанд Габсбург взял откупщиков под свою защиту и весной 1526 г. издал специальный указ, в котором строго замечалось, чтобы чиновники на заставах не пропускали чешскую ртуть через австрийские земли в Италию¹⁷. Подобные меры предпринимались для того, чтобы обеспечить Гохштеттерам монопольные позиции на итальянском рынке. Подобная попытка была предпринята Фуггерами гораздо раньше. Еще в 1499 г. они добились от австрийского правительства включения в договор специального положения, которое в срок действия соглаше-

¹⁴ K. O. Müller. Quellen..., S. 80.

¹⁵ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, S. 87.

¹⁶ J. Strieder. Studien..., SS. 314, 465.

¹⁷ Ibid., S. 303.

ния запрещало кому-либо вести торговлю тауферской медью в Боцене, Венеции и других местах Италии¹⁸.

Фуггеры в стремлении к монополии в торговле медью на итальянском рынке иногда прибегали и к сделкам с крупнейшими торговцами металлами того времени. Именно в этом духе может быть истолковано их соглашение с Сигизмундом Госсембротом и Георгом Гервартом из Аугсбурга, Гансом Паумгартнером из Куфштайна и Гансом Кюллем из Зальцбурга от 12 мая 1498 г. о совместной продаже в Венеции 2,5 тыс. мейлеров меди. Небезинтересно при этом отметить, что все операции по продаже меди в Венеции сосредоточивались в руках Ульриха Фуггера, который таким образом становился хозяином положения¹⁹. В марте 1499 г. Фуггеры договорились с десятью крупнейшими тирольскими горнопромышленниками (Фюгер, Тенцль, Штекль, Гофер и др.) о поставках последними в течение трех лет 3,6 тыс. мейлеров меди. При этом тирольским горнозаводчикам пришлось взять на себя обязательство, которое делало планы Фуггеров очевидными. «Ту же медь, и сколько бы ее ни было, что мы, плавильщики, каждый год будем приобретать в течение этих четырех лет сверх этого количества, — читаем в тексте соглашения, — можем по нашей воле и желанию продавать в германских странах, но не должны вывозить и продавать в Боцене и Италии, начиная от числа этой грамоты до наступления 1503 г. под страхом уплаты Фуггерам штрафа в 10 дукатов за каждый мейлер»²⁰. Совершенно очевидно, что, заключая все эти контракты, Фуггеры руководствовались одной задачей — поставить под свой контроль итальянский рынок в торговле медью с целью установления максимальных цен, ускорения торгового оборота и, в конечном итоге, извлечения наиболее высокой нормы торговой прибыли.

Стремление к монополизации торговли тем или иным металлом, если не на «вечные времена», то хотя бы на определенный промежуток времени на том или ином рынке, является отличительной чертой деятельности не только Фуггеров, но и других торговых домов раннекапиталистической эпохи. Вся разница между ними состоит не в принципах

¹⁸ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 359.

¹⁹ R. Ehrenberg. Op. cit., Bd. I, SS. 417—419.

²⁰ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, SS. 354—358.

торговой практики, а в масштабах торговых предприятий. Если весной 1491 г. Ульрих Фуггер за заем Максимилиану I в 120 тыс. гульденов «... получает все серебро в Галле, за исключением того, что было описано Гансу Велину из Меммингена»²¹, то осенью 1500 г. компании Госсмброта и Герварта из Аугсбурга, Паумгартнеры из Куфштайна и Аугсбурга и Кнолля из Зальцбурга получают 77 355 весовых марок серебра и 1311 мейлеров меди для продажи в Венеции, а правительство берет на себя обязательство «никому другому не продавать и не передавать швацкое серебро»²².

Рассмотренные выше факты не оставляют сомнения в том, что торговля металлами носила монопольный характер, но острое соперничество за обладание монополиями исключало возможность ее концентрации в одних руках вплоть до второй половины XVI в. Правда, Фуггерам удавалось получать отдельные частные привилегии, которые, однако, лишь позже вылились в их безраздельное господство в горнорудной промышленности Тироля и других австрийских землях. Примером может служить императорский указ, изданный в августе 1538 г., передававший всю продукцию плавильного производства Раттенберга аугсбургскому торговому дому сроком на тринадцать лет²³. В конце же XV—начале XVI вв. положение было несколько иным. Постоянные займы Габсбургов, предназначенные на цели осуществления широких политических планов, поставили австрийское казначейство в крайне затруднительное положение: ему приходилось продавать серебро, которое служило главным платежным средством, на много лет вперед, и у дверей горного ведомства в Иннсбруке, Галле и Виллахе выстраивалась в ожидании своего часа длинная очередь заимодавцев. Это можно подтвердить на ряде примеров. Во время долгих и тщетных переговоров финансовых эмиссаров императора Блазиуса Хельцля и Иоганна Цотта в октябре 1515 г. в Аугсбурге с Яковом Фуггером выяснилось, что одной из причин, по которой глава фирмы упорно отказывался предоставить очередной заем Габсбургам, было то, что «сейчас все серебро продано на 7—8 лет вперед, а медь на 4 года»²⁴. Когда же осенью 1541 г. Ганс Паумгартнер предоставил Фер-

²¹ M. Jansen. Anfänge der Fugger, SS. 124—126.

²² K. O. Müller. Quellen..., S. 201

²³ Ibid., S. 187.

²⁴ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 389.

динанду «на борьбу с заклятым врагом христианства — турками» 40 тыс. гульденов, то договор предусматривал, что в качестве погашения долга аугсбургский купец и предприниматель должен будет получить 18 181 марку 13 лот серебра. Однако поставки серебра Паумгартнеру по этому контракту предполагалось начать лишь через 4 года²⁵. Но и в том случае, когда металлы на откуп получали несколько лиц, торговля не переставала носить монопольного характера, так как права откупщиков от возможной конкуренции надежно защищали княжеские привилегии.

Долговременный характер кредитов и их ненадежность вели к тому, что соглашениями специально оговаривалась выплата процентов по займам и их обеспечение из других источников доходов казначейства. И если еще в конце XV — начале XVI вв. займы формально носили беспроцентный характер (*ohne interesse*), хотя совершенно очевидно, что и тогда банкиры и купцы извлекали выгоду, продавая металлы по высоким ценам на различных рынках Европы. В дальнейшем стало обычным получение, помимо определенной договором квоты металлов, и процентов, которые, впрочем, также выплачивались за счет освобождения от «обмена» или «оброка». Соглашения фирм с казначейством предусматривали выплату 5 или 8% годовых с момента предоставления займа до начала поставок металлов в качестве возмещения за «бездействующий капитал»²⁶. Но неправильно было бы делать из этого вывод об улучшении самих условий кредита, так как, во-первых, долгосрочный кредит суживал базу оборотных средств компаний; во-вторых, норма торговой прибыли была, обычно, значительно выше банковского процента.

Вторжения турок, постоянные войны в Европе и особенно в Италии, рынок которой имел первостепенное значение для аугсбургских компаний, конфессиональные войны и внутренние социальные потрясения, ненадежность рыночной конъюнктуры и первые симптомы упадка горнорудной промышленности в австрийских владениях Габсбургов не менее остро ставили вопрос о гарантии или обеспечении займов. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, содержат достаточно красноречивые свидетельства на этот счет. Так,

²⁵ K. O. Müller. Quellen..., S. 191.

²⁶ Ibid., SS. 189, 195.

еще в 1456 г. обеспечением займа Людвигу Мейтингу служили доходы от пошлин в Люге²⁷. В соглашении с казначейством Госсемброта в 1502 г., которое тот заключил не только от себя лично, но и от имени Герварта и Паумгартнера, оговаривалось, что в случае войны «убытки им должны быть возмещены всеми рентами, доходами и поборами в Верхней Австрии»²⁸. В августе 1527 г. Фердинанд I, подписывая договор с братьями Гохштеттерами, взял на себя следующее обязательство: «Если война парализует горную промышленность, то мы можем отписать Гохштеттерам доходы нашего тирольского казначейства или наш «оброк» «обмен» в Идрии»²⁹. Контракт Ганса Паумгартнера с горнопромышленниками Идрии в Крайне от 1 августа 1539 г. о монопольных закупках местной ртуты и киновари также предусматривал возмещение аугсбургскому купцу убытков «в случае войны, нападения или по другим причинам»³⁰. Договор Антона Фуггера, Ганса Паумгартнера и Себастиана Нейдхарта с австрийским правительством в ноябре 1544 г. содержал положение о возмещении заимодавцам убытков в случае упадка горнорудной промышленности Шваца за счет иных статей доходов графства Тироль (alle andere unsere Tirolischen cammer, einkommen, rännt, nutzungen und gülten), которые должны были им поступать вплоть до полной выплаты долга³¹.

Кредитные операции аугсбургских купцов и банкиров с домом Габсбургов, которые тесно переплетались с их участием в торговле металлами, имели своим следствием и развитие ипотеки, что, однако, уже лежит за рамками нашего исследования. Отметим лишь, что Габсбурги, закладывая банкирам и торговым домам земельные владения, имения и поместья, далеко не всегда имели возможность их вернуть и, таким образом, логическая и историческая связь кредита и торговли с развитием ипотеки создавали ту самую атмосферу, которая способствовала превращению Фуггеров в крупнейших землевладельцев Германии того времени и приобщению десятков и сотен других выходцев из «третьего сословия» к феодальному классу.

²⁷ Jäger. Op. cit., S 352.

²⁸ K. O. Müller. Quellen..., S, 128.

²⁹ Ibid., S. 204.

³⁰ J. Strieder. Studien..., Anhang, SS. 471—472.

³¹ L. Scheuermann. Op. cit., Anhang, SS 112—118.

В то же время участие компаний в торговле металлами сопровождалось вторжением купеческого капитала в горнорудную промышленность, о чем можно составить вполне конкретное представление по текстам соглашений о купле и продаже металлов. 17 ноября 1487 г. эрцгерцог Сигизмунд обязал Тенцля, Фюгера, Перля, Зигвайна и Яуфнера продавать приходящееся на долю последних в качестве *Gewerken* серебро Якову Фуггеру «пока тот из «обмена» не получит полного возмещения и за капитал и за убытки»³². Это был первый шаг на пути подчинения торговым капиталом промышленного капитала, что характерно для раннекапиталистических производственных отношений вообще. Нетрудно также заметить, что эта зависимость носила чисто внешний характер и имела своим основанием навязанные сверху княжеской властью распоряжки, а не органическую связь торгового капитала с промышленным. Все же подобного рода связь служила тем средством, которое толкало купцов к непосредственному участию в горнорудной промышленности, во-первых, с целью постоянного получения металлов для реализации их на рынках сбыта, и, во-вторых, весьма заманчивой была перспектива извлечения не только торговой, но и промышленной прибыли. Эта эволюция практической деятельности аугсбургских компаний нашла отражение и в наших источниках. Крупные торговцы металлами, став участниками горных разработок и владельцами плавильных, стремились самостоятельно экспортировать на рынки выплавляемую на их предприятиях продукцию. Показательна в этом отношении привилегия, которую эрцгерцог Фердинанд осенью 1527 г. предоставил Гансу Паумгартнеру. Содержание ее сводится к тому, что отныне аугсбургский предприниматель получал возможность продавать по своему усмотрению серебро, выплавленное на его плавильнях в Кундле или других местах³³. Это отнюдь не означало, что откупщики серебра или других металлов не имели возможности заполучить продукцию других владельцев плавильных и горнопромышленников. В июне 1530 г. казначейство, предоставляя серебро на откуп компании того же Паумгартнера, дает указание горным властям, что «если встанут их (т. е. Паумгартнеров — Ю. Н.) плавильни или на них будет

³² M. Jansen. Anfänge der Fugger, Anhang, S. 114.

³³ K. O. Müller. Quellen..., S. 170.

выплавлено мало, или это серебро будет отписано другим, то им поставляется необходимое количество серебра, предназначенного для монетного двора, другими плавильщиками»³⁴. Вывод о преобладании в откупных операциях торгового капитала над промышленными с необходимостью следует из анализа приводимых Пельнитцем³⁵ цифровых данных о деятельности в Тироле торгового дома Фуггеров. Из этих данных следует, что Фуггеры получали гораздо больше серебра в качестве откупщиков и купцов-экспортеров, чем производили как горнопромышленники. Последнее обстоятельство порождало противоречия между торговцами металлами и промышленниками, между отечественными или местными предпринимателями и «чужестранцами» (Ausländern), которые засвидетельствованы целым рядом источников. Это соперничество принимало различные очертания, в том числе носило и характер экономической борьбы. Аугсбургские компании домогались получения монополий в торговле, привилегий и преимуществ в предпринимательской деятельности, поэтому огромную роль в этой борьбе играли сами Габсбурги и австрийская администрация. Борьба была ожесточенной, а «яблоком раздора», порож-

Т а б л и ц а 2

Участие компании Фуггеров в производстве и экспорте тирольского серебра (1527—1543 гг.)

Годы	Добыча серебра в Шваце	Фуггеры выплавляют	Фуггеры экспортируют
	в весовых венских марках		
1527	40 314	6 887	16 610
1528	34 885	5 835	7 185
1529	35 731	8 517	11 289
1531	36 448	6 542	11 221
1532	41 520	8 627	16 147
1541	29 006	5 752	9 032
1543	25 547	4 092	5 192

³⁴ Ibid., S. 147.

³⁵ G. von Pölnitz. Anton Fugger, Bd. I, SS. 424, 481, 514—518, 693; Bd. 2, I. Teil, SS. 526, 581.

давшим серьезные противоречия между аугсбургскими компаниями и местными горнопромышленниками, являлись поставки серебра монетным дворам в Галле и Виллахе. Эти поставки для купцов-откупщиков и владельцев плавильни носили принудительный характер и регламентировались как частными соглашениями казначейства с займодавцами, так и указами эрцгерцога, которые имели обязательную силу для всех. Решение вопроса о поставках серебра монетному двору проливает дополнительный свет на характер откупной системы и на условия, в которых протекала предпринимательская деятельность торговых фирм.

Обязательные поставки монетному двору составляли от $\frac{1}{8}$ до $\frac{2}{3}$ серебра, произведенного на предприятии владельца плавильни или приходящегося на долю откупщика. Так, например, в начале осени 1500 г. казначейство, сдавая на откуп компаниям Госсемброта и Герварта из Аугсбурга, Паумгартнерам из Куфштайна и Аугсбурга, Кноллю из Зальцбурга 77 355 марок серебра, обязало их поставить четвертую часть серебра, которое они получают в Шваце, на монетный двор в Галле³⁶. Оставшаяся часть серебра поступала в распоряжение откупщиков (источник ее называет Freisilber). Вполне понятно, что чем больше серебра экспортировала компания, тем большую прибыль она могла извлечь из откупной операции. Интересы казны толкали администрацию на путь уменьшения доли Freisilber, что неизменно вызвало недовольство и резкие возражения со стороны откупщиков. Наглядной иллюстрацией могут быть переговоры весной 1529 г. Кристофа Филиппа фон Лихтенштайна, Иоганна Цотта и Андреаса Тайблера в качестве доверенных лиц Фердинанда I с аугсбургскими банкирами и откупщиками Фуггером, Паумгартнером, Гервартом, Пиммелем и Манлихом, во время которых обнаружилось, что последние согласны предоставить очередной заем только в том случае, если казначейство будет аккуратно выполнять обязательства по прежним соглашениям, а это, по мнению банкиров, возможно лишь в том случае, если они будут поставлять монетному двору не более пятой или четвертой части серебра, приходящегося на их долю³⁷.

И чаще всего откупщикам удавалось заключать такие

---

³⁶ K. O. Müller. Quellen..., S. 201.

³⁷ Ibid., S. 172.

соглашения, которые гарантировали для них возможность вывоза значительного количества серебра в ущерб интересам местных промышленников и менее значительных землевладельцев, о чем, в частности, свидетельствуют приведенные выше данные о деятельности компании Фуггеров. Между тем получение местными предпринимателями серебра на вывоз, что открывало перед ними перспективу извлечения двойной прибыли — промышленной и торговой, являлось одновременно и важным стимулом успешного развития горных промыслов. Представители горной администрации вполне это сознавали (тем более, что обычно они совмещали государственную службу с частным предпринимательством). Участник переговоров с аугсбургскими банкирами, о которых шла речь выше, Иоганн Цотт, занявший в начале 30-х годов XVI в. пост старшего горного мастера Каринтии, по настоянию местных горнозаводчиков представил казначейству докладную записку, в которой, в частности, указал: «Так как горное дело во всей Каринтии находится в таком состоянии, что совершенно не приносит доходов, добывается мало золота и серебра, поэтому подъем горного дела возможен не иначе, как путем предоставления участникам разработок их золота и серебра в свободное распоряжение»³⁸. И нельзя сказать, чтобы правительство всегда оставалось глухим к подобным настроениям и требованиям, но оно вынуждено было быстро забывать о своих благих намерениях и отступать перед экономическим влиянием южнонемецких торговцев и ростовщиков. Когда в 1543 г. правительство ввело в Фалькенштайне новый распорядок, по которому отечественные горнопромышленники получали $\frac{2}{3}$, а иностранные только $\frac{1}{2}$ часть серебра в качестве Freisilber, Фуггеры, Паумгартнеры и другие богатые аугсбургские купцы начали энергично прибирать к своим рукам горные промыслы, плавильни и кузницы³⁹. Таким путем компании увеличивали количество металла, производимого на предприятиях, являвшихся их собственностью, и соответственно долю экспортируемого серебра. Другим действенным оружием южнонемецких откупщиков были частные соглашения с Габсбургами, которые по существу сводили на нет преимущества отечественных горнопромышленников. Постоянная нужда

---

³⁸ H. Wießner. Op. cit., S. 14.

³⁹ L. Scheuermann. Op. cit., SS. 58—59.

Габсбургов в кредитах побуждала их делать одну уступку за другой откупщикам и займодавцам.

Проникновение торговых компаний в горнорудную промышленность протекало в острой конкурентной борьбе, и к примеру, те же Фуггеры с одинаковой настойчивостью стремились к устранению конкуренции со стороны местных предпринимателей и других аугсбургских фирм. В начале 1509 г., когда монополия на экспорт серебра находилась в руках Якова Фуггера, казначейство имело неосторожность дать право на вывоз серебра из Тироля еще ряду купцов и предпринимателей, в том числе и Штунцу из Аугсбурга. Это решение правительства немедленно вызвало возражения со стороны Фуггера, который заявил чиновникам казначейства следующее: «Вы сами, вероятно, можете оценить, какой ущерб и убыток мне наносят плавильщики и свободное распоряжение серебром, так как Штунцем и его компаньонами выплавляется большое количество серебра»⁴⁰. Недовольство Якова Фуггера вызвало и решение казначейства в Иннсбруке, принятое осенью 1515 г., продать 8,5 тыс. марок серебра с плавилен Гохштеттера и Ауслассера Гансу Паумгартнеру, о чем нам известно из донесения Блазиуса Хельцля и Иоганна Цотта правительству⁴¹.

Итак, там где действует откупная система, сам по себе откупщик еще не является промышленником. В откупных операциях ведущую роль играют купец и ростовщик. Борьба, которая ведется за откупа металлов, является борьбой за получение торговой прибыли. Победа в этой борьбе достается аугсбургским торговым компаниям не только благодаря экономическому влиянию на княжескую администрацию с вытекающими из этого влияния монополиями и привилегиями, но и за счет хорошо налаженного и организованного аппарата для максимального извлечения торговой прибыли. Когда в марте 1499 г. Ганс Фюгер от имени десяти швацких горнопромышленников заключает с Фуггерами соглашение о поставках последним 15 тыс. центнеров меди⁴², то он руководствуется в данном случае не принуждением со стороны властей, а трезвым расчетом. Фюгер и его компаньоны стремятся использовать широко разветвленную сеть фуггеровских факторий с целью быстрой и выгодной

⁴⁰ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, S. 103.

⁴¹ K. O. Müller. Quellen..., SS. 139—140.

⁴² M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 359.

продажи меди. Однако откупные операции были лишь первым шагом на пути проникновения аугсбургских компаний в горнорудную промышленность. От откупов торговые дома переходили к субсидированию предприятий.

Из источников, имеющих в нашем распоряжении, известно, что Фуггеры осенью 1499 г. взяли на себя обязательство субсидировать княжеские плавильни, предоставляя для этой цели еженедельно по тысяче гульденов. В следующем году, в связи со строительством новой эрцгерцогской плавильни в Мюлау, они увеличили субсидии до 1,3 тыс. гульденов⁴³. В конце концов зависимость раттенбергских плавильен от фуггеровского капитала зашла так далеко, что с середины 20-х годов XVI столетия они несколько раз отдавались Фуггерам на откуп, т. е. продукция с этих плавильен поступала в распоряжение аугсбургской компании. Но торговая фирма, конечно, еще не была хозяином положения в горнорудной промышленности Тироля, получая плавильни Раттенберга только на откуп. Об этом можно судить из известного нам донесения императорских эмиссаров Блазиуса Хельцля и Иоганна Цотта от 2. X. 1515 г., в котором мы читаем: «Он (Яков Фуггер—Ю. Н.) рассказал также об одном особом отягощении, ибо если плавильни год назад производили от 12 до 14 тысяч марок серебра, то теперь, когда он вложил в них столько денег, они производят ежегодно не более 6—7 тысяч марок, что препятствует (получению) платежей, и этим ему наносится значительный ущерб, что он не мог предвидеть»⁴⁴. Отсюда следует: Фуггеры, получившие плавильни на откуп, столкнулись с нежеланием местных горнозаводчиков поставлять для них руду, и это не позволяло полностью загрузить печи плавильен.

В полной зависимости от торгового капитала оказываются ртутные рудники Идрии в Крайне. Уже к концу первой четверти XVI в. становится очевидным, что горные промыслы Идрии, которые так сильно зависят от удачного сбыта своей продукции не только на итальянском рынке (главным образом в Венеции и Генуе), но и в далеком Антверпене, не могут нормально функционировать без прилива значительных капиталов извне. Поэтому не удивительно, что именно в это время и появляются на идрийском гори-

---

⁴³ Ibid., SS. 93, 365.

⁴⁴ Ibid., S. 389.

зонте такие колоритные фигуры предпринимателей, банкиров и купцов, как братья Гохштеттеры из Аугсбурга. 1 января 1525 г. они заключают договор с горнозаводчиками Идри и эрцгерцогом Фердинандом, по которому обязывались закупить в последующие четыре года всю ртуть и киноварь, добываемые на местных рудниках, на общую сумму 300 тыс. гульденов. Договор также предусматривает, что Гохштеттеры ежегодно будут давать пайщикам горных товариществ св. Ахазия и св. Екатерины по четыре тысячи гульденов на «поддержание рудников»⁴⁵. На последнее обстоятельство нужно обратить особое внимание. Дело в том, что австрийские эрцгерцоги не только имеют право на получение поборов в качестве регальных господ, но и несут часть расходов, связанных с содержанием горных рудников и предприятий, выплачивая горнозаводчикам соответствующие суммы за каждый кубель добытой руды и за каждую марку или центнер выплавляемого металла. Эти субсидии княжеской администрации участникам разработок носят название «денег помощи и милости» (hilfs- und gnadgelt). Из договора Гохштеттеров с горнозаводчиками Идри следует, что отныне обязанность «по поддержанию горного дела» берет на себя аугсбургская фирма. Это, с одной стороны, укрепляет позиции фирмы на горных промыслах Идри, с другой — ставит продукцию этих промыслов в полную зависимость от колебаний конъюнктуры внешних рынков и от характера деятельности самих Гохштеттеров. То и другое дает в ближайшее время о себе знать и тяжелым бременем ложится на горнорудную промышленность Крайны. Прежде всего Гохштеттерам приходится столкнуться с ожесточенной конкуренцией со стороны Фуггеров, которые в том же году получают в аренду владения Маэстрацгос — имущество трех испанских духовно-рыцарских орденов, в том числе и альмаденские рудники, где добывается, в частности, ртуть, поставляемая Фуггерами в значительных количествах в Геную крупным компаниям Гримельди и Форнари⁴⁶. В 1527/28 гг. Гохштеттеры принимают участие в неудачной сделке с брюссельским двором и знаменитыми братьями Грехэм о поставках в Антверпен 350 700 фунтов ртути и 60 760 фунтов киновари. Выступивший в этой сделке в каче-

⁴⁵ J. Strieder. Studien., Anhang, S. 460.

⁴⁶ Ibid., SS. 304—305.

стве посредника и комиссионера Лазарь Тухер продает металлы с большим убытком в 74 тыс. фландрских фунта⁴⁷, что немедленно ставит аугсбургскую компанию перед угрозой банкротства.

Ртутные рудники Крайны после неудачной спекулятивной операции Гохштеттеров владели жалкое существование до тех пор, пока в 1539 г. их продукцию не взяла на откуп сроком на пять лет и не предоставила необходимых субсидий участникам разработок компания Паумгартнеров. Условиями этого контракта, как, впрочем, и предыдущего, предусматривалось ежегодное субсидирование идрийских рудников, но сама сумма субсидий (auf die sambcost und verleg des perckwerks или zu unterhaltung des perkwerks) была повышена с 4 до 6 тыс. гульденов⁴⁸. Интересно также отметить, что Паумгартнеры не только субсидировали горные товарищества идрийских ртутных рудников, но и предоставляли кредиты отдельным пайщикам этих товариществ, требуя от них поставок соответствующего количества металлов⁴⁹. Соглашения идрийских участников горных разработок при посредничестве австрийского правительства с компаниями Гохштеттеров и Паумгартнеров имели своим следствием сосредоточение торговой монополии на экспорт ртути и киновари в руках аугсбургских торговых домов, что поставило ртутные рудники Крайны в полную зависимость от этих компаний.

Тексты проектов двух соглашений, подписанных идрийскими горнопромышленниками с Гансом Паумгартнером во время переговоров в Радштатте в 1543 г.⁵⁰, проливают дополнительный свет на характер этих отношений. Первый вариант контракта представляет собой обычное соглашение о монопольных закупках аугсбургским торговым домом Паумгартнеров идрийской ртути и киновари в течение последующих пяти лет. Однако имеет смысл остановиться на содержании преамбулы договора, в которой указывается на то, что ведение горных разработок связано с большими расходами, и рудники почти не приносят доходов, поэтому пайщики разработок Идрии должны получить от Ганса Паум-

⁴⁷ R. Ehrenberg. Op. cit., Bd. I, SS. 214—215; G. von Pölnitz. Anton Fugger, Bd. I, S. 454.

⁴⁸ J. Strieder. Studien..., Anhang, SS. 463—474.

⁴⁹ Ibid., S. 316.

⁵⁰ K. O. Müller. Quellen..., SS. 94—99.

гартнера к шести тысячам гульденов, которые он дает им ежегодно, еще тысячу гульденов на «поддержание рудников» и «особенно на углубление забоев и шахт» (*sonderlich von wegen tiefe des gewerks und schächte*). Второй вариант договора гласит: «Так как горнозаводчики до сих пор должны были поддерживать рудники по большей части из собственного кармана и потому имели мало или никакого дохода, и долги поэтому росли, горнозаводчики делают Паумгартнеру некоторые предложения и предполагают продать ему полностью все имеющиеся у них доли и права в этих рудниках (что не могло бы быть в это время неприемлемым для него), ибо только так эти рудники смогут приносить большие доходы и могут лучше вестись разработки»⁵¹.

Итак, прежде всего отметим, что средств, которые сначала субсидировал на ведение горных разработок эрцгерцог, а затем аугсбургские торговые дома Паумгартнеров и Гохштеттеров, было явно недостаточно для ведения разработок. Это заставляло местных горнопромышленников искать новых путей и возможностей получения дополнительных субсидий, и в августе 1543 г. они склонились к мысли передать рудники в полное распоряжение компании Паумгартнеров. С этой целью участники разработок обязались передать фирме свои права на горные промыслы «со всеми рудниками, шахтами, забоями, вкладами и паями», два дома товарищества и замок, бочки для металлов и все принадлежащие товариществу леса. Паумгартнер получал также право на открытие и разработку новых рудников. Этот же проект соглашения предусматривал выплату компанией на каждый пай (*Guggus*) ежегодно по 38 гульденов, чем, собственно говоря, и ограничивались обязательства Паумгартнера по отношению к пайщикам идрийских рудников. Фактически аугсбургский купец должен был стать хозяином ртутных промыслов Крайны. О дальнейшей судьбе проекта известно только одно — он был отвергнут эрцгерцогом. И это вполне понятно, ибо он предусматривал свободное распоряжение тем, что принадлежало австрийскому дому по праву регального господина. Проект этого соглашения, однако, интересен тем, что наглядно показывает потенциальные возможности завоевания производства торговым капиталом⁵².

⁵¹ Ibid., S. 97.

⁵² В том же направлении происходило развитие ртутных промыслов в Горнорудном районе, где основной формой предприятий по добыче ме-

ПРОМЫШЛЕННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИЙ

В торговле австрийскими металлами и в откупных операциях аугсбургские компании активно участвуют с 80-х годов XV в., однако начало капиталистической деятельности этих предприятий, очевидно, следует отнести к более позднему времени. Предпринимательская деятельность торгово-ростовщических фирм выражается, во-первых, в строительстве и приобретении у прежних владельцев плавильных кузниц, дробильных толчей и других технических сооружений; во-вторых, в скупке паев горных товариществ (*Gewerkschaften*), занимавшихся добычей руды. Это те две основные формы вторжения торговых компаний в горнорудную промышленность, одним из важнейших моментов которого является превращение купеческо-ростовщического капитала в промышленный капитал.

Побочными, но очень важными (особенно в социальном аспекте) формами предпринимательской деятельности компаний в горнорудных районах являлось их участие в торговле салом, которое служило единственным источником освещения в забоях, скобяными изделиями, которые включали орудия труда горняков, и продовольственными товарами. Социальным аспектом этой стороны деятельности компаний было насаждение *Trucksystem*, т. е. оплаты труда рудокопов и подсобных рабочих продовольственными товарами. Эту систему следует рассматривать в качестве одной из первоначальных форм непосредственного подчинения труда капиталу в эпоху раннего европейского капитализма. Значительное место в деятельности компаний занимали мероприятия, направленные на создание топливной базы для металлургических предприятий и строительной — для горных разработок. Обычно компании арендовали леса у правительства, что, однако, имело далеко идущие социальные последствия.

талла были *Verlagsverträge*, в основе которых лежали соглашения о поставках руды к определенному сроку и по заранее установленной цене. Эти договоры следует рассматривать как дачу аванса (кредита), который обеспечивался паями или долями *Gewerken* (или *Lehnhaуэров*), получавших заем. Поскольку условия договора предприниматели выполняли далеко не всегда, то их пай оказывались в руках торговцев металлами из городов Саксонии и других земель Германии. R. Dietrich. *Op. cit.*, Bd. VII, S. 180.

Если рассматривать события в хронологическом плане, то на первом этапе проникновения в горнорудную промышленность аугсбургские торговые фирмы занимаются строительством и приобретением плавилен⁵³. Еще в 1495 г. Фуггеры с согласия епископа Бамберга и аббата местного монастыря начинают строительство плавильни в Арнольдштайне, а весной 1499 г. получают королевскую привилегию на торговлю «...швацкой медью, а также той зейгированной медью, которая производится на их плавильне в Каринтии»⁵⁴. Вскоре Арнольдштайн превращается в опорный пункт и базу фирмы не только в Каринтии, но и в горных предприятиях Фуггеров вообще⁵⁵. В Тироле в самом начале XVI в. в числе плавильщиков назван бюргер Аугсбурга Мельхиор Штунц⁵⁶, которого, очевидно, и следует считать пионером среди тех аугсбургских купцов, которые прокладывают дорогу к промышленному предпринимательству в этом районе. В 1509 г. братья Гохштеттеры получают на откуп завод по производству латуни⁵⁷, а к концу двадцатых годов они уже являются владельцами нескольких плавилен в Шваце. Осенью 1527 г. эрцгерцог Фердинанд отдает распоряжение горной администрации, чтобы она позволила Гохштеттерам «ту тауферскую медь, которой они так много перерабатывают в своей плавильне в Ройти (Rewty) и которая не отписана, поднимать в Тауфер и распоряжаться по собственной воле, однако при условии уплаты обычных поборов и пошлин»⁵⁸.

Полоса «грюндерства» буквально захлестывает Тироль в первые десятилетия XVI в. Аугсбургские компании, недавно приобщившиеся к торговле металлами, но уже успешные на этом поприще своей деятельностью снять обильную жатву, теперь энергично строят плавильни и металлургические предприятия, ибо это им обещает новые прибыли. Указом императора Максимилиана I от 16 июня 1513 г. разре-

---

⁵³ К такому выводу приходит и Вернер, который рассматривает в первую очередь материалы по истории горного дела Саксонии. Т. G. Werner. Op. cit., Bd. 57, SS. 127, 151—152.

⁵⁴ M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 272.

⁵⁵ Из Арнольдштайна Фуггеры отправили в Венецию с 1495 по 1504 гг. 50 297 венских центнеров меди и 21 740 венских марок серебра. G. von Pölnitz. Jacob Fugger, Bd. I, Darstellung, SS. 35—37.

⁵⁶ A. Zycha. Op. cit., Bd. 5, S. 279.

⁵⁷ Ibid., S. 278.

⁵⁸ K. O. Müller. Quellen..., S 204.

шается продать Гансу Паумгартнеру, Луке Гаснеру и Гансу Ауслассеру 15 тыс. марок серебра, «которое они делают в своей плавильне в Кундле» (so sy im irem hüttwerk zu Kundl machen), и лишь только в том случае, «если их собственные плавильни не дадут столько серебра, им должно быть предоставлено другое серебро». Очевидно, аугсбургские купцы Паумгартнер, Ауслассер и Гаснер уже в 1513 г. были владельцами плавилен. В этом же указе император гарантирует предпринимателям закупку руды, запасов свинца, дров, угля и прочего на нужды плавилен, «чтобы они данное серебро могли делать в своих плавильнях»⁵⁹.

Весьма энергично ведут строительство плавилен в Тироле Паумгартнеры, игравшие видную роль на протяжении нескольких десятилетий в местной горнорудной промышленности и являвшиеся основными конкурентами Фуггеров. Помимо плавильни в Кундле они строят в 1523 г. новую плавильню в Раттенберге, которая уже за первые восемь месяцев переработала свыше тысячи кубелей свинцовой руды, за что владельцы плавильни получают «деньги милости и помощи», чтобы «рудники могли давать больше не только свинца, но и серебра и меди»⁶⁰. В следующем, 1524 г., Фердинанд I разрешает Гансу Паумгартнеру построить собственную плавильню в Клаузене на реке Айзаке, что ниже Бриксена. Любопытно отметить, что, как это следует из донесения горной администрации, Паумгартнер намерен для строительства этой плавильни внести некоторые изменения в постройку и организацию работы, для чего хочет подвести канал и использовать воду⁶¹. Не менее характерна и реакция на эти новшества представителя горной администрации, который отнесся к ним весьма скептически. Он не верит в успех этих нововведений, так как они, по его словам, уже закончились неудачей несколько лет тому назад, и делает резюме: «Он (Паумгартнер — Ю. Н.) может понести одни убытки» (Er mechte etwa ein verlust schöpfen)⁶². В марте 1541 года горная администрация разрешает Гансу Паумгартнеру плавить свинец для отделения благородных металлов из руды в своей верхней плавильне в Кундле, так как ему же принадлежащая здесь нижняя плавильня была за-

⁵⁹ Ibid., SS. 137—138.

⁶⁰ Ibid., S. 75.

⁶¹ Ibid., SS. 75—76.

⁶² Ibid., S. 76.

топлена водой во время весеннего паводка⁶³. Изложенные выше факты красноречиво свидетельствуют о той роли, которую играет плавильное производство в предпринимательской деятельности фирмы Паумгартнеров.

Уже в первой половине XVI в. организация плавильного производства и добычи металлов зачастую была невозможна без крупных капиталовложений. Строительство плавильни и применение технических средств для откачки воды из забоев и шахт и для подачи туда свежего воздуха требовали значительных денежных средств, которые были под силу лишь богатым предпринимателям. Между тем разработки на богатейших рудниках Фалькенштайна в Шваце к этому времени часто велись на большой глубине, и это делало указанные затраты просто необходимыми. О характере таких затрат можно судить по следующим данным. Построенная в 1554 г. в Эрбштоллене (Швац) под руководством известного зальцбургского техника В. Лешера машина для откачки воды обошлась в 9860 гульденов⁶⁴. В 1546 г. Фуггеры приняли решение о строительстве большой плавильни в Лютценфельде (судебный округ Китцбюгель). Это строительство велось на протяжении почти трех лет (1547—1549 гг.) и стоило более 9 тыс. гульденов⁶⁵. В 1535 г. те же Фуггеры продали свою плавильню в Фулдеппе за 15 тыс. гульденов⁶⁶. Отсюда с необходимостью следует, что ход развития горнорудной промышленности ставил вопрос о денежных инвестициях, чем и облегчалось вторжение купеческого капитала в эту отрасль народного хозяйства. Аугсбургские компании основывали новые, обычно более мощные по производительности плавильни, что больно затрагивало интересы как княжеского казначейства, имевшего собственные плавильни, так и интересы мелких и даже средних предпринимателей — участников горных разработок, которые силою обстоятельств вынуждены были поставлять свою руду на эти новые предприятия, попадая в экономическую зависимость от их владельцев. И если, например, в Тироле раньше существовала широкая сеть княжеских плавильни, на которых перерабатывалась не только руда, получаемая горной администрацией в виде «оброка», и руда, приходив-

⁶³ Ibid., S. 93.

⁶⁴ M. von Isser-Gaudententurm. Op. cit., S. 435.

⁶⁵ F. Dobel. Op. cit., S. 205; L. Scheuermann. Op. cit., S. 50.

⁶⁶ G. von Pölnitz. Anton Fugger, Bd. I, S. 616.

шаяся на долю князя как «участника» горных разработок, но и руда тех горных товариществ, которые не имели собственных плавильных. И, как бы это парадоксально ни звучало, первый удар аугсбургскими торговыми компаниями был нанесен по княжеским плавильням. Наступление южнонемецких фирм на этот сектор горнорудной промышленности было успешным в силу целого ряда обстоятельств и причин.

Во-первых, австрийское правительство, постоянно имея казну пустой, вынуждено было в обмен на полученные кредиты, делать аугсбургским компаниям одну уступку за другой, расчищая тем самым им путь к предпринимательской деятельности. Во-вторых, правительство по мере возможности стремилось избавиться от той части расходов, которые непосредственно не служили достижению политических целей австрийского дома Габсбургов, сокращая в том числе и расходы на поддержание горного дела. И, наконец, казначейство не располагало торговым аппаратом, который мог бы успешно реализовать на рынках сбыта продукцию, полученную с княжеских плавильных. И если еще в начале XVI в. правительство пыталось строго следить за тем, чтобы руда регулярно и в полном объеме поступала на княжеские плавильни, о чем свидетельствует указ императора Максимилиана I от 13 февраля 1505 г., предписавший всем «участникам» горных разработок в Тироле поставлять княжескую долю руды для плавки на государственные плавильни, «и никуда иначе»⁶⁷, то в дальнейшем горная администрация, напротив, неоднократно сдавала плавильни на откуп или содержала их с помощью субсидий аугсбургских купцов и предпринимателей. Более того, есть основания предполагать, что во второй четверти XVI в. часть княжеской руды переплавлялась на частных плавильнях. В этом отношении интересно постановление верхнеавстрийского правительства от 24 июля 1537 г., которое обязывало всю эрбштолленскую руду в Фалькенштайне переплавлять в плавильнях Ганса Паумгартнера. Все заботы горной администрации в данном случае сводились к тому, чтобы обязать Паумгартнера и писаря его плавильных правильно взыскивать поборы, которые следуют княжеской казне⁶⁸.

---

⁶⁷ K. O. Müller. Quellen..., S. 72.

⁶⁸ Ibid., SS. 88—89.

В конце первой половины XVI в. тирольское казначейство было склонно рекламировать княжеские плавильни как филантропические организации, заявляя, что они существуют не ради их выгодности, а «для поддержания тех, кто, добывая руду, лишен возможности ее плавить, и еще для того, чтобы владельцы плавильни при скупке руды чрезвычайно не притесняли рудокопов»⁶⁹. Поэтому мысль об изъятии плавильного производства у частных лиц красной нитью проходит через ряд программных документов того времени и находит логическое завершение в «Земельном Уставе», автором которого является выдающийся руководитель восставших крестьян и горняков Михаил Гайсмайер, требовавший передачи всех плавильни в руки «поставленного страховой фактора»⁷⁰.

Деятельность аугсбургских компаний ущемляла интересы не только мелкопредпринимательских элементов и трудящихся масс, но и способствовала вытеснению с поля предпринимательской деятельности средних и даже крупных горнозаводчиков, к которым могут быть отнесены все владельцы плавильни. Представление об этом процессе мы можем себе составить на основании статистических данных, содержащихся в записях пробирных мастеров в Галле Йерга и Себастиана Андорферов⁷¹ (таблица 3). Если в 70-е годы XV в. выплавкой серебра и руды на горных промыслах Фалькенштайна в Шваце занималось 65 предпринимателей, то к 1534 г. при увеличении общего подъема продукции производство серебра сосредоточивалось в руках семи крупных горнопромышленников. По записям Андорферов можно составить довольно отчетливую картину того, как разорялись или отказывались от предпринимательской деятельности представители семейств старых швабских горнозаводчиков. Уже в конце 70-х годов прекратили поставки серебра монетному двору в Галле Рингсмаули и Фабианы, в 70-е годы Кауфманы и Шротеры, в 90-е — Рюмели и Фирмианы, в первое десятилетие XVI в. — Перли, Зигвайны и Грюнгоферы, во второе десятилетие — фон Россы, Яуфнеры и Лихтен-

⁶⁹ L. Scheuermann. Op. cit., S. 72.

⁷⁰ Впервые «Земельный Устав» Гайсмайера был опубликован В. Хонльдом (W. Honold. Die Meraner Artikel, Beilage 2, Tübingen, 1936). Нами этот источник использован в публикации Г. Франца (G. Franz, Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges, München, 1963, SS. 282—290).

⁷¹ A. Jäger. Op. cit., Beilage I, SS. 431—436.

Число швацких владельцев плавильен (1470—1534 гг.)

Годы	Выплавлено серебра в марках и лотах	Число владельцев плавильен		
		всего	в том числе:	
			прежних	новых
1470—1479	198 861,1	65	38	27
1480—1489	400 949,1	28	6	22
1490—1499	413 408,8	23	16	7
1500—1509	369 309,8	19	14	5
1510—1519	440 369,5	14	11	3
1520—1529	422 211,6	12	10	2
1530—1534	193 012,1	7	7	—

штайны. В конце концов к 1535 г. из местных предпринимателей лишь Тенцли, Штекли и Райфы продолжали выплавлять серебро. Четверо же других плавильщиков — это бюргеры Аугсбурга Паумгартнер, Фуггер, Буркхард и компания братьев Гервартов. Правда, в других горных округах Тироля еще владели плавильнями наследники Вергилия Гофера и Ганса Визера, а также Сигизмунд Фюгер, однако с ними соперничали Паумгартнеры, Фуггеры, Гохштеттеры и Пиммели из Аугсбурга⁷². Еще через десятилетие выплавка всего серебра в Тироле окончательно сосредоточилась в руках аугсбургских торговых компаний Фуггеров, Паумгартнеров, Гауга-Нейдхарта, Герватов и Манлихов, и только Тенцли и Штекли продолжали играть видную роль в качестве участников горных разработок и владельцев плавильен⁷³. Совершенно очевидно, что вторжение в горнорудную промышленность аугсбургских фирм имело следствием вытеснение с поля предпринимательской деятельности отечественных горнозаводчиков-капиталистов. Поэтому следует признать справедливым полные горечи слова одного из чиновников казначейства о том, что старые знаменитые роды предпринимателей Шваца к началу второй половины XVI в.

⁷² K. O. Müller. Quellen..., S. 87.

⁷³ L. Scheuermann. Op. cit., SS. 57—58.

«вымерли и оскудели» (gesterben und verdorben)⁷⁴. Результатом этих изменений в горнорудной промышленности Тироля была концентрация плавильных в руках небольшой группы предпринимателей, что достигалось прежде всего путем строительства более крупных, чем это было до сих пор, предприятий с несколькими печами и с максимальным использованием технических средств. Кроме того, крупнейшие аугсбургские горнопромышленники стремились строить плавильни в различных пунктах Тироля, чтобы обеспечить бесперебойное поступление руды на свои предприятия. Так, Паумгартнеры возводят плавильни не только в Кундле, но и в Раттенберге, Клаузене и Куфштайне. Фуггеры были владельцами плавильных в Шваце, Енбахе, Фулдеппе, Клаузене, Штерцинге, Лютценфельде и других местах Тироля⁷⁵, хотя вплоть до второй половины XVI в. они не были здесь самыми крупными плавильщиками.

Правда, было бы ошибочным все эти явления приписывать исключительно факту вторжения в горнорудную промышленность Тироля аугсбургских торгово-ростовщических компаний. Обратившись к цифрам таблицы 3, нетрудно будет обнаружить, что процесс концентрации плавильного дела начался еще до появления здесь южнемецких фирм. За последние три десятилетия XV в. число владельцев плавильных в Шваце сократилось почти в три раза (с 65 до 23), и, надо полагать, Тенцли и Штекли играли в этом процессе, примерно, ту же роль, что Фуггеры и Паумгартнеры. Появление аугсбургских фирм просто придало этому процессу более рельефные очертания и ускорило его ход.

Строительство или приобретение плавильных было лишь первым шагом на пути проникновения торговых компаний в горнорудную промышленность. Уже в первой четверти XVI в. аугсбургские предприниматели встали на путь непосредственного участия в горных разработках. С этой целью они энергично скупали паевые доли («четверти» или «куксы») горных товариществ (Gewerkschaften). Таким образом происходило дальнейшее приобщение торговых компаний к предпринимательской деятельности и совершалась трансформация купеческого капитала в промышленный капитал.

В нашем распоряжении имеются интересные свидетельства

---

⁷⁴ A. Zycha. Op. cit., Bd. 5, S. 280.

⁷⁵ Ibid., S. 285.

ства об участии в горных разработках Тироля известного аугсбургского торгового дома Паумгартнеров⁷⁶. Глава этой торговой компании Ганс Паумгартнер Младший совершил в 1533 г. своего рода инспекционную поездку, во время которой в фактории своей компании в Шваце составил инвентаризацию, содержащую сведения об участии фирмы в горных разработках. Эта инвентаризация позволяет точно установить, что компания Паумгартнеров начала инвестировать свои капиталы и в горные разработки с 1517 г.⁷⁷, когда она, используя финансовые затруднения аугсбургского бюргера Ганса Ауслассера, купила у последнего «доли» в рудниках Фалькенштайна. С этого момента она регулярно приобретала паи горных товариществ. Капиталовложения фирмы в горные разработки к 1533 г. составили около 44,5 тыс. гульденов. Кроме Фалькенштайна, Паумгартнеры имели также паи в рудниках Вайсеншровена, Раттенберга, Имста, Госсензаса, Штерцинга и Шнееберга. Хотя записи Ганса Паумгартнера и носят лаконичный и неполный характер, по ним все же можно установить, что контрагентами компании по сделкам с паями горных товариществ выступило не менее сорока лиц самого различного социального и общественного положения. Среди тех, у кого компания покупала паи, обнаруживаем имена лиц, находившихся у кормила власти или близко к ней стоящих. К числу таковых можно отнести Якова Госсемброта — советника Габсбургов по финансовым вопросам, Киприана Сернтайна — канцлера тирольского правительства⁷⁸, Себастиана Андорфера — пробирных дел мастера в Галле, доктора Петера Паумгартнера фон Фрауэнштайна и юнкера Лазаря фон Зундгайма⁷⁹.

---

⁷⁶ К. О. Müller. Quellen..., 251—269.

⁷⁷ Вернер, правда, пишет о том, что «Ленная Книга» Госсензаса и Штерцинга содержит запись за 1482 г. о получении инвентаризации аугсбургскими бюргерами Гансом Паумгартнером и Яковом Гервартом участков для ведения горных разработок (Т. G. Wegner. Op. cit., Bd. 58, S. 2). Однако эта попытка капиталистической деятельности, очевидно, для Паумгартнера и Герварта была неудачной, так как нам неизвестно, чтобы они в дальнейшем принимали участие в эксплуатации рудников вплоть до начала XVI в.

⁷⁸ O. Stolz. Geschichte des Landes Tirol, Bd. I, Innsbruck, 1955, S. 510.

⁷⁹ К. О. Müller. Quellen..., SS. 251—269.

Капиталовложения в горных разработках имели и духовные владыки, которые активно вели торговлю паями. Весной 1528 г. Паумгартнеры купили «доли» в рудниках св. Елизаветы и св. Анны в Клаузене, принадлежавшие до этого настоятелю кафедрального собора в Аугсбурге Вайту фон Нидертору. В то же время целых 215 «четвертей» в рудниках Клаузена, Граштайна, Пфедферберга, Лузена, Шнееберга и Госсензаса им продал епископ Бриксена Георг (общая стоимость этих паев составила 4,3 тыс. гульденов)⁸⁰. Не прошло и года, как «его светлость князь и господин Георг — епископ Бриксена» продал в совместную собственность Паумгартнера и Штекля свои пай в рудниках Штерцинга⁸¹. Из записей главы компании следует, что Паумгартнеры скупали также пай у семейств старых горнопромышленников Тироля, таких, как наследники Фридриха Харбера, Лангенмантелей, наследников Вергилия Гофера и Фюгеров, для которых подобные сделки часто были предвестниками банкротства. Книга пробирных мастеров в Галле позволяет сделать вывод о том, что операции последних по продаже паев горных товариществ сопровождалось уменьшением объема продукции, выплавляемой на их предприятиях, и даже отказом от дальнейшей деятельности в роли владельцев плавильен⁸². В качестве продавцов паев выступали также бюргеры городов Тироля (Ганс Вист и Ганс Цегентнер из Галля, Георг Эстермайер и Антон Дефарт из Штерцинга)⁸³. Таким образом, в качестве участников горных разработок в предпринимательскую деятельность были вовлечены представители самых различных общественных слоев. Однако все эти элементы постепенно вытеснялись с поля предпринимательской деятельности в результате вторжения в эту сферу более мощного капитала, носителем которого выступили аугсбургские торговые компании.

К сожалению, нам неизвестны многие из контрагентов компании Паумгартнеров по операциям с паями горных товариществ в Тироле, хотя установление их социального статуса представляло бы несомненный интерес. Так, например, вполне можно предположить, что Ганс Кнайсель, у которого Паумгартнеры покупают в 1523 г. «доли» в горных раз-

⁸⁰ Ibid., S. 81.

⁸¹ Ibid., SS. 259—269.

⁸² A. Jäger. Op. cit., SS. 431—436.

⁸³ K. O. Müller. Quellen..., SS. 251—259.

работках Имста, принадлежал к семейству тех нюрнбергских купцов, которые в начале XVI в. вели торговлю в Венеции и один из них, Себальд Кнайсель, был здесь в 1506 г. консулом немецкого «фондако»⁸⁴.

Знакомство с записями Ганса Паумгартнера позволяет сделать вывод и о том, что, во-первых, собственность на горные разработки уже в первой трети XVI в. подвержена большим перемещениям; во-вторых, направлением этих перемещений была концентрация горных промыслов в руках представителей торгового капитала; и, наконец, в-третьих, постоянными компонентами передвижений этой собственности являлись спекуляции и дух предательства и наживы, который, однако, не служил решающим рычагом развития горнорудной промышленности, как это склонны считать некоторые буржуазные историки, а был результатом и следствием раннекапиталистических отношений. Об атмосфере спекуляции свидетельствуют большие колебания цен на пай горных товариществ. Так, по нашим подсчетам, Ганс Паумгартнер купил в 1517 г. у Ганса Ауслассера «четверть» рудника «Zu St. Jacob und Stier» за 100 гульденов, а через год покупка «четверти» того же рудника у Андрея Вайдахера обошлась ему в 360 гульденов; если в 1516 г. «четверть» рудника «Zim pründl Heilig creutz» Ауслассер продал Паумгартнеру за 1680 гульденов, то позднее компания приобрела четверть этого же рудника у Андорферов всего лишь за 700 гульденов⁸⁵.

Большую настойчивость в овладении горными разработками и в подчинении их своему экономическому влиянию проявили Фуггеры. Начало их промышленно-предпринимательской деятельности в Тироле следует отнести к 1522 г., когда они приобрели плавильню в Раттенберге и примерно в это же время получили за долги пай горных товариществ, принадлежавшие до этого Мартину Паумгартнеру из Куфштайна⁸⁶. Гораздо раньше Фуггеры начали свою промышленную деятельность в Каринтии, где они, построив в конце XV в. большую плавильню в Арнольдштайне, с начала XVI в. стремились овладеть свинцовыми рудниками в Блай-

⁸⁴ H. Simonsfeld, *Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen*, Bd. 2, Stuttgart, 1887, SS. 193, 207.

⁸⁵ K. O. Müller, *Quellen...*, SS. 251--263.

⁸⁶ A. Zycha, *Op. cit.*, Bd. 5, SS. 275--276.

берге (Плиберк). К началу 1533 г. Фуггеры уже участвовали в разработках 12 рудников, в которых им принадлежало около четверти паев⁸⁷. Здесь на протяжении всей весны 1533 г. участники разработок рудников Блайберга вели переговоры при посредничестве епископа Бамберга, во владениях которого находились эти рудники, об условиях субсидирования разработок Фуггерами. В ходе переговоров участники указывали на то, что многие забои затоплены водой, а сбыт местной продукции, т. е. свинца, сталкивается с серьезными трудностями⁸⁸. В конце концов рудники Блайберга перешли Фуггерам, которые предпочитали сдавать эти рудники в аренду трудовым артелям рудокопов, что поставило последних в полную экономическую зависимость от аугсбургской компании. Кроме уплаты Фуггерам арендной платы, рудокопы должны были продавать им добытую руду по договорной цене. Однако и те, кто вел самостоятельные разработки, вынуждены были производить переработку руды на плавильнях, принадлежащих тем же Фуггерам⁸⁹.

Фуггеры вели также разработки серебряных рудников Штайнфельда в Каринтии, где в качестве участников во второй четверти XVI в. названы, что любопытно отметить, имена Гохштеттеров из Аугсбурга, Мартина Цотта, занимавшего должность старшего горного мастера Каринтии, а затем и казначея Тироля, наследников купца Пфлюгеля, Пауля фон Лихтенштайна — маршала Тироля и его дочери Анны, которая вышла замуж за богатого купца Неймана, также участника горных разработок⁹⁰. Отметим, что последнее обстоятельство являлось свидетельством весьма показательного для той эпохи союза купеческого кошелька и дворянской шпаги. В связи с этим следует подчеркнуть, что, хотя участие представителей дворянства в горнорудных предприятиях было очевидным фактом, который для Каринтии и Крайны характерен в большей степени, для Тироля — в меньшей, не следует преувеличивать значения данного обстоятельства, так как в горнорудных предприятиях дворянство не только не играло ведущей, но и сколько-нибудь значительной роли. В Каринтии и в Тироле приход в горнорудную промышленность аугсбургских торговых фирм со-

⁸⁷ G. von Pölnitz. Anton Fugger, Bd. I, S. 627.

⁸⁸ Ibid., SS. 611—612.

⁸⁹ L. Scheuermann. Op. cit., S. 231.

⁹⁰ H. Wißner. Op. cit., SS. 153—162; O. Stolz. Op. cit., S. 510.

проводился вытеснением с поля предпринимательской деятельности не только мелких и средних предпринимателей-капиталистов, но и дворянских элементов, о чем свидетельствуют как данные, собранные современным австрийским историком Виснером, так и неоднократно упоминавшиеся нами записи Андорферов.

Фуггеры еще в тридцатые годы XVI в. овладели ключевыми позициями в горнорудной промышленности Каринтии, но столкнулись с ожесточенной конкуренцией в Тироле, где им противостояли, однако, прежде всего не местные горнозаводчики, в том числе и из родового австрийского дворянства, а такие аугсбургские купцы и предприниматели, как Паумгартнеры, Гохштеттеры, Манлихи, Герварты и Пиммели. Среди аугсбургских предпринимателей Фуггеры лишь постепенно завоевали ведущие позиции, увеличивая инвестиции в горнорудную промышленность. К 1533 г. капиталовложения Фуггеров в горные разработки Тироля составляли немногим более 85 тыс. гульденов⁹¹, а к концу 1547 г. они в 39 рудниках Фалькенштайна имели 266 1/2 «четвертей» из общего их числа 1404, что составляло около 18% общего числа паев⁹². Фирма Фуггеров, таким образом, стала одной из ведущих фигур в горных промыслах Тироля, но назвать ее хозяином этих промыслов нельзя не только потому, что здесь долгое время прочные позиции занимали другие аугсбургские торговые дома, но и по той причине, что именно горные товарищества, ведущие разработки рудников, включали в себя наиболее стойкие мелкие и средние предпринимательские элементы, и еще в 1548 г. на долю местных горнопромышленников приходилось около 60% всей руды, добываемой в Фалькенштайне⁹³. Последнее не противоречит нашим наблюдениям, которые состоят в том, что аугсбургские компании еще задолго до 1548 г. завоевали ключевые позиции в горной промышленности этой области.

Из местных горнозаводчиков уже в тридцатые годы только Тенцли и Штекли продолжали владеть плавильнями, а остальные вынуждены были продавать или перерабатывать руду на предприятиях, принадлежащих аугсбургским торговым домам. Эти компании с большой неохотой брали на себя функции руководителей и организаторов горных разра-

⁹¹ G. von Pölnitz. Anton Fugger Bd. I, S. 628.

⁹² L. Scheuermann. Op. cit., S. 17.

⁹³ Ibid., S. 59.

боток. Так, например, нам известно, что Фуггеры совместно с Паумгартнерами из Аугсбурга в 1524/25 гг. вели разработки семи рудников Клаузена⁹⁴. Но этот случай в целом трудно назвать типичным для первой половины XVI в., так как южнонемецкие фирмы предпочитали использовать в своих экономических целях давно сложившиеся институты горных товариществ и трудовых артелей рудокопов.

Положение, правда, несколько изменилось с конца 40-х и начала 50-х годов XVI в. К этому времени истощение запасов богатейших в Тироле рудников Фалькенштайна стало очевидным фактом, поэтому некоторые из горнозаводчиков забрасывали старые рудники и вели самостоятельные разработки в других горных округах. Весьма показательна в этом отношении деятельность братьев Розенбергеров из Аугсбурга. Ганс Розенбергер специальным распоряжением правительства освобождался от уплаты «оброка» при первых распределениях сроком на восемь лет с собственных разработок в руднике святого Георга (в местности), называемой долиной Эдера (*in die seinen selbst aigenen paw im perkwerck Sannd Georgen im Ederthall genandt, von der ersten thailung an auf acht jar lang der fron genedigst zu befreyen*)⁹⁵. Освобождение от уплаты «оброка» и «обмена», очевидно, побуждало предпринимателя к грюндерской деятельности, о чем, в частности, свидетельствует ходатайство Ганса Розенбергера казначейству (в июне 1549 г.) с просьбой освободить сроком на десять лет от уплаты этих поборов (*auf 10 jar lang die freikait der fron und wechsel zu bewilligen*). Аугсбургский горнозаводчик просил власти принять во внимание тяжелые и трудные условия разработок, которые он ведет во многих местах графства Тироль (*in ansehung seiness schweren und harten verpawens, so er an mer orten in der graffschaft Tirol thuet*). Правительство Верхней Австрии нашло просьбу Розенбергера достаточно обоснованной, однако освободило его от уплаты «оброка» и «обмена» только на три года⁹⁶.

Плавильное производство сосредоточивалось в руках богатых капиталистов (на что нами уже было указано выше), которые обычно совмещали промышленное предпринимательство с торговлей и ростовщическими операциями. Это происходило по той причине, что переработка руды на пла-

⁹⁴ F. Dobel. Op. cit., S. 205.

⁹⁵ I. Lutzmann. Op. cit., S. 51.

⁹⁶ Ibid., S. 54.

вильнях требовала значительных капиталовложений (строительство плавильни в Тироле обходилось не менее чем в тысячу гульденов, что, по крайней мере, затрудняло участие мелкопредпринимательских элементов в горных предприятиях этого типа). Горные же разработки даже на богатейших в Тироле рудниках Фалькенштайна в первой половине XVI в. часто велись на незначительной глубине, небольшим числом рудокопов и не требовали значительных капиталовложений. Поэтому на горных промыслах долгое время существовали мелкие и мельчайшие предприятия. Так, швацкие участники жаловались: «Разработки лежат друг от друга так близко, что мы озабочены тем, что из-за этого могут произойти недоразумения»⁹⁷. Характер горных разработок изменялся только там, где они велись на большой глубине, что способствовало утрате паев мелкими предпринимателями, которым были не под силу расходы, связанные с ведением работ на большой глубине. Эти пай переходили к крупным горнозаводчикам. В роли последних чаще всего выступали аугсбургские компании. Австрийские власти, руководствуясь фискальными соображениями, по существу насаждали такие крупные предприятия, которым были бы под силу расходы, связанные с ведением горных разработок. С этой целью император Максимилиан еще в 1516 г. издал указ, предписывавший объединять рудники. И дело концентрации горных разработок продвигалось вперед, несмотря на оппозицию и сопротивление мелкопредпринимательских элементов. Если в Фалькенштайне в 1526 г. существовало 142 рудника, то в 1531 г. их стало всего лишь 38⁹⁸. В процессе концентрации горных разработок торговый капитал сыграл выдающуюся роль, так как ведение разработок на большой глубине практически было невозможно без крупных капиталовложений.

К сожалению, состояние источниковедческой базы не позволяет прийти к решению в окончательном виде вопроса об отношении этих компаний к техническому прогрессу и новым методам эксплуатации горных пород. Лишь в самой общей форме можно отметить, что руководители аугсбургских компаний стремились при наименьших капиталовложениях получить наибольшую прибыль и по возмож-

---

⁹⁷ St. Worms. Op. cit., S. 109.

⁹⁸ A. Zycha. Op. cit., Bd. 5, S. 285.

ности в более короткий отрезок времени. Поэтому, овладевая условиями труда, т. е. рудниками, и средствами производства — ручными машинами и техническими сооружениями, нанимая рабочих или заключая договоры и сдавая рудники в аренду, компании зачастую вели экстенсивную и хищническую эксплуатацию горных пород. Такие методы разработок еще современникам были известны под весьма характерным названием «Raubbau». Жалобы на «грабительские разработки» постоянно звучали в программных документах социальных движений того времени. Некоторый свет на затрагиваемую нами проблему проливает мемориал фактора компании Паумгартнеров в Шваце Якова Плана, в котором речь идет, помимо прочего, и о самых крупных в Тироле рудниках Фалькенштайна. План пишет, что «Фалькенштайн почти весь разработан, но из-за этого не (следует) им пренебрегать или сбрасывать со счетов по той причине, что в знаменитом Фалькенштайне содержится еще много добрых жил, а также неразработанных и нетронутых пород, которые без сомнения, дадут еще много руды». Фактор Паумгартнеров считает, что при введении соответствующих приспособлений, особенно для подачи в забой свежего воздуха, возможно вести разработки на большей глубине, т. е. там, где много руды. Но такие разработки возможны лишь при объединении капиталов и усилий владельцев плавильных и участников разработок. Подобный вариант, однако, и самому Плану представляется маловероятным и утопичным, и он собственными руками выносит проекту смертный приговор: «Но я говорю: к такому единству не прийти» (Aber ich sag, es werde zu solcher ainigkeit nit komen)⁹⁹. Сделать такой вывод фактора аугсбургского торгового дома побудила, вероятно, ожесточенная конкуренция между фирмами, каждая из которых стремилась занять монопольные позиции в горнорудной промышленности. Мемориал Плана подтверждает нашу мысль о том, что крупные горнозаводчики с большой неохотой шли на капиталовложения, связанные с интенсификацией эксплуатации горных промыслов, если это не обещало возмещения затрат и высокой прибыли в ближайшем будущем. В своих действиях предприниматели руководствовались прежде всего стремлением к извлечению возможно более высокой

⁹⁹ K. O. Müller. Quellen..., S. 280.

нормы прибыли, и на этом пути, надо сказать, их мало что могло остановить, о чем свидетельствует целый ряд фактов. Обратимся хотя бы к некоторым из них.

Летом 1532 г. горный судья Штерцинга Сигизмунд Шеппергер доносил австрийскому правительству о результатах проверки фуггеровской руды. Оказывается, что Фуггеры поставляли по «оброку» на княжеские плавильни руду самого низкого качества, а лучшую «оттягивали себе» (an sich gezogen)¹⁰⁰. Не прошло и двух лет, как 10 апреля 1534 г. иннсбрукские власти направили инструкцию мастеру плавилен Раттенберга с требованием провести расследование деятельности Фуггеров, так как вновь поступило заявление от горного судьи Штерцинга о том, что компания из Енбаха, Шнееберга, Ладурнбаха и долины Риднауна свозит богатую руду на свои плавильни (stracks zum berg in ir hüttwerk zu Sterzing hinführen lasse), а плохую — на княжеские плавильни¹⁰¹. Впрочем, ошибочно было бы полагать, что подобные методы предпринимательской деятельности были характерны лишь для аугсбургских компаний. Вот хотя бы один пример. В 1542 г. развернулась ожесточенная борьба в Китцбюгеле между компанией Вергилия и Кристофа Фрешльмозеров из Зальцбурга и Фуггерами. Обе партии стремились к одной цели: овладеть местными горными промыслами, построить плавильню и заполучить в аренду местные леса. Фрешльмозеры вели себя весьма активно, прибегнув к агитации среди горняков, которых буквально сманивали отовсюду на свои предприятия в Китцбюгеле¹⁰².

И все же наибольшую ненависть самых широких кругов населения в том же Тироле снискали аугсбургские фирмы, так как их деятельность была более значительной по масштабам и обычно получала поддержку со стороны правительства. Методы, которыми руководствовались руководители компаний, и характер их деятельности приводили аугсбургских предпринимателей к столкновениям с самыми различными общественными группами, в том числе и с княжеской администрацией, о чем шла речь выше, однако деньги уже стали той силой, которая заставляла капитулировать самых грозных противников. Когда на протя-

¹⁰⁰ G. von Pölnitz. Anton Fugger, Bd. I, S. 582.

¹⁰¹ Ibid., S. 640.

¹⁰² Ibid., S. 533.

жении всего лета 1544 г. происходила напряженная борьба аугсбургских компаний с тирольскими горнопромышленниками, правительство попыталось было взять сторону последних, но необходимость получить заем, который Габсбургам были в состоянии представить только Фуггеры, Паумгартнеры и Пиммели, заставила правительство пойти навстречу настойчивым домогательствам аугсбургских банкиров. Эрцгерцог Фердинанд в письме к штатгальтеру, регентам и казначейству Верхней Австрии в достаточно убедительных словах формулировал условия и причины этой капитуляции: «Соглашение с тремя купцами в высшей степени обременительно. Мы знаем, что названные лица имеют большую прибыль в 20 или 24% от этой торговли, от процентов и вывоза серебра и меди, мы также неохотно о том слышим речи, и мы также желали бы передать эту торговлю кому-либо другому. Но нужда не терпит никаких законов»¹⁰³.

Особый колорит деятельности торговых фирм в горнорудных районах придает, во-первых, их участие в торговле скобяными изделиями и салом (Eisen und Unschlitthandel) и продовольственными товарами (Pfennwerthandel); во-вторых, борьба за создание топливной и строительной базы для своих предприятий. Именно эта сторона деятельности аугсбургских компаний получила, пожалуй, особый общественный резонанс и стала объектом наиболее яростных нападков со стороны различных социальных групп населения горнорудных районов. Однако следует иметь в виду, что участие аугсбургских фирм в торговле этими товарами во многом было обусловлено своеобразием экономической структуры горнорудных районов. Особенно это относится к Тиролю, где уже во второй половине XV в. местное сельское хозяйство не могло обеспечить продовольствием бурно развивающиеся горные промыслы. Поэтому зерно (пшеница, рожь) и мясомолочные изделия ввозились сюда из Нижней Австрии, Баварии и даже Чехии¹⁰⁴. Скот поставлялся из Венгрии, Штирии и Каринтии¹⁰⁵. Скобяные изделия, включавшие прежде всего орудия труда горняков, ввозились из Метцгерна в Пассау и со знаменитых штирийских

¹⁰³ K. O. Müller. Quellen..., S. 104.

¹⁰⁴ L. Scheuermann. Op. cit., S. 25.

¹⁰⁵ O. Stolz. Geschichte des Zollwesens, Verkehr und Handel in Tirol und Voralberg, Innsbruck, 1953, S. 220.

железоделательных и сталелитейных предприятий Линна, Леобена и Граца¹⁰⁶.

По имеющимся в нашем распоряжении данным, первая аугсбургская компания для торговли скобяными изделиями и продовольственными товарами на рудниках, плавильнях и лесозаготовках Тироля возникла весной 1517 г. Ее основателями были уже известные нам предприниматели Ганс Паумгартнер, Лука Гаснер, Ганс Ауслассер и Бенедикт Катцбек. Основной капитал компании составил 84 250 гульденов¹⁰⁷. Правда, в январе 1526 г. предприятие перешло к новым владельцам, так как его пай приобрели Антон Фуггер, Буркхард, братья Герварты и Пиммели. Отныне компания стала функционировать под названием «Schwäzger Berg—Schatz—und Pfennwerthandel»¹⁰⁸. Она вела торговлю не только скобяными изделиями и салом, но и металлами. Но особенно бурно росли предприятия, которые специализировались на торговле исключительно скобяными изделиями и салом. При этом создавались региональные компании в отдельных горных округах Тироля. В частности, капиталовложения Фуггеров в такого рода торговлю в том же Тироле к середине XVI в. достигли нескольких тысяч гульденов¹⁰⁹.

Однако торговля аугсбургских компаний скобяными и продовольственными товарами не носила самостоятельного характера и находилась в прямой зависимости от их промышленно-предпринимательской деятельности. Поэтому понятно что, например, Паумгартнеры и Фуггеры приобщились к этой деятельности в Тироле лишь после того, как стали горнопромышленниками. Участвуя в этой торговле и одновременно выступая в роли предпринимателей и работодателей, фирмы получали возможность производить расчет с наемными рабочими продовольственными товарами, салом для освещения и орудиями труда по завышенным ценам, снижая тем самым реальную заработную плату и увеличивая собственные прибыли. Это и составляло сущность так называемой Trucksystem, широко практиковавшейся в эпоху раннего европейского капитализма. Так, Мельхиор Путц, выходец из Аугсбурга, богатый горнопро-

¹⁰⁶ L. Scheuermann, Op. cit., S. 26.

¹⁰⁷ K. O. Müller, Quellen., SS. 72, 227—228.

¹⁰⁸ F. Dobel, Op. cit., S. 202.

¹⁰⁹ L. Scheuermann, Op. cit., S. 99.

мышленник Каринтин, энергично насаждал эту систему, следующим образом оплачивая труд рудокопов: «Одному рабочему, имеющему жену, за 14 дней 2 фунта сала, 2 фунта творога, 6 фунтов сыра, 2 фунта мяса и около 10 хлебов, 1—2 фунта свинины»¹¹⁰. В той же Каринтии на золотых приисках Клининга, которые, в частности, разрабатывались компанией Фуггеров, расчет с наемными рабочими производился вином и другими продовольственными товарами¹¹¹. Известно, что в середине XVI в. на плавильни Рерербюгеля и рудники Шваца, Китцбюгеля, Штерцинга, Клаузена, Нальса и Терлана братья Розенбергеры «ввозили в страну только на нужды горного дела» (so sy allain zu potturft der perkwerch in landt fuern) скобяные изделия и сало¹¹².

Принимая активное участие в торговле продовольствием и скобяными изделиями, владельцы иноземных фирм стремились производить расчет с наемными рабочими именно этими товарами, что, естественно, вызывало решительные возражения со стороны политических и социальных противников аугсбургских предпринимателей. И надо сказать, что противникам монополий и аугсбургских торгово-промышленных предприятий неоднократно удавалось добиваться от австрийских властей издания предписаний, запрещающих расчет с наемными рабочими продуктами. Однако предписания не имели особого успеха, так как торгово-ростовщические фирмы с удивительной настойчивостью восстанавливали эту систему¹¹³.

Насаждение Trucksystem, являвшейся одной из первоначальных форм подчинения труда капиталу, затрагивало интересы большинства трудящихся, занятых на горных промыслах. Мероприятия компаний, направленные на обеспечение своих предприятий топливом и строительными материалами, получали тот общественный резонанс, который далеко выходил за региональные рамки горнорудной промышленности. Лес к тому времени стал одним из важнейших видов товара, он не только экспортировался, например, из Тироля на итальянские рынки, но и потреблялся местной горной промышленностью, где находил примене-

¹¹⁰ H. Wießner. Op. cit., SS. 107—108.

¹¹¹ Ibid., SS. 223, 231.

¹¹² I. Lutzmann. Op. cit., S. 53.

¹¹³ O. Hue. Die Bergarbeiter im Mittelalter, Stuttgart, 1910, S. 275.

ние на столярных и крепежных работах и служил единственным видом топлива в плавильнях. В этих условиях, с одной стороны, казна стремилась превратить леса в один из источников дохода, и австрийский горный устав 1517 г. недвусмысленно объявлял все леса, находящимися в руках князя и предназначенными для нужд его рудников¹¹⁴. С другой стороны, феодальное дворянство также втягивалось в торговлю лесом и вело энергичное наступление на общинные лесные угодья, о чем, в частности, свидетельствуют жалобы общин, наказания депутатам ландтага и программы оппозиционного движения во время Крестьянской войны в Тироле¹¹⁵. Подобный ход развития имел своим результатом резкое ухудшение условий пользования крестьянами землями альменды, и часто было так, что им приходилось, как это случилось с общиной Браунег, покупать лес из третьих рук у спекулянтов¹¹⁶. Вероятно, есть основания утверждать, что в этом же направлении протекала и деятельность компаний, так как по мере проникновения аугсбургского капитала в горнорудную промышленность торговля лесом и снабжение им горных разработок, находившееся ранее в руках так называемых Fündingern (лесозаготовщиков и торговцев лесом)¹¹⁷, перешло к южнонемецким фирмам, которые арендовали леса у правительства. Это неизбежно вело к столкновениям с горными общинами, что может быть проиллюстрировано на примере деятельности не только печально известных в Тироле Фуггеров, но и других иноземных капиталистов.

Причиной длительной судебной тяжбы капиталистов-горнозаводчиков с рядом крестьянских общин послужило решение верхнеавстрийского правительства предоставить братьям Розенбергерам право производить вырубку лесов на нужды горного дела (zug notturft der perwerch daselöst und sein Rosenbergs dargeben werden)¹¹⁸. Работа фуггеровской плавильни в Штерцинге также сопровождалась вырубкой местных лесов, и крестьяне расположенных поблизости деревень жаловались, что на их поля и луга ложится

---

¹¹⁴ A. Zycha. Op. cit., Bd. 6, S. 241.

¹¹⁵ «Acta Tirolensia», Bd. 3, SS. 24, 129, 140, 154.

¹¹⁶ Ibid., S. 115.

¹¹⁷ L. Scheuermann. Op. cit., SS. 20, 236.

¹¹⁸ I. Lutzmann. Op. cit., S. 54.

пепел плавильни, который этим полям «наносит ущерб, истощает и портит»¹¹⁹.

Осенью 1534 г. против строительства новой фуггеровской плавильни решительно протестовали общины городов Бриксена и Клаузена. Бургомистры и магистраты этих городов направили делегацию к горному судье. Делегация заявила о том, что строительство плавильни приведет к уничтожению лесов, которые иноземные фирмы рубят самовольно, и к росту дороговизны. В пылу спора горный судья был обвинен в попустительстве Фуггерам. Насколько справедливым было это обвинение нам неизвестно, хотя большая плавильня с семью печами к лету 1535 г. благополучно вступила в строй и стала давать металл, а местные жители безуспешно продолжали обивать пороги горного ведомства, заявляя властям о том, что скоро они останутся без леса, придут в негодность поля и луга, а от дыма печей плавильни будут страдать люди и животные¹²⁰. Претензии общин Бриксена и Клаузена власти в конце концов нашли необоснованными, на что жалобщики бросили последним упрек в том, что иностранные купцы пользуются большей благосклонностью правительства, чем подданные этой страны. Представители общин Бриксена и Клаузена упорно продолжали настаивать на том, что Фуггеры не имеют никаких прав на принадлежащие их общинам леса¹²¹. И нетрудно заметить, что претензии общин относительно лесов носили вполне обоснованный характер, но Фуггеры, как и другие иностранные компании, заручившись поддержкой правительства Габсбургов, могли спокойно продолжать свою деятельность.

ВЫВОДЫ

1. Первым шагом, побудившим аугсбургские компании к участию сначала в торговле металлами, а затем и к предпринимательской деятельности в горнорудной промышленности, явились кредитно-ростовщические операции торговых домов с австрийским правительством Габсбургов. Именно на этой почве возникла откупная система, существ-

¹¹⁹ G. von Pölnitz. Anton Fugger, Bd, I, S. 341.

¹²⁰ Ibid., SS. 655, 663.

¹²¹ Ibid., S. 673.

зование которой обуславливалось возможностью мобилизации торговыми фирмами крупных денежных средств (для того времени) и наличием у кредитора реальных прав, проистекавшие из которых поборы и служили своеобразным средством погашения долга.

2. От роли откупщиков металлов аугсбургские компании переходили к субсидированию как княжеских, так и частных горнорудных предприятий, что открывало перед компаниями перспективу овладения и средствами производства, т. е. плавильнями, заводами, рудниками и т. д.

3. Деятельность аугсбургских компаний в Тироле, Каринтии и Крайне дает конкретный материал превращения купеческого капитала, аккумулированного в ростовщических операциях и в торговле товарами, в промышленно-предпринимательский капитал. Основными формами функционирования последнего в промышленной сфере было: а) приобретение и строительство плавильных, дробильных, толчей и ручных машин; б) участие в разработках рудников, а побочным продуктом — торговля продовольствием, салом и скобяными изделиями, которая тесно связана с насаждением Truicksystem, и создание для своих предприятий топливной и строительной базы.

4. Аугсбургские компании, конечно, не были капиталистическими предприятиями по преимуществу, так как их участие в горнорудной промышленности тесно переплетается и находится в зависимости от торговой деятельности и банковско-ростовщических операций с Габсбургами. Причем, торговля и ростовщичество имеют для этих фирм первостепенное значение, и данным родам деятельности подчинено промышленное предпринимательство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование организации, структуры, торгово-ростовщической и промышленно-капиталистической деятельности южногерманских компаний позволяет затронуть, в чем мы неоднократно имели возможность убедиться, целый ряд вопросов, которые далеко выходят за рамки собственно истории этих предприятий. Поскольку результаты наших наблюдений и выводов в более или менее развернутом виде изложены в конце каждой из глав очерка, то здесь мы вкратце

остановимся лишь на самых общих аспектах исследования.

Прежде всего следует признать оправданной постановку вопроса о роли и значении торгового капитала в эпоху зарождения и развития раннекапиталистических отношений на конкретном историческом материале. Деятельность южногерманских торговых компаний конца XV — начала XVI века красноречиво свидетельствует о том, насколько сложным и противоречивым оказывается экономическое и социальное содержание исторической миссии, выпавшей на долю этого капитала. И в самом деле, с одной стороны, торговые компании являются создателями и организаторами мануфактуры рассеянного типа в текстильной промышленности, а владельцы фирм помещают капиталы, нажитые за счет ростовщичества и торговли, в горнорудные промыслы, где строят плавильни, металлургические заводы и даже встают на путь самостоятельного ведения горных разработок. Если не может быть сомнения в том, что деятельность торговых фирм в горной промышленности в известной степени носит капиталистический характер, то гораздо сложнее вопрос о роли этих компаний в организации капиталистической мануфактуры в текстильной промышленности. Этот вопрос нуждается в уточнении и разъяснении и потому, что он не является специальным объектом нашего исследования и затрагивается нами лишь вскользь. Между тем от решения данной проблемы во многом зависит и общая оценка места и значения торгового капитала в эпоху зарождения и развития раннекапиталистических отношений в Европе.

В. И. Ленин вполне определенно указывает на то, что «из раздробленного мелкого производства вырастает капиталистическая простая кооперация» и первоначальная форма мануфактуры, которая составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства. По мысли В. И. Ленина, мануфактура «...отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих»¹. В организации этой зачаточной формы капиталистических предприятий в текстильной промышленности значительная роль принадлежала купеческому капиталу, и В. И. Ленин резко критикует русских народ-

---

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, изд. 5-е, т. 3, стр. 354.

ников за то, что те утверждают, «будто скупщики... те же ростовщики, чуждые производству элементы и т. п.»². Объяснение данному историческому явлению следует искать в том, что в условиях развития капиталистических отношений «...сбыт может быть организован только крупным капиталом»³.

В условиях Южной Германии XV—XVI вв. само существование бурно развивающегося бумазейного производства, сырьем для которого служил хлопок, поставляемый из Венеции, Южной Италии, стран Леванта и с североафриканского побережья, а отчасти и льноткацкого, где условиями жесткой конкуренции диктовалось применение в виде сырья высококачественного северогерманского льна-долгунца, было немислимо без участия крупных торговых компаний. Эти компании выступали не только как раздатчики сырья ремесленникам-ткачам, но и как скупщики готовой продукции, которая опять-таки находила сбыт на рынках, географически отдаленных от места их производства. Когда В. И. Ленин писал о том, что «самая тесная и неразрывная связь между торговым и промышленным капиталом есть одна из наиболее характерных особенностей мануфактуры»⁴, то имел в виду особенности организации текстильной промышленности на этапе раннего капитализма, который не успел еще подчинить торговлю, выступающую в качестве одной из функций производства, промышленному капиталу. Вот почему «в мануфактуре с промышленным капиталом переплетается самыми разнообразными способами торговый, и зависимость работника от капиталиста приобретает массу форм и оттенков, начиная от работы по найму в чужой мастерской, продолжая домашней работой на «хозяйна», кончая зависимостью по закупке сырья или сбыту продукта»⁵. Таким образом, можно считать бесспорным, что подобная организация промышленности носила капиталистический характер, хотя В. И. Ленин и называл работу на скупщика «отсталой формой капитализма»⁶, хотя, когда речь идет о более ранней эпохе (XV—XVI века), этот тип

---

² В. И. Ленин. Собрание сочинений, изд. 4, т. 1, стр. 401.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 3, стр. 365.

⁴ Там же, стр. 439.

⁵ Там же, стр. 435.

⁶ В. И. Ленин. Собрание сочинений, изд. 4, т. 1, стр. 402.

рассеянной мануфактуры точнее назвать первоначальной и примитивной формой капитализма.

Роль торговых компаний в организации капиталистической мануфактуры в льноткацком и бумазейном текстильном производстве и их деятельность в горнорудной промышленности, казалось бы, свидетельствует о том, что в этом случае купец и ростовщик все же сбрасывает средневековые одежды и становится предпринимателем капиталистического типа. Такой вывод, однако, справедлив лишь отчасти, так как нетрудно обнаружить, что тот же купец не только не отказывается от торгово-ростовщической деятельности, но и, напротив, подчиняет ей участие в горнорудных промышленных предприятиях. В текстильном производстве купец-капиталист консервирует рассеянную мануфактуру, которая наиболее отвечает его эгоистическим интересам. По этой причине у нас нет оснований безоговорочно относить южногерманские торговые компании XV—XVI вв., как это делает значительная часть буржуазных историков, к числу капиталистических предприятий. Поскольку модернизация исторических явлений и общественных отношений присуща и современной буржуазной историографии, то одной из основных задач нашего исследования было показать, что как по форме организации, так и по характеру деятельности эти компании не являются по преимуществу капиталистическими предприятиями. Двойственная природа купеческого капитала, на что неоднократно указывал К. Маркс, во многом объясняет, в свою очередь, характер деятельности южнонемецких фирм.

СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В ВЕРХНЕЙ АВСТРИИ В XV — НАЧАЛЕ XVI вв.

Марксистско-ленинская историческая наука различает три взаимосвязанных формы феодальной ренты — отработочную, натуральную и денежную, которые в процессе развития последовательно сменяют друг друга. Переход от примитивных форм ренты к более прогрессивным предполагает усиление эксплуатации зависимого крестьянства, поскольку изменение ренты носит не только качественный, но и количественный характер.

Однако это обстоятельство не исключает явлений обратного порядка, то есть некоторого снижения интенсивности эксплуатации на отдельных этапах развития общества. Мало того, процесс замены одного вида ренты другим далеко не всегда проходит строго последовательно. При господстве денежной ренты возможно сохранение натуральных и даже отработочных повинностей, а преобладание продуктов в системе феодальных платежей не может исключить наличие среди них денег и барщин¹.

Другими словами, развитие феодальной ренты есть сложный и противоречивый процесс, в котором проявляются наиболее общие закономерности эволюции феодального хозяйства. Поэтому исследование этих закономерностей носит, на наш взгляд, принципиально важный характер. Оно позволит выяснить не только методы извлечения прибавочно-

¹ К. Маркс. Капитал, т. 3. М., 1953, стр. 809.

го продукта из непосредственных производителей, показать степень их эксплуатации, но и проследить основное направление эволюции феодальной вотчины в тот период.

Изучение указанных вопросов на основе материалов, относящихся к Верхней Австрии XV — начала XVI вв., представляет особый интерес. Земли Верхней Австрии, как и остальные австрийские владения Габсбургов, расположены на стыке между странами Западной и Восточной Европы. Они разграничивают области, в которых в XVI веке зародились два типа вотчины, известные в исторической литературе под названием Grundherrschaft и Gutsherrschaft. В связи с этим исследование эволюции феодальной вотчины в Верхней Австрии в XV — начале XVI вв. позволит выяснить, характерны ли для этого района один или оба пути развития, или же здесь сложился особый, третий тип феодальной вотчины.

Для исследования перечисленных выше проблем мы используем несколько видов исторических источников. Наиболее ценными и интересными из них являются поземельные описи (урбарии) — опись бенедиктинского аббатства Кремс-мюнстер 1434 года², отрывок из описи монастыря Вальдгаузен 1451 года³, урбарий бенедиктинского аббатства Кремс-мюнстер 1467—1468 гг.⁴, поземельная опись монастыря Шпиталь 1492 года⁵ и некоторые другие урбарии, относящиеся к первой четверти XVI века. Указанные документы дают нам сведения о поборах с крестьян более чем 250 сел на протяжении почти 100 лет.

В качестве иллюстративного материала мы привлекаем данные многочисленных уставов (Wiestümer), грамот публичного и частного характера и некоторых других источников⁶.

---

² Österreichische Urbare. III Abteilung. Urbare geistlicher Grundherrschaften. 2. Band, 2. Teil. Die Mittelalterlichen Stiftsurbare des Erzherzogtums Österreich ob der Enns. Wien und Leipzig, 1913, S. 227—302. Далее — ÖU, Bd. 2, T. 2.

³ Österreichische Urbare. III Abteilung. Urbare geistlicher Grundherrschaften. 2. Band, 3. Teil. Die Mittelalterlichen Stiftsurbare des Erzherzogtums Österreich ob der Enns. Wien und Leipzig, 1915, S. 263—287. Далее — ÖU, Bd. 2, T. 3.

⁴ ÖU, Bd. 2, T. 2, S. 303—435.

⁵ Ibidem, S. 533—617.

⁶ Österreichische Weistümer. Gesammelt von der Akademie der Wissenschaften. Bd. 13. Graz-Köln, 1956; Bd. 14. Graz-Köln, 1958; Bd. 15. Graz-Köln, 1960.

Поземельная опись владений Бенедиктинского аббатства Кремсмюнстер (1434 г.) насчитывает около 1700 объектов держаний в 20 административных округах. Она фиксирует отработочную ренту в 16 из них, то есть в подавляющем большинстве владений аббатства⁷.

Состав барщинных повинностей крестьян этой области очень разнообразен. В описи постоянно отмечаются такие виды работ, как вспашка земли, боронование, различные ручные работы, жатва, заготовка сена на барских лугах, рубка леса; помимо этого, крестьяне многих округов Кремсмюнстерского аббатства были обязаны вывозить удобрения на поля феодала, доставлять вино в город для продажи, сторожить господские владения и др. Отработочная рента, таким образом, многообразна по составу и охватывает все жизненно важные области хозяйственной деятельности вотчины — от обработки земли до перевозки урожая к местам хранения, включая все промежуточные операции.

К 30-м годам XV столетия отработочная рента в Верхней Австрии далеко не всегда выступает в своем обычном, некоммутированном виде. Часть работ в тот период уже была переведена на деньги, причем размеры платы за коммутированные повинности установились довольно прочно. Это явление отражается данными поземельных описей.

Процесс перевода отработок на деньги затронул, в первую очередь, извозные повинности. Почти повсеместно источники указывают не на количество вина, которое подлежит доставке в город, и не на число дней, которое должен отработать держатель, а на сумму денег, причитающуюся с последнего вместо всех работ. Так, в округе Леомбах эта статья дохода составляла 2 фунта 51 пф. с 10 деревень⁸; в округе Вайскирхен, насчитывающем 70 держателей, сумма

⁷ Данная опись содержит сведения о повинностях держателей без указания на место, где они проживают. Обычно фиксируются только наименования округов. Для некоторых районов в этом отношении сделано исключение. Например, источник сообщает, что округу Леомбах принадлежало 10 сел, Дерндорфу и Вайскирхену — по 6 сел; 64 держания в округе Бургштальгоф располагались в 2-х приходах, а 110 держаний округа Линдмайр — в 13 селах. В среднем на деревню приходилось 9—11 держателей. Отсюда число населенных пунктов, описанных источником, приблизительно равнялось 180—190. См. стр. 228—302 указанного выше урбария.

⁸ OU, Bd. 2, T. 2, S. 234.

поступлений за счет коммутации винных перевозок равнялась 7 шиллингам 9 пф. (по 10 пф. с держателя лена)⁹. В селах Бруннарн, Гайшинг, Оберндорф норма обложения была также равна 10 пф., в Леомбахе — 6 пф., в Вайцендорфе — 6,5 пф. с держателя¹⁰. Несколько ниже поборы этого типа в округах Эггенберг и Центгоф — по 5 пф. с владельца¹¹. Вообще же размер платы устанавливался в соответствии с размерами держания. Например, владелец трех ленов Гендель Пергарн уплачивает в 3 раза больше, чем крестьянин с одним наделом¹².

Опись 1434 года регистрирует, кроме того, случаи, когда обязанность перевозить вино не коммутируется. Такой факт отмечен в округах Вайнберг и Ау¹³. Крестьяне из области Вайнберг должны были, судя по записи в урбарии, доставлять в город Эннс от 4 до 7 подвод вина¹⁴. Эта повинность возлагалась на 14 держателей из 57, проживающих в Вайнберге. В Ау, где было 37 объектов держаний, общее число подвод с вином, подлежащих доставке в город, было равно 30¹⁵, то есть здесь повинность была возложена тоже не на всех держателей, а только на часть из них (одному крестьянину было положено перевезти не менее трех подвод).

Факты показывают, что, несмотря на процесс коммутации, некоторые виды барщин все еще сохраняются в обычном виде и особенно там, где в этом испытывается острая хозяйственная необходимость.

В 30-х годах XV столетия коммутации подвергались не только извозные повинности. В равной мере этот процесс затронул и работы, непосредственно связанные с приложением сил на земле феодала. Судя по свидетельству источника, требование пахать барскую землю было распространено в 4 округах из 16, где зафиксированы барщины, и только в одном из них — Бужкирхене, — крестьяне действительно от-

⁹ Ibidem, S. 237—241. В этом селе извозом была обязана часть держателей.

¹⁰ Ibidem, SS. 228, 229, 230, 231.

¹¹ Ibidem, SS. 245—247, 298—299.

¹² OU, Bd. 2, T. 2, S. 237.

¹³ Название областей говорит о том, что здесь вотчина могла быть занята производством вина и потому необходимость доставки его в город не отпала.

¹⁴ Ibidem, S. 294—295. «...furtt` 4 vas gen Enns...»; «...furt 7 vas gen Enns...».

¹⁵ Ibidem, S. 297—298. «Servicium vasfurnn gen Enns 30».

рабатывали на поле господина. Эта обязанность лежала, правда, всего на трех держателях: некие Гертель и Эрнсбергер из деревни Гольц пахали землю в течение трех дней в году и еще один крестьянин — в течение двух дней¹⁶.

В других районах — Леомбахе, Верхнем и Нижнем Вайскирхене отработки, связанные с пахотой, были полностью коммутированы. Плата за день работы с волами составляла по всем трем округам по 15 пф. с лена.

Коммутация затронула также многие виды ручных работ — жатву, обработку овощных огородов. Во многих местах указанные виды барщины по описи 1434 года вовсе были отменены. Так, требование давать жнецов для уборки урожая зафиксировано в трех округах из 16 (в Нижнем и Верхнем Вайскирхене, Эггенберге). За одного жнеца, проработавшего день, полагалось выплатить денежную компенсацию в размере 3 пф. Видимо, этот вид барщины был здесь полностью коммутирован, поскольку записи в урбарии совершенно недвусмысленно подчеркивают, что феодал получает вместо труда жнецов деньги¹⁷, хотя при определении повинностей каждого держателя в отдельности в тексте описи не всегда указан денежный эквивалент. Лишь в округе Эггенберг коммутация таких повинностей не предполагалась. Источник отмечает, что крестьяне должны были отработать на жатве 39,5 дня¹⁸.

Ручной труд, обозначенный в источниках термином *werichart*, подвергся коммутации не в такой степени, как, скажем, извоз или пахота. Ручные работы были наиболее распространенными в вотчине. Обязанность выполнять их лежала на держателях 14 округов¹⁹, но в 5 случаях они были коммутированы полностью, а в одном — частично. Крестьяне остальных районов отрабатывали на феодала определенное количество дней в году: для округа Эберштальцель была установлена норма от 2 до 5 дней с объекта держа-

---

¹⁶ OU, Bd. 2, T. 2, S. 273. Буквально запись об этом выглядит так: «*Servicium jeuchart. Item Mertel im Hotcz drey phlueg. Item Ernnsberger tantum. Item am Lehen czben phlueg.*».

¹⁷ OU, Bd. 2, T. 2, S. 241; 244. При суммировании поборов составитель описи делает такую запись: «*Servicium sniter 27 per 3 den., facit 81 den.*»; «*Servicium Sniter 33 per 3 den., facit 3 sol. 9 den.*».

¹⁸ Ibidem, S. 247.

¹⁹ Ручной труд не зафиксирован в округах Леомбах и Бухкирхен.

ния²⁰, в округе Фронгофен — 3 дня, в Линденмайере — 0,5—1,5 дня²¹, в Штадельгофе и Ау — 0,5 до 2-х дней в году²². Оносительно малый объем такого рода повинностей объясняется тем, что крестьяне указанных округов, в отличие от всех других, должны были дополнительно работать на феодала по 1—2 дня при заготовке сена, так что в общей сложности объем отработок составлял 2—4 дня в году, то есть, примерно, столько же, сколько и в других районах.

Как уже отмечалось выше, в 5 округах (Дерндорф, Нижний и Верхний Вайскирхен, Тейерванг, Ценнтгоф) отработочные повинности типа *werichart* были полностью переведены на деньги, и при суммировании поборов составители урбариев записывали: «*Servicium werichart*», выражая сумму в деньгах, а не в количестве подлежащих обработке дней²³. Нормы обложения единицы держания невелики: в Дерндорфе по 2 пф. с лена²⁴, в Верхнем Вайскирхене — 5 пф.²⁵, в Нижнем Вайскирхене — 3 пф.²⁶, в Эггенберге — 6 пф.²⁷, в Тейерванге — от 2,5 до 5 пф.²⁸. Стоимость одного рабочего дня, таким образом, была равна в среднем 3—4 пф.

Основываясь на изложенном материале, можно подвести некоторые итоги изучения отработочной ренты в Бенедиктинском аббатстве Кремсмюнстер в первой половине XV столетия. Как мы уже видели, большинство повинностей крестьянства было связано с работой на земле феодала. Многие виды барщин к этому времени подверглись коммутации. В первую очередь это относится к пахоте и жатве. В значительной степени на деньги переведена и извозная повинность, меньше коммутация затронула ручные, сенокосные работы, вывозку удобрений на поля. Чтобы лучше представить процесс коммутации и его распространение на различные виды отработок, мы приводим ниже итоговую таблицу.

---

²⁰ OU, Bd. 2, T. 2, SS. 255, 256. 20 крестьян обрабатывали всего 42,5 дня.

²¹ Ibidem, SS. 247, 278, 279, 280 usw.

²² Ibidem, SS. 283—287, 297—298. Здесь, как и в Линденмайере, крестьяне обрабатывали по 1—2 дня на уборке сена.

²³ Ibidem, SS. 241—245.

²⁴ Ibidem, S. 234.

²⁵ OU, Bd. 2, T. 2, S. 237—241.

²⁶ Ibidem, SS. 241, 242.

²⁷ Ibidem, S. 245.

²⁸ Ibidem, S. 258.

Сведения о коммутации барщины в аббатстве Кремсмюнстер по описи 1434 года

Условные обозначения:

— сведения в описи отсутствуют.
 К — барщина коммутирована
 НК — барщина некоммутирована.
 КЧ — барщина коммутирована частично.

Наименование округов	Ручные работы	Пахота	Вывозка удобрений	Жатва	Сенокосение
Леомбах	—	к	—	—	—
Дерндорф	к	—	—	—	—
В. Вайскирхен	к	к	—	к	—
Н. Вайскирхен	к	к	—	к	—
Эггенберг	кч	—	—	нк	—
Эберштальцель	нк	—	—	—	—
Фронгофен	нк	—	—	—	—
Тейерванг	к	—	—	—	—
Еухкирхен	—	нк	нк	—	—
Линденмайр	нк	—	—	—	—
Штадельгоф	нк	—	—	—	нк
Зиппахцель	нк	—	—	—	—
Вайнберг	нк	—	—	нк	нк
Ау	нк	—	—	—	—
Ценнтгоф	к	—	—	—	—
Фишен	к	—	—	—	—

Таблица показывает, что процесс коммутации отработочных повинностей в землях аббатства зашел довольно глубоко и не только по отдельным округам, но и по владениям феодала в целом. Из 16 округов, в которых зафиксирована барщина, она полностью коммутирована в 7 (около 44%), в одном (Эггенберг) — переведена на деньги частично и в 8 некоммутирована вовсе (примерно 50% всех владений).

Урбарий 1467—1468 гг.²⁹ земель, описанных источником 1434 г., позволяет проследить динамику отработочной

²⁹ Урбарий 1467—1468 гг. дает описание земель в 26 административных округах, расположенных в Верхней и Нижней Австрии, Штирии.

ренты на протяжении 34 лет. За это время повинности крестьян Кремсмюнстерского аббатства претерпели некоторые изменения.

Судя по данным источника 1467—1468 гг., состав отработочной ренты по истечении 30 с лишним лет остался прежним: держатели были обязаны выполнять разнообразные ручные работы, убирать урожай, косить и вывозить сено с лугов, доставлять вино и другие продукты к местам хранения и продажи, то есть практически делать то же самое, что и по описи 1434 года.

Нет большой разницы и в объеме отработочной ренты. В тех селах, где барщина сохранилась в некоммутированном виде, она не превышала 2—3 дней в году. Например, крестьяне сел округа Фронгофен были обязаны 2—3 днями ручных работ³⁰, в селах округа Штадельгоф каждый владелец надела отрабатывал по 1—2 дня на жатве и столько же — на уборке сена³¹. В округе Ау, помимо жатвы, крестьяне должны были перевозить по две подводы вина в г. Эннс³².

Мало чем отличается объем отработочной ренты и во всех остальных округах аббатства — это в основном повторение того, что мы видели в описи 1434 года. Однако в источнике 1467—1468 гг. появились новые записи, свидетельствующие о том, что состав отработок за истекший период в какой-то мере все-таки расширился, а объем — увеличился. Действительно, если в 1434 г. в округе Леомбах крестьяне были обязаны отдавать только деньги вместо пахоты, то в 1467—1468 гг. к этому добавились денежные поборы за вывозку вина и ручные работы³³. В округах Верхний и Нижний Вайскирхен появилась ранее неизвестная здесь плата за перевозку вина³⁴. В округе Эггенберг к двум видам барщины (ручные работы и жатва) прибавился вывоз вина в город (по две подводы на одного держателя) и пахота (18 полос трижды в год)³⁵, в округе Линденмайер появилась новая обязанность — пахать землю и убирать урожай зерновых³⁶, а крестьяне Вайнберга, помимо ручных работ, жатвы и сено-

³⁰ ÖU, Bd. 2, T. 2, S. 330—337.

³¹ Ibidem, S. 358—364.

³² Ibidem, S. 375—378.

³³ Ibidem, S. 310—317.

³⁴ ÖU, Bd. 2, T. 2, S. 317—326.

³⁵ Ibidem, S. 327—330.

³⁶ Ibidem, S. 364—371.

кошения, должны были еще заниматься вспашкой³⁷, а в Ау — перевозить вино в г. Эннс³⁸.

Введение новых видов обработок зарегистрировано описью в 7 округах из 16, в остальных состав барщины остался прежним. Очевидно, это явление свидетельствует о возрастании удельного веса отработочной ренты по сравнению с 1434 годом. Оно хорошо заметно при анализе обязанностей держателей отдельных деревень. Так, в селах округов Ценнтгоф и Кремсцель барщина поднялась до 9 дней в году (7 дней ручных работ и по 1 дню пахоты и жатвы)³⁹, в округах Кремсмюнстер и Фишен — до 6 дней⁴⁰. Не вызывает сомнения возрастание обработок в округах Эггенберг, Линденмайер, Вайнберг, Верхний и Нижний Вайскирхен, в которых были введены повинности, выполняемые по урочной системе, например: пахать 3 раза в год по 10—12—18 полос земли⁴¹.

К 1467 году наметились некоторые изменения и в характере отработочной ренты. Из 14 округов, в которых имела место барщина, в 4 она была коммутирована полностью, в 2 — частично и в 8 осталась в обычном виде. Сопоставление этих данных с данными 1434 года приводит к мысли о том, что к 1467 году произошла частичная рекоммутация отработочных повинностей. Действительно, в округах Фишен и Ценнтгоф (по 8 деревень в каждом) указанный процесс налицо: если в 1434 г. здесь имели место ручные работы в небольшом количестве и не у всех держателей, то за 30 лет картина резко изменилась. В округе Фишен в 4 селах барщина поднялась до 3—4 дней в году и, кроме того, держатели были обязаны перевозить вино, пахать, косить сено⁴². Еще ярче процесс возвращения к отработкам заметен на материале округа Ценнтгоф: в 5 селах из 8 урбарий фиксирует ручные работы (по 3—4 дня с держания), пахоту и жатву (по 1 дню)⁴³, хотя в 1434 г. все барщинные повинности здесь были переведены на деньги.

---

³⁷ Ibidem, S. 371—374.

³⁸ Ibidem, S. 375—378.

³⁹ Ibidem, SS. 379, 380, 384—385.

⁴⁰ Ibidem, SS. 387—392, 400—403.

⁴¹ Ibidem, SS. 327, 328 usw.

⁴² OU, Bd. 2, S. 387—392.

⁴³ Ibidem, S. 379—384.

Этих примеров для вывода об эволюции барщины в сторону рекоммутации явно недостаточно. Они выглядят неубедительно еще и потому, что опись дает нам факты обратного порядка. Например, в округе Зилпахцель (30 деревень) по источнику 1434 г. барщина не была коммутирована и состояла из ручных работ. За 30 лет в этом районе наметилась тенденция к переводу отработок на деньги: из 12 сел, в которых они зафиксированы, в 2 (Орте и Бермансберге) коммутация завершилась полностью⁴⁴, в Шерингерне и Видмбе денежная замена не предусматривалась, а в оставшихся 8 селах отработки коммутированы частично — одни держатели работали на господина по 2—3 дня, другие выплачивали соответствующее денежное возмещение (до 5 пф.)⁴⁵.

Примерно то же самое происходило и в округе Эггенберг. Если в 1434 г. часть держателей должна была работать на землевладельца по 1—2 дня в году, то к 1467 г. ручные работы в селах, где они зарегистрированы, оказались полностью коммутированными. Лишь в Нижнем Гейшпе этого не произошло. Напротив, здесь появилось задание перепахивать трижды в год 18 полос земли и представлять на жатву 5 жнецов⁴⁶. В остальных районах, описанных обоими источниками, картина в основном осталась прежней.

Таким образом, изучение данных описей Бенедиктинского аббатства Крэмсмюнстер от 1434 и 1467—1468 гг. позволяет проследить эволюцию отработочной ренты на протяжении значительного периода. За 30 с лишним лет во владениях аббатства наметилось некоторое увеличение удельного веса отработок. Оно проявилось не только в том, что крестьяне многих округов должны были отрабатывать на землевладельца до 9 дней в году вместо 4—5 по описи 1434 г., но и в том, что на них были возложены новые, ранее неизвестные здесь повинности.

Чтобы до конца уяснить себе направление эволюции отработочной ренты, необходимо обратиться к более поздним источникам — описям владений монастыря Шпиталь и извлечениям из урбариев монастырей Зирнинг, Клаус, Вильгеринг, Штайер⁴⁷.

⁴⁴ Ibidem, SS. 397, 398.

⁴⁵ OU, Bd. 2, T. 2, SS. 394, 395.

⁴⁶ Ibidem, S. 327—328.

⁴⁷ Указанные источники относятся к концу XV — начала XVI вв. Однородность вотчинной структуры и близость в географическом отно-

Урбарий 1492 г. монастыря Шпиталь фиксирует барщину в одном из двух округов — Верхнем Гарстентале, расположенном южнее владений аббатства Кремсмюнстер. В округе насчитывается 24 села; в 20 из них отработки занимают значительное место среди других видов феодальной ренты.

Барщинные повинности держателей округа Верхний Гарстенталь сводились к косьбе и уборке сена (по 2 дня), установке загородок (по 1 дню), обработке овощных огородов, пахоте и боронованию барской земли, уборке зерновых. Немаловажную роль в системе крестьянских повинностей играли перевозки: феодал имел право требовать от подданных доставки к двору строительных материалов, дров, урожая с полей, сена с лугов, перевозки вина в город или к берегам рек. Такие повинности были характерны не только для крестьян монастыря Шпиталь, но и для подданных других вотчин Верхней Австрии. Например, из устава монастыря Вильгеринг от 1493 г. следует, что крестьяне обязаны «собственной персоной» отбывать барщину: рубить лес, работать на виноградниках или перевозить грузы. Если же болезнь или семейная нужда не позволяют держателю явиться лично, то он должен послать вместо себя здорового работающего кнехта или поденщика, а не ребенка или подростка. В противном случае крестьянин облагался штрафом в размере 72 пф.⁴⁸ Держатели этого монастыря должны были, помимо того, без какого-либо возмещения возить сено на своих лошадях в местечко Муних в строго определенные сроки. За просрочку свыше 14 дней полагался штраф 72 пф., «...как это повелось по старому обычаю»⁴⁹.

Крестьяне, проживавшие в приходе Крейцен, выполняли такие виды барщин, как вспашка земли, боронование, подъем пара, вывозка удобрений и разбрасывание их по полям, рубка и доставка леса и т. д.; если тот, кто не делал того, что прикажет управляющий, платил штраф в размере 12 пф.⁵⁰

Не всегда и не везде барщина выполнялась крестьянами без соответствующего возмещения. Так, держатели прихода Зирнинг должны были обрабатывать огород пастора и уха-

---

шении с землями аббатства Кремсмюнстер делает возможным сопоставление и обобщение данных по этим владениям.

⁴⁸ Österreichische Weistümer, Bd. 14. Graz, 1956, S. 231.

⁴⁹ Ibidem, S. 229.

⁵⁰ Österreichische Weistümer, Bd. 15. 1960, S. 149.

жизнь за садом. В качестве платы за это им давали хлеб и сыр. Если же крестьяне убирали рожь или овес, то получали за это обед⁵¹. В сеньории Штайер по описи 1525 года за перевозку сена на собственных лошадях крестьяне получали хлеб, а за ловлю рыбы для господ — по 7 пф. в день⁵². В вотчине Фрайштадт за рубку леса, перевозку зерна на мельницу и обратно, за косьбу и вывозку сена держателям давали хлеб, сыры и суп⁵³.

Примеры показывают, что состав отработочных повинностей крестьянства Верхней Австрии в конце XV — начале XVI вв. расширился по сравнению с тем, что мы видели, например, в 1468 г. Мало того, исходя из имеющихся у нас данных, можно говорить об увеличении объема отработочной ренты. Для доказательства этих положений обратимся к источникам.

В селах Гарстенталь, Лангватт, Гуттен, Эдльбах (монастырь Шпиталь, опись 1492) барщина равнялась 8—10 дням в году, в Гиндерегге, Винкле и Мюльграбене — 10—12 и даже 14 дням, в Тамбахе, Мезерлинге, Зульцбахе, Вильцмозе — 8 дням и в деревнях Штрасс, Штайер, Штайерберг, Вайригль — 3—4 дням в году⁵⁴. К этому следует добавить еще многочисленные урочные задания, которыми полны урбарии конца XV — начала XVI вв. Держатели сел Лангватт, Винкле, Мезерлинг должны были перевезти с лугов по 1—2 воза сена⁵⁵, но ни расстояния, на которое нужно было произвести перевозки, ни количество возов в источнике не указаны. Еще неопределеннее задания по вывозке удобрений на поля и по жатве — их размер подчинялся хозяйственной необходимости и требованиям вотчинника⁵⁶. В сеньории Фрайштадт (округ Гуттау) обязанность крестьян сводилась к тому, чтобы вывозить сена столько, сколько будет нужно

⁵¹ Österreichische Weistümer, Bd. 13. 1956, S. 218.

⁵² G. Grüll. Robot in Oberösterreich. Graz, 1956, S. 59—60.

⁵³ Ibidem, S. 53.

⁵⁴ ÖU, Bd. 2, T. 2, S. 541—580.

⁵⁵ ÖU, Bd. 2, T. 2, SS. 546, 547, 550—553, 558, 559.

⁵⁶ Ibidem, S. 612. «Mistfurer und snitter. Item es sullen auch die Oberwenger allen mist auf die velder furen, sie sullen auch snitter hersenden, die das korn absneiden und desel korn und alle habern sullen sy vom veld in den stadel bringen und alles auch das hew von der fronwis, von der grumatwis und von der Rechlin sullen sy auch ainbringen und furen etz, qui sunt necessaria».

феодалу⁵⁷. В округе Зуммерау барщина нормировалась исключительно потребностями господского хозяйства, о чем свидетельствует выразительная запись в урбарии⁵⁸).

Эти факты подтверждают наши выводы об увеличении объема отработок в конце XV — начале XVI столетия. И совершенно не случайно в жалобе от 1525 г. крестьяне выражают протест по поводу произвольного увеличения барщин, которые тяжелым бременем легли на их плечи⁵⁹.

Описи XV — первой четверти XVI вв. фиксируют также натуральную и денежную формы ренты. Изучение их состава, объема и динамики позволит в конечном итоге решить вопрос о структуре феодальной ренты в Верхней Австрии и о методах эксплуатации крестьянства.

Урбарий 1434 г. дает представление о структуре ренты примерно в 180 селах 20 административных округов.

В деревнях практиковались в качестве платы за землю разнообразные натуральные и денежные платежи, состав которых с течением времени меняется незначительно. Следует сразу отметить, что во владениях аббатства сравнительно редко встречаются поборы зерновыми — они зафиксированы описью в 7 округах из 20, причем объем их невелик. Например, с 61 держателя округа Фишен взималось всего 6 мер пшеницы⁶⁰, 13 крестьян Петтенбаха отдавали 108 мер овса⁶¹. Примерно такие же поборы в округах Бухкирхен (3 меры пшеницы, 6 мер ржи и 9 мер овса со 175 держаний)⁶², Бургшталь (36 мер овса с 64 держаний)⁶³, Зиппах-

---

⁵⁷ G. Grüll. Op. cit., S. 52. (Urbar von 1499). «Robot. Sy sullen das Hew mit den von Pregartnn fuern ab der Frannwisen, vnd was sonst zu paw notdurfftig ist».

⁵⁸ Ibidem, SS. 52, 53. «Amt Newnmarckt im Purckfrid. Robot. Die vorgeschriben im Ambt Newn-Marckt im Purckfrid mueßen der Herrschaft das Hew auf der Fron Wisen auffahen vnd sind nicht mer schuldig an große nott».

«Amt Ruömpach. Robot. Sy sind nit mer schuldig, dann zu notdurfft Herrschaft und Gsloß Freinstat paw darin und in andern zimlichn vordrungen sullen sy der Herrschaft gewerttig und gehorsam sein».

⁵⁹ G. Grüll. Op. cit., S. 57—58. «Viele von ihnen müssen in manchen Herrschaften Heu und unziemliches Robotgelt geben oder aber Robot tun, welche der Obrigkeit gefällig, wodurch sy ihre Arbeit versäumen, Grund und Acker nicht bauen und gewärten mögen und also öd liegen lassen müssen».

⁶⁰ OU, Bd. 2. T. 2, S. 302.

⁶¹ Ibidem, SS. 252, 260.

⁶² Ibidem, S. 274.

⁶³ Ibidem, S. 277.

цель (48 мер овса со 136 наделов)⁶⁴ и т. д. Некоторое исключение представляет округ Леомбах (10 сел, 91 держатель). Здесь более половины крестьян — 50 человек, — были обязаны отдавать овес (939 мер) и пшеницу (3 меры)⁶⁵. Во всех других округах зерновые в качестве платежей отмечены редко и в очень небольших количествах.

В составе продуктовых поборов по описи 1434 г. упоминаются куры, сыры, лен, ягнята, реже — яйца и выпеченный хлеб. Эти виды продуктов занимают главное место и распространены по всем округам Крессмюнстерского аббатства.

Нормы обложения для различных округов различны, но колеблются в сравнительно небольших пределах. Например, в селе Леймбах с держателя лена феодал получал 9 сыров, 5 мер шерсти и 6 мер льна⁶⁶, владельцы полуленов отдавали вдвое меньше. Крестьяне из деревни Вайцендорф выплачивали по 6 сыров, 3 меры шерсти и льна с лена⁶⁷.

Значительно отличается состав и объем натуральной ренты в тех округах, где специфика хозяйства предполагала однообразные поборы, например: только сыры и вино. От владений в области Виндишгарстен монастырская вотчина получала лишь сыры — всего 1725 штук⁶⁸ по цене 2,5 пф. за каждый; с прихода Штайнфельд духовные сеньоры брали тоже главным образом сыры — от 20 до 30 штук с держателя⁶⁹. Этим видом продуктов и ограничивались поборы с крестьян, проживавших в специфических районах. Во всех остальных округах нормы обложения и состав платежей были разнообразнее и несколько меньше по объему.

Среди массы натуральных поборов наиболее часто встречаются ягнята и куры. Они зафиксированы практически в каждом селе огромного большинства округов (в 17 из 20),

---

⁶⁴ См. стр. 287—293 указ. выше урбария.

⁶⁵ Там же, стр. 234. По описи с крестьянина было положено в среднем по 19 мер овса. Иногда побор повышался до 30 мер.

⁶⁶ Там же, стр. 228—229. Аналогичный состав и объем продуктовой ренты зафиксирован в селах Оберндорф и Гайшинг. См. там же, стр. 229, 231.

⁶⁷ Там же, стр. 229.

⁶⁸ Там же, стр. 278. Составитель описи определяет количество сыров цифрой 1500. По нашим подсчетам их больше — 1725 шт.

⁶⁹ См. стр. 276—277 указ. выше урбария. Как в области Виндишгарстен, так и в Бургштальгофе были хозяйства особого типа — *schweigen, stadel*. Их назначение — разведение крупного рогатого скота. Отсюда и происходит специфика поборов.

причем нормы обложения держателей этими продуктами повторяются из деревни в деревню с довольно строгой закономерностью. Проследим это на примерах. Следует сказать сразу, что фогтский побор (одна из кур отдавалась фогту) в Верхней Австрии выплачивался исключительно курами. При этом размер надела совершенно не учитывался: держатели гуф, ленов, полуленов и т.д. отдавали равное количество продуктов. Подобное постоянство можно объяснить тем, что фогтский побор относился к разряду судебных и не был связан с поземельными отношениями.

Особый интерес представляет побор ягнятами. Это специфическая повинность крестьян Верхней Австрии, которая почти не встречается в других районах. Сущность ее состояла в том, что держатели должны были отдавать феодалу ягнит определенного возраста и размера. Важна была величина шкурки ягненка. Измерение проводилось в особых единицах — *schotten* и *reisten*. *Reisten* был в 10 раз меньше, чем *schotten*. Если принять стоимость одного шоттен за 32 пф. (цену дает составитель описи), то райстен будет стоить соответственно в 10 раз меньше. Для Верхней Австрии эта вторая единица не характерна. Записи обычно выглядят так: «...1 *lamp* zu 1 *schott*...».

Размеры побора ягнятами колеблются в пределах одного-полутора шоттен с лена, увеличиваясь или уменьшаясь соответственно величине держания⁷⁰. Эта зависимость сохраняется по всем владениям аббатства.

Помимо постоянных видов продуктов, в отдельных районах вотчины встречаются и менее распространенные, даже необычные. К ним можно отнести испеченные хлеба (округа Зиппахцель и Бухкирхен)⁷¹, особого рода колья для виноградников (по 100 штук с держателя)⁷². Они характерны для небольшой части сел немногих округов, а их удельный вес в массе натуральных поборов ничтожен. Поэтому, учитывая наличие специфических поборов, главными следует считать зерновые, шерсть и кур.

Третьим и последним видом феодальной ренты является денежная, наиболее распространенная в изучаемой облас-

⁷⁰ На постоянство поборов с единицы обложения указывает формула, повторяющаяся на протяжении всей описи: «*diat tantum*».

⁷¹ *OU*, Bd. 2, T. 2, SS. 257, 272.

⁷² *Ibidem*, S. 264.

ти и занимающая очень значительное, а во многих местах преобладающее место в системе феодальных поборов.

Основные статьи денежных доходов феодалов складывались за счет поступлений по разряду земельного чинша, выплата которого приурочивалась ко дню св. Марии (частично — ко дню св. Николая и Георгия) и за счет коммутации натуральных и барщинных повинностей⁷³. Эти статьи являются самыми емкими. В самом деле, перевод продуктов на деньги зафиксирован урбарием в 3 округах из 20, но здесь, как уже говорилось выше, коммутирована незначительная часть поборов — сыры, хлеб, яйца. В то же время денежные платежи, поступающие в качестве земельного чинша, а также за счет коммутированных стработок, имеются во всех без исключения округах Крессмюнстерского аббатства⁷⁴. Несомненно, что это говорит об их широком распространении.

Земельный чинш и денежные поборы вместо отработок довольно велики и по объему. Например, в селах округа Дерндорф с лена взималось по 60—80 пф., с полулена — по 32—34 пф., с половины гуфы — примерно 116 пф.⁷⁵ В округе Верхний Вайскирхен крестьяне платили по 72 пф. земельного чинша с лена и, кроме того, по 10 пф. за перевозку вина, по 16 пф. за пахоту, по 3 пф. за ручные работы⁷⁶. Соответственно размерам надела увеличивались или уменьшались платежи: некий Генрих Прегартен с 3 ленов помимо продуктов отдавал 6 сол. чинша, 30 пф. за перевозку вина, 45 пф. — за пахоту, 5 пф. — за ручные работы⁷⁷, то есть в 3 раза больше, чем любой держатель одного лена. Приблизительно в тех же пределах (от 60 до 72 пф.) колеблется высота денежного чинша в округах Эггенберг⁷⁸, Лин-

---

⁷³ Коммутация натуральных платежей не была массовой. Так, лишь однажды встречается факт, когда крестьянин мог вместо свиней отдать деньги (округ Бухкирхен). Здесь же частично коммутированы поборы курами. См. стр. 246, 272 того же урбария.

⁷⁴ OU, Bd. 2, T. 2, SS. 227, 228, 230 usw.

⁷⁵ Ibidem, SS. 234, 235, 236 usw.

⁷⁶ Там же, стр. 237, 238. Объем поборов постоянен для всего округа. Вместо их перечисления составитель ограничивается формулой: «dint tantum».

⁷⁷ Ibidem, S. 237.

⁷⁸ Ibidem, S. 245—247.

денмайер⁷⁹, Штадельгоф⁸⁰, Ценнтгоф⁸¹ и др. Несколько меньше объем платежей в округах Фронгофен, где с половины гуфы положено было взимать 90 пф.⁸², Фихтванг — от 20 до 40 пф.⁸³, Эберштальцель — до 45 пф.⁸⁴, Леомбах, в котором объем платежей равнялся 3—4—6—8—12—19—22—32—41—75 пф., причем подавляющее большинство крестьян отдавало чинш в размере от 6 до 32 пф. с держания⁸⁵.

Примечательно, что в селах с размерами платежей ниже обычных несколько выше и разнообразнее натуральные поборы. Такая закономерность характерна для всех названных округов. Например, в Леомбахе крестьяне отдавали пшеницу, овес, сыры, лен, шерсть, кур, в Эберштальцеле — шерсть, хлеба, кур, сыры. Но говорить о полном преобладании продуктовой ренты над денежной едва ли можно, поскольку эта последняя составляла все-таки главную часть доходов.

Рассмотрев состав и объем различных видов ренты в Кремсмюнстерском аббатстве в первой половине XV века, мы можем перейти к изучению ее структуры и, следовательно, к выяснению особенностей эксплуатации крестьянства в Верхней Австрии в тот период.

Как уже отмечалось выше, поземельная опись 1434 г. фиксирует наличие барщины в 8 округах аббатства из 20, а денежная и натуральная формы ренты зарегистрированы в 19 округах и лишь в одном — Виндишгарстене — держатели были обязаны отдавать только продукты (сыры) на общую сумму 15 фунтов пф. 5 сол. По всем 20 округам структура ренты может быть представлена следующим образом:

деньги, продукты и барщины зарегистрированы	в 8 округах,
деньги и продукты без барщин	в 11 округах,
только денежные платежи	в 1 округе,
только натуральные платежи	нет

Итого: 20 округов.

⁷⁹ Ibidem, S. 278—283.

⁸⁰ OU, Bd. 2, T. 2, S. 283—287.

⁸¹ Ibidem, S. 298—299.

⁸² Ibidem, S. 247—253.

⁸³ Ibidem, SS. 264, 265.

⁸⁴ Ibidem, SS. 254, 255, 256.

⁸⁵ Ibidem, S. 228—234.

Судя по этим данным, в Кремсмюнстерском аббатстве имели место все три вида феодальной ренты. Натуральная и денежная формы зафиксированы источником в 19 округах (95% изучаемых районов), только денежные платежи — в 1 округе (примерно 5%) и барщины — в 8 местах (около 40%). Следовательно, наибольший удельный вес в системе феодальных поборов занимают смешанные платежи без барщин, а эти последние, хотя и играют значительную роль, все-таки остаются на последнем месте.

Однако наши выводы имеют общий характер, поскольку они не дают конкретного представления о соотношении всех видов феодальной ренты. Чтобы получить такое представление, необходимо обратиться к анализу материалов, относящихся не только к округам в целом, но и к селам и даже отдельным держаниям. Рассмотрим структуру ренты в районах, где опись фиксирует барщину и смешанные платежи.

В округе Эберштагельцель землю имеют 88 крестьян. Они обязаны выплачивать феодалу не только натуральные и денежные поборы, но и отбывать барщинные повинности. Все три вида феодальной ренты распределяются между ними следующим образом:

деньги, продукты и барщины зафиксированы	у 20 держателей,
деньги и продукты без барщин	у 61 держателя,
только продуктовая рента	у 4 держателей,
только денежные платежи	у 3 держателей.
<hr/>	
Итого:	88 держателей

Таким образом, наибольшее распространение в этом округе получила смешанная форма ренты. Барщина в целом была незначительна и ограничивалась 2—2,5 днями в году⁸⁶. Чтобы выяснить процентное соотношение барщины, денег и продуктовой ренты, необходимо учесть, что у 48 держателей из 81, отдающих смешанную ренту, поборы состояли из фогтской курицы и денег: 22—25—30—40—58—60 пф.⁸⁷, то есть преобладание денежных платежей здесь не вызывает сомнения. И в целом по округу они безусловно преобладают над остальными поборами. Это вытекает из

⁸⁶ OU, Bd. 2, T. 2, SS. 255, 257.

⁸⁷ Ibidem, S. 255.

анализа и сопоставления массы феодальных поборов со всего округа: крестьяне должны были выплатить в общей сложности 13 ф. 8 сол. 20 пф. деньгами, отдать 24 меры шерсти, 123,5 курицы, 25 хлебов и отработать на феодала 42,5 дня⁸⁸. Переведя на деньги эти повинности⁸⁹, мы устанавливаем, что денежная форма ренты составляла приблизительно 71% от общей массы поборов, натуральная — около 27%, а на долю барщины приходится примерно 2%.

Округ Эберштаальцель в отношении структуры ренты не является чем-то особенным. Такая же картина повторяется и во многих других районах. Так, 136 держателей округа Зиппахцель выплачивали 27 ф. 2 сол. 29 пф. деньгами, отдавали 36 мер овса, 52 меры шерсти, 54,5 курицы, отработывали на господина 54,5 дня в году⁹⁰. К сожалению, высчитать точно процентное соотношение разных видов ренты для этого округа (а равным образом и для многих других) довольно трудно, поскольку неизвестна даже приблизительная стоимость одной меры овса, без учета которого все расчеты были бы ошибочными. Тем не менее преобладание денежной формы ренты очевидно даже на основании очень приблизительных подсчетов. Доля барщины в указанном округе неизменно мала, а удельный вес продуктовых поборов несколько выше, чем в округе Эберштаальцель (за счет наличия в их составе овса).

В 13 деревнях округа Линденмайер структура феодальной ренты выглядит так:

смешанные платежи и барщина	4 села,
смешанные платежи без барщин	9 сел,
только натуральные платежи	нет,
только денежные платежи	нет.

Итого: 13 сел.

Здесь вновь повторяется та же картина, что и выше: отработочная рента распространена довольно широко, но ее удельный вес крайне низок (крестьяне 4 сел должны были отработывать до полутора дней на уборке урожая и по 1 дню — на сенокосе)⁹¹. Достаточно указать, что день ра-

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Цены на продукты даны в описях (1 сыр стоил 2,5 пф., 1 хлеб — 6 пф., 1 мера шерсти — 32 пф., 1 курица — 3 пф. и т. д.

⁹⁰ OÜ, Bd. 2, T. 2, S. 293.

⁹¹ OÜ, Bd. 2, T. 2, S. 278—283.

боты в переводе на деньги составлял всего 2,5 пф. В целом стоимость барщины не превышала 8 пф. с единицы обложения.

В этом районе намного ниже, чем в других, объем натуральных платежей (они состояли, как правило, из одной фогтской курицы). Например, держатели села Гайд выплачивали соответственно 43—44—45—47,5 пф. и по одной курице в пользу фогта⁹²; в селе Кругельсдорф чинш был равен 60—67—80 пф., реже — 180 пф., а из продуктов крестьяне отдавали тоже по курице⁹³. Точно таким же был состав платежей в деревнях Рид, Кольндорф и др. — в 9 селах из 13, где денежная рента господствует безраздельно, составляя более 95% от всей суммы феодальных поборов.

Несколько иначе обстоит дело в тех деревнях, где источниками зафиксированы отработки (4 села). Объем продуктовых и денежных повинностей здесь тот же: от 30 до 80 пф. чинша и 1 фогтская курица. Но крестьяне должны были отработать на феодала в среднем по 1—2 дня в год. Следовательно, в данной группе сел на первом месте стоит денежная форма ренты, на втором — отработочная, которая несколько выше натуральной, и на последнем — продуктовая. Однако значительного влияния на структуру ренты эта группа сел не оказывает, в силу своей немногочисленности, так что по всему округу превосходство денежной формы ренты над другими видами не подлежит сомнению.

Нет особой нужды подтверждать эти выводы ссылками на другие районы. Достаточно сказать, что в округах Штадельгоф⁹⁴, Вайнберг⁹⁵, Ау⁹⁶ состав, объем и структура феодальной ренты повторяются с традиционной закономерностью. Поэтому заключение, сделанное выше, с полным правом можно отнести и к этим районам, и следовательно, ко всем 8 округам аббатства, в которых зарегистрированы три вида феодальной ренты.

⁹² Ibidem, S. 281.

⁹³ Ibidem, S. 283.

⁹⁴ В Штадельгофе 67 держаний. Барщиной обязаны 29 (1—2,5 дня). Денежный чинш от 30 до 150 пф., натуральный побор состоит из 1 курицы и редко — 1—2 мер. шерсти. См. стр. 283—287.

⁹⁵ Из 57 держателей Вайнберга 21 обязан смешанной рентой, 14 — только деньгами и барщиной, 11 — только деньгами и еще 11 отдавали лишь по одной курице.

⁹⁶ 37 держателей Ау платили всего 11 пф., 62 курицы, 12,5 меры шерсти и выполняли некоторые барщины.

Рассмотрим структуру ренты в районах, где барщинные повинности коммутированы или совсем отсутствуют. Таких районов в аббатстве всего 11. В одном из них (Дерндорф) 58 держателей, из которых 42 платят смешанную ренту, 8 — только денежную и оставшиеся 8 — только натуральную. В состав денежных платежей помимо чинша входит плата за коммутированные отработки — всего 80,5 пф.⁹⁷

Такие данные еще ничего не говорят о преобладании той или иной формы ренты. Чтобы выяснить это, необходимо обратить внимание на объем платежей. Опись показывает, что продуктовая рента в этом округе очень незначительна — 2 курицы, реже — 1,6 меры шерсти и совсем редко — 1 или 2 меры ячменя с держания⁹⁸. Такие поборы зарегистрированы в селах Готцендорф, Обергрессинг, Лентергрессинг, Дерндорф. В то же время денежные платежи здесь более высоки. Земельный чинш колеблется в пределах от 58 до 81 пф. с лена, 116 пф. с гуфы, не считая платы за коммутированные барщины. Если учесть, что курица стоила 3 пф., а мера шерсти — 32 пф., то станет ясно, что господство денежной ренты во всем округе безраздельно⁹⁹. Тот факт, что 8 держателей из 58 обязаны только продуктами, не меняет существа дела. Натуральный чинш платят главным образом седляки, держатели крохотных усадеб, то есть практически безземельные крестьяне. Они обязаны отдавать по 1 курице фогту и ничего больше.

Еще более наглядно выявляется преобладание удельного веса денежной ренты над натуральной в округе Верхний Вайскирхен (70 объектов держаний). При достаточно высоком денежном чинше (72 пф. и более с лена) крестьяне платили деньги за вывоз вина, пахоту, жатву, ручные работы¹⁰⁰. Состав продуктов и их объем в этой области ничем не примечателен — куры, шерсть в небольших количествах¹⁰¹. Соотношение двух видов ренты неравнос — деньги преоб-

⁹⁷ В этом округе на деньги переведены ручные работы из расчета 2,5 пф. за день.

⁹⁸ ÖU, Bd. 2, T. 2, SS. 234, 235, 236 usw.

⁹⁹ С 58 держателей области феодал получал 13 ф. 2 сол., 22 пф. денег, 5,5 меры ячменя, 36,6 меры шерсти и 86 куриц. Там же, стр. 237.

¹⁰⁰ Коммутация этих повинностей шла из расчета 15 пф. за один день пахоты и 5 пф. за день ручных работ, 10 пф. — перевозка вина, 3 пф. — за день жатвы.

¹⁰¹ ÖU, Bd. 2, T. 2, S. 237—241.

ладают безусловно. Это хорошо видно из следующей таблицы: среди 70 держателей.

только денежную ренту платили	30,
только натуральную	3,
смешанную	37
<hr/>	
Итого:	70

К этому необходимо добавить, что более 50% крестьян последней группы (смешанные платежи) отдавали феодалу всего лишь по 1 курице, так что в основу поборов с них были положены все-таки деньги. Во всех остальных случаях к курам добавлялась шерсть (1—1,5 меры), а сумма денежных поборов превышала 100, а то и 200 пф. с держания. Таким образом, и в этой группе сел денежная форма ренты является господствующей¹⁰².

В Нижней Вайскирхене (48 держателей) структура ренты сходна с вышеописанной. Денежными платежами обязаны 13 держателей, смешанными — 34 и чисто натуральными — только один. В группе, выплачивающей смешанные поборы, в состав продуктов входит 1—2 курицы и иногда — небольшое количество шерсти¹⁰³.

В области Тейерванг удельный вес денежной ренты и того выше: с 21 держателя феодал взимал 1 ф. 2 шилл. 14,5 пф. денег и 21 фогтскую курицу, то есть продукты составляли всего 17%, а на долю денег приходилось примерно 83%.

Не вызывает никакого сомнения преобладание денег в округе Фихтванг (68 держаний). Здесь только денежными поборами обязаны 2 крестьянина, а остальные 66 — смешанными. В 64 случаях натуральная форма ренты представлена 1 курицей, а денежная состоит из 24—27—44—60—120—223,5 пф.¹⁰⁴

Аналогичная структура феодальной ренты сложилась к этому времени и в остальных округах аббатства — Фишене¹⁰⁵, Центгофе¹⁰⁶, Бургштальгофе¹⁰⁷, Петтенбахе¹⁰⁸.

¹⁰² Ibidem, S. 238.

¹⁰³ Ibidem, S. 241—244. В самой деревне Вайскирхен 17 держателей (5 обязаны деньгами, 11 — смешанными поборами и 1 — только продуктами).

¹⁰⁴ Там же, стр. 265.

¹⁰⁵ В Фишене 61 держатель. С них взималось всего 20,5 ф. 1 шилл.

Подводя итоги по всем 20 изученным округам, можно сказать, что в Бенедиктинском аббатстве Кремсмюнстер, имеющем владения на очень значительной территории Верхней Австрии, по описям 1434 и 1467—1468 гг. были распространены все три формы ренты. Среди них центральное место занимала денежная рента, причем ее преобладание над натуральной и отработочной не вызывает никакого сомнения — она зафиксирована описями во всех скругах аббатства и по объему почти везде превышает 2 другие формы ренты, вместе взятые. Натуральная форма ренты встречается в 19 из 20 названных выше районов, но объем ее гораздо ниже денежной. По поводу состава натуральных поборов необходимо сказать, что, в отличие от южных областей и даже многих районов Нижней Австрии, в Верхней Австрии они очень однообразны и не богаты по ассортименту: широко практикуется обычай взимать с крестьян куриц, шерсть, реже — сыры и зерно, в то время как на юге страны эти продукты составляли едва ли не главную статью доходов феодала. Отработочная рента зафиксирована источником 1434 г. в 16 округах, но в 8 из них она полностью была коммутирована. В первую очередь коммутации подверглись извозные повинности, ручные работы, а в отдель-

---

12,5 пф. денег, 6 мер пшеницы, 29 мер шерсти, 98 кур. См. там же, стр. 302.

¹⁰⁶ Сумма поборов с 19 крестьян округа Ценнгоф выгладит так: 8 ф. 2 шилл. 22 пф. денег, 3 меры пшеницы, 19,5 меры шерсти, 43 курицы. См. стр. 298—299 того же урбария.

¹⁰⁷ Округ Бургштальгоф разбит на 2 прихода — Бургшталь и Штайнфельд, в которых сосредоточено 64 объекта держаний (соответственно 38 и 26). Структуру ренты в каждом из приходов можно представить следующим образом: в Бургштале смешанными платежами обязаны 29 крестьян, только натуральными — по 1 курице — 5, только денежными — 4 держателя. В Штайнфельде 1 держатель отдавал смешанные поборы, а остальные 25 — по 1 курице и всего 2 ф. 7 шилл. денег. См. там же, стр. 274—277.

¹⁰⁸ В области Петтенбах было 69 объектов держаний. Смешанными платежами обязаны 57 крестьян, деньгами 11, продуктами без денег — 1. Из 57 держателей первой группы 18 отдавали деньги в количестве 22—35—60—80 пф. и по 1 курице; 13 человек должны были вносить овес (3—6—12—24 меры). При таком составе и объеме натуральных платежей о преобладании денег говорить нельзя. Скорее всего, в этом округе наблюдается равновесие между денежной и натуральной формами ренты. Наглядно это можно представить, рассмотрев общую сумму поборов со всей области: 11,5 ф. 4 шилл. 19,5 пф. денег, 3 модия 18 мер овса, 64,5 меры шерсти, 94 курицы. См. стр. 262 того же урбария.

ных местах — пахота и жатва. В других 8 районах крестьяне должны были отрабатывать на феодала в среднем по 1—2 дня.

Изучение структуры феодальной ренты в Верхней Австрии на этом нельзя считать оконченным. Большой интерес представляет вопрос о дальнейшей ее эволюции, об изменении состава, объема и характера поборов. Все это можно проследить на материалах поземельной описи 1467—1468 гг. того же Кремсмонстерского аббатства и по описи 1492 г. владений монастыря Шпиталь, расположенного в непосредственной близости от земель аббатства, на границе Верхней Австрии со Штирией.

Судя по источнику 1467—1468 гг., состав феодальной ренты за прошедшие 34 года почти не изменился. Изучая повинности крестьян, мы вновь и вновь сталкиваемся с привычными видами платежей: денежный чинш, выплачиваемый в разные сроки, шерсть, куры, зерновые культуры, те же виды обработок. Создается довольно убедительное впечатление, что состав ренты за прошедшее время стабилизировался. В известной мере эта стабилизация кажущаяся — в описи изредка появляются ранее неизвестные платежи — лен¹⁰⁹, куры на день св. Михаила и к масленице, яйца¹¹⁰ и новый разряд денежных поборов — Wisdienst¹¹¹. Этим и ограничиваются перемены в составе феодальной ренты.

Столь же незначительные превращения произошли и качественной стороны ренты. Сведения, полученные из описей, не дают оснований говорить о том, что отработочные или натуральные повинности все больше и больше коммутируются или, напротив, происходит их рекоммутация. Некоторые сдвиги в этом отношении действительно есть, но не столь ощутимые, чтобы служить признаком того, что перевод продуктов на деньги хотя и медленно, но прогрессирует. В самом деле, нельзя не обратить внимания на такой

---

¹⁰⁹ ÖU, Bd. 2, T. 2, S. 310—317.

¹¹⁰ Ibidem, S. 327—330. Побо́ры курами зафиксированы только в селе Нижний Гейшп. Его жители отдавали по 1—2 курицы и яйца. Этот последний вид продуктов, видимо, был коммутирован — вместо определенного количества яиц указана их стоимость. См. там же, стр. 327—328.

¹¹¹ Побор типа wisdiens относится к разряду «малых служб» и состоит из мяса к столу господина и испеченных хлебов.

факт. Опись 1467—1468 гг. значительно чаще, чем опись 1434 года фиксирует возможность замены некоторых натуральных повинностей деньгами, называя при описании их цену продукта в каждом отдельном случае или же стоимость всей массы поборов, полагающихся с какой-либо деревни. Подобные отметки встречаются особенно часто, когда речь идет о сырах ¹¹², хлебах ¹¹³, яйцах ¹¹⁴, сале ¹¹⁵, курах ¹¹⁶, гусях и свиньях ¹¹⁷, что касается зерновых и шерсти, то они коммутации не подлежали. Об этом вполне убедительно свидетельствует отсутствие каких-либо записей и пометок, которые хотя бы отдаленно намекали на такую возможность ¹¹⁸.

Несколько иначе обстоит дело с денежной формой ренты. Основные статьи доходов феодалов остались, судя по описи 1467—1468 гг., теми же, если не считать некоторых дополнительных поступлений за счет частичной коммутации продуктовой и отработочной ренты, о которой шла речь выше. Тем не менее, объем денежного чинша, выплачиваемого крестьянами на день св. Марии, значительно повысился. Масштабы этого увеличения можно наглядно представить себе из следующей таблицы:

Таблица 2

Общее увеличение денежных поступлений
от 1434 к 1467—1468 гг.

Наименование округов	Денежные поступления в пф.			
	1434		1467—1468	
	всего с округа	в среднем с держателя	всего с округа	в среднем с держателя
Леомбах	2959,5	32,5	3192,5	33,5
Дерндорф	3201,0	55,2	5388,5	86,9
В. Вайскирхен	3685,0	52,6	4707,5	96,0

¹¹² OU, Bd. 2, T. 2, SS. 317, 325, 326. «Item 2 käs fur 14 den», «... fur 12 halblatkäs 9 sol. ...» usw.

¹¹³ Ibidem, SS. 335—336, 369.

¹¹⁴ Ibidem, SS. 327—328, 361, 362—363.

¹¹⁵ Ibidem, S. 327. «Item stadelsmalz fur 6 sol. den.».

¹¹⁶ Ibidem, S. 345.

¹¹⁷ Ibidem, S. 327. «3 swein oder dafur 3 libr.».

¹¹⁸ Ibidem, S. 342. Лишь однажды мы встречаем указание на цену шерсти — 32 пф. за меру. Но в данном случае составитель описи хотел подчеркнуть, что ягненок должен быть такой величины, чтобы при продаже его шкурка оценивалась не ниже 32 пф.

Наименование округов	Денежные поступления в пф.			
	1434		1467 — 1468	
	всего с округа	в среднем с держателя	всего с округа	в среднем с держателя
Н. Вайскирхен	4053,5	84,4	5915,5	101,9
Эберштальцель	2840,0	32,2	4314,5	51,9
Эггенберг	2449,5	56,9	5180,0	140,0
Тейерванг	494,5	23,5	4077,0	74,0
Петтенбах	2899,0	42,0	4166,0	57,8
Фихтванг	4795,0	70,5	4507,0	59,0
Еургштальгоф	1630,0	25,5	2916,0	36,0
Зиппахцель	6589,0	48,4	—	—
Ау	2550,0	68,9	3661,0	83,0
Ценнтгоф	2002,0	105,3	3785,0	91,0
Фронгофен	5190,0	40,5	5738,0	52,1
Фишен	4967,0	81,0	—	—
Штадельгоф	3897,0	58,0	6045,5	91,6
Линденмайер	4535,0	51,0	12876,5	96,0
Вайнберг	2621,0	46,0	7750,0	117,0

Цифры, приведенные в таблице, красноречиво говорят о том, что объем денежной ренты за 30 с небольшим лет резко повысился как в общей массе, так и в пересчете на одного держателя. Особенно это заметно в округах Эггенберг, Верхний Вайскирхен, Дерндорф, в которых возрастание суммы денежной ренты от 1434 к 1467—1468 гг. выражается пропорциональным соотношением соответственно 1 : 2,1; 1 : 1,16; 1 : 1,7. Не столь значительно, но все таки ощутимо увеличилась сумма денежных поборов и во всех остальных округах аббатства, так что мы вправе сделать вывод о том, что во второй половине XV века на огромной территории Верхней Австрии произошло повышение удельного веса денежной формы ренты.

Получив такие результаты, мы должны поставить и другой, не менее важный вопрос: было ли это увеличение абсолютным или оно произошло за счет прогрессирующей коммутации натуральных поборов и отработок? Ответ на этот вопрос позволит понять, означает ли повышение суммы денежных платежей изменение форм эксплуатации крестьянства посредством перехода к наиболее интенсивным мето-

дам, или же здесь кроется усиление феодального нажима на держателей через произвольное увеличение поборов. Чтобы решить поставленные проблемы, мы должны вновь обратиться к источнику 1467—1468 гг., постоянно сравнивая его с описью 1434 г., и таким образом выяснить динамику натуральной и отработочной ренты. Для анализа возьмем данные по нескольким округам, описанные в обоих урбариях.

По описи 1434 г. в округе Эберштальцель с держателями 9 сел полагалось получить 24 меры шерсти, 25 хлебов, 123,5 курицы¹¹⁹. Кроме того, крестьяне должны были работать на феодала в общей сложности 42,5 дня за год. В 1467—1468 гг. обязанности держателей в этом округе изменились незначительно и состояли из 22 мер шерсти, 25 хлебов, 124,5 курицы; дополнительно крестьяне отдавали 24 меры ржи, 36 мер овса, 2 гусей, а вместо яиц и сыров — 1 ф. шилл. 10 пф. деньгами¹²⁰. Если учесть, что в 9 селах было 83 держателя, то увеличение общей массы продуктов за счет добавления к ним овса, ржи и т. д. можно считать незначительным, так как в среднем на одного держателя приходилось по 3—4 пф. деньгами и по 0,3—0,5 меры зерновыми.

Аналогичную картину мы видим в округах Леомбах, Дерндорф, Верхний и Нижний Вайскирхен, где 267 крестьян в 27 селах выплачивали всего 3 меры пшеницы, 5,5 меры ячменя, 31 модий 9 мер овса, 602 сыра, 200 мер шерсти, 264 меры льна; барщинные повинности во всех 4 округах были переведены на деньги¹²¹.

Состав платежей к 1467 г. практически не изменился. Почти то же самое можно сказать и об их объеме¹²². Незначительные колебания в ту или иную сторону не играют в данном случае существенной роли и относятся за счет укрупнения или дробления отдельных держаний, за счет улучшения или ухудшения их экономического состояния. Эти явления очень характерны для всего аббатства, так что нет необходимости перечислять данные по каждому округу в отдельности.

---

¹¹⁹ Там же, стр. 257.

¹²⁰ OÜ, Bd. 2, T. 2, S. 337—342.

¹²¹ Ibidem, S 244—245.

¹²² Ibidem SS. 306, 307, 308 usw — bis 326.

Установив это, мы приходим к выводу о том, что увеличение денежной ренты в духовных вотчинах Кремсмонстерского аббатства произошло главным образом за счет повышения ее реальной величины и частично — за счет коммутации натуральных и отработочных повинностей. Это довольно убедительно подтверждается приводимой ниже таблицей, которая показывает динамику денежных поборов от 1434 к 1467—1468 гг.

Т а б л и ц а 3

Динамика денежных платежей в аббатстве Кремсмонстер

Наименования округов	Чиншевые деньги, пф.		Возрастание	Деньги за счет коммутации поборов		Возрастание
	1434	1468		1434	1468	
Леомбах	1631,5	2526,0	894,5	1328,0	666,5	—661,5
Дерндорф	3067,5	5308,0	2240	133,5	80,5	253,0
Верхний Вайскирхен	3563,0	5517,0	1954,0	490,5	398,5	—2,00
Нижний Вайскирхен	2750,0	3484,0	734,0	935,0	1223,5	288,5
Эберштальцель	2632,0	3773,0	1141,0	208,0	541,5	333,5
Эггенберг	1224,5	3732,0	2507,5	1225,0	1448,0	223,0
Петтенбах	2441,0	3213,5	772,5	457,0	952,5	495,0
Тейерванг	430,0	2568,0	2138,0	64,5	1509,0	1444,5
Фихтванг	3834,0	4302,5	468,5	961,0	204,5	—756,5
Бургштальгоф	756,0	1477,0	721,0	874,0	1439,0	565,0
Зиппахцель	6087,0	6485,0	398,0	502,0	1451,0	949,0
Ау	2215,0	3287,0	1072,0	335,0	374,0	39,0
Ценнтгоф	1240,0	2210,0	970,0	762,0	1575,0	813,0
Фишен	3366,0	6744,0	3378,0	1601,0	2720,0	1119,0
Фронгофен	3700,0	4022,0	322,0	1490,0	1716,0	226,0
Штадельгоф	3141,0	5543,5	2402,0	756,0	502,0	—254,0
Линденмайер	3920,5	11695,0	7775,0	614,5	1181,0	566,5
Вайнберг	2229,0	6093,0	3864,0	392,0	1657,0	1265,0

Судя по этим данным, возрастание денежных поборов происходило почти исключительно за счет увеличения земельного чинша и в меньшей мере — за счет коммутации отработочной и натуральной ренты.

Теперь, когда исследованы состав, объем и динамика феодальной ренты, мы можем поставить вопрос о ее структуре в конце XV — нач. XVI вв. Опираясь на результаты, полученные при изучении описей 1434 и 1467—1468 гг., мы полагаем, что структура ренты во второй половине XV века осталась прежней, то есть главную роль здесь продолжала играть денежная форма, а на втором плане стояли натуральные и отработочные повинности. Впрочем, обратимся к источникам.

В урбарии 1467—1468 гг. включено более 27 округов, из которых исследованию поддается 24, в том числе и владения, расположенные в Нижней Австрии и Штирии. Структуру ренты по этим округам можно представить следующим образом:

деньги, продукты и некоммутированные барщины	12 округов,
только денежные платежи	2 округа,
денежные и натуральные платежи без барщин	10 округов,
только натуральные платежи	нет
<hr/>	
Итого:	24 округа

Таким образом, денежная форма ренты распространена по всем 24 округам аббатства, а в 2 из них (Гайнинг и объединенные в округ приходы Вельс, Тальгайм, Пентбах, Мертенберг, Вайскирхен, Пфаркирхен) является единственной. В ряде районов, где выплачивались смешанные платежи, продуктовая рента была незначительной по объему и состояла из одной фогтской курицы и небольшого количества шерсти. К таким районам относятся владения, прилегающие к селу Кремсмюнстер (59 держаний), округа Фишен, Зиппахцель, Кремсцель, Ценнтгоф, Дерндорф, Фихтванг и др.

Малая доля натуральных поборов — своеобразная особенность этого района Верхней Австрии, которая нарушается лишь изредка. Примером такого несоответствия общей картине может служить округ Леомбах. В описи зарегист-

рировано 12 деревень, обязанных натуральными и денежными платежами. Среди первых особое значение имеют зерновые — в 10 селах из 12, лен — в 9 селах. Несмотря на высокие денежные поборы, продуктовая рента здесь преобладает. Например, в деревне Арнберг держатели отдавали 37 пф., а натуральные поборы у них состояли из 4 куриц, 66 мер овса, 36 сыров, 20 мер шерсти, 24 мер льна¹²³. В селах Ляйбингдорф, Бруннарн, Гайшинг, Заммерсдорф, Еайцендорф, Снаргендорф, Оберндорф и др. структура ренты повторяется с некоторыми несущественными изменениями. К тому же рента подобного характера зафиксирована в 1 округе из 24, так что большого влияния на все другие она не оказывает.

Учитывая, что состав и объем продуктовых поборов поддерживается в том плане, как это показано выше, мы можем дать сводные данные о структуре феодальной ренты по всем округам, где обозначено количество деревень, а там, где таких сведений нет, — по общему количеству держаний.

В результате подсчетов были получены такие цифры:

барщина, продуктовая и денежная рента	51 село,
натуральная и денежная рента	94 села,
только денежная рента	11 сел,
только натуральная рента	нет
<hr/>	
Итого:	156 сел (из 17 округов)

Помимо этого, в 4 поддающихся обработке областях зарегистрировано 176 держаний, из которых смешанными платежами были обязаны 123, только деньгами — 51 и только продуктовой рентой — 2.

Таким образом, изучение структуры ренты во владениях бенедиктинского аббатства Кремсмюнстер по описям 1467—1468 гг. показывает, что в этом районе существовали три формы ренты. Среди них главное место занимала денежная, затем шла натуральная и на последнем месте стояла отработочная форма ренты.

Картина структуры и эволюции феодальной ренты в Верхней Австрии была бы не полной, если бы мы ограничились исследованием данных только по аббатству Кремсмюн-

¹²³ ÖU, Bd. 2, T. 2, S. 310—311.

стер. Для более обстоятельного и широкого изучения вопроса мы привлекаем материалы описи монастыря Шпиталь от 1492 г., вотчины которого смыкались с землями аббатства.

Монастырю Шпиталь принадлежало 37 крупных сел (более 500 держателей). Опись 1492 г. разделяет все владения на 2 округа — Верхний и Нижний Гарстенталь (соответственно 24 и 13 сел).

Состав феодальной ренты, ее объем и соотношение отдельных видов во владениях монастыря значительно отличаются от того, что мы видели в Кремсмюнстерском аббатстве. Эти различия проявляются в следующем.

В описи владений 1492 г. денежная форма ренты поступает по 2 статьям — за счет налогов и коммутации отработочных и натуральных повинностей. Нигде в урбарии нет пометок о том, что определенная денежная сумма взимается в качестве земельного чинша, хотя речь идет именно об этой категории доходов. Порою денежные суммы даны в источнике без определения разряда поборов. Например, повинности держателей села Гарстенталь описаны так: «От мельницы 30 ден., от владения в Мозе на день св. Георгия 60 ден. С владения в Винстертале 12 ден.»¹²⁴.

Кроме земельного чинша, крестьяне платили еще и налог, который не имел строго установленной величины и срока выплаты. повинность этого рода относилась к разряду экстраординарных, взимаемых по произволу и от случая к случаю. В примечании к описи на этот счет сказано, что налог крестьяне платят при нужде, когда господин захочет совершить путешествие куда-либо. Тогда подданные обязаны помочь ему, выплатив нужную сумму денег¹²⁵.

Денежные доходы феодала складывались также из поступлений от коммутированных повинностей отработочного и натурального характера. Следует отметить, что случаев перевода барщин и продуктов на деньги во владениях монастыря Шпиталь меньше, чем в аббатстве Кремсмюнстер. К тому же коммутации подвергаются не все виды продуктов.

В отличие от денежных, натуральные поборы в вотчинах монастыря разнообразнее и выше по объему. Почти по-

¹²⁴ OU, Bd. 2, T. 2, SS. 543, 544.

¹²⁵ Ibidem, S. 611.

всеместно здесь зарегистрированы пшеница, овес. Объем этого рода поборов довольно значителен — с держателя надела феодал взыскивал по 1—2 меры пшеницы, а иногда и того больше — 12 мер¹²⁶, в пользу официала и приходского священника крестьяне отдавали по 0,5 меры овса, а земельному господину — до 9 мер¹²⁷. Брали с крестьян также цыплят, кур, яйца.

К описанию состава и объема феодальных поборов необходимо добавить данные по владениям в Нижнем Гарстентале, где было 13 крупных сел. Особенностью этого района является отсутствие барщинных повинностей, причем здесь нет и пометок о коммутации их. Рента в этих районах состояла, таким образом, только из натуральных платежей и денег. В числе первых взимался овес, лен, куры, яйца, сыры, хлеба; часть продуктов была коммутирована (большой разницы с Гарстенталем в этом отношении не наблюдается). Денежные поборы складывались из земельного чинша и поступлений за счет коммутации продуктовой ренты. Объем платежей практически тот же, что и в соседнем районе.

Изучение состава и объема отдельных видов феодальной ренты позволяет нам подойти к анализу ее структуры и, следовательно, к выяснению вопроса о методах эксплуатации крестьянства в Верхней Австрии в конце XV — начале XVI вв. С этой целью мы приводим таблицу, которая показывает, насколько широко были распространены те или иные формы ренты. Пользуясь данными описи, мы выясняем, что

барщины, натуральные и денежные платежи были в	20 селлах,
смешанные платежи без барщин	в 12,
только денежные платежи	в 5,
только натуральные	нет.
<hr/>	
Итого:	37 сел.

Таким образом, во владениях монастыря Шпиталь широко были представлены все три вида ренты. Главное место среди них занимала денежная (37 сел), на втором и

¹²⁶ ÖU, Bd. T. 2; S. 543.

¹²⁷ Ibidem.

третьем была натуральная (32 села) и отработочная (20 сел). Но если денежные и натуральные поборы платили почти все держатели, то с барщиной дело обстояло несколько иначе. В каждом из 20 сел, где она зарегистрирована, часть крестьян вообще не выполняла отработочных повинностей. Так, в селе Гарстенталь из 23 держателей отработками были обязаны 20¹²⁸, в Лангватте — 14 из 18¹²⁹, в Винкле — 17 из 25¹³⁰, в Губанитце — 10 из 16¹³¹, в Тамбахе — 12 из 16¹³², в Эдльбахе — 5 из 8¹³³ и т. д. Кроме того, встречаются держания с очень незначительным объемом барщин (по 1—2 дня). Все это дает основание говорить о том, что по крайней мере только две трети держателей выполняли полную меру отработок.

Выяснить долю денег и продуктов в общей массе повинностей сложнее. Денежная рента с учетом поступлений за счет коммутации натуральных и барщинных повинностей обычно колебалась в пределах от 40 до 100 пф. с держания. Средняя норма натуральных поборов была равна 1—2 мерам пшеницы, 3—9 мерам овса, 1—2 цыплятам, 40—80 яйцам. По массе продукты несколько преобладали над деньгами. Однако отсутствие сел, где крестьяне платили бы только натуральную ренту, а также наличие денежных платежей во всех 37 селах монастыря бесспорно свидетельствуют о глубоком проникновении денег в хозяйство вотчины и, если не о преобладании их над натуральными платежами, то о равновесии между ними, хотя надо сказать, что по сравнению с 1467—1468 гг. удельный вес денежной формы ренты понизился.

Выводы

Анализ структуры и эволюции феодальной ренты в Верхней Австрии показывает, что в этом районе на протяжении XV — начале XVI вв. имели место все три вида феодальной ренты.

---

¹²⁸ OU, Bd. 2, T. 2, S. 541—544.

¹²⁹ Ibidem, SS. 546, 547—548.

¹³⁰ Ibidem, S. 550—553.

¹³¹ Ibidem, S. 554—555.

¹³² Ibidem, S. 556—558.

¹³³ Ibidem, S. 559—560.

Сосуществование страбсточной, продуктовой и денежной ренты ни в коем случае не предполагает их равномерного распределения в системе крестьянских повинностей. Источники показывают, что в Верхней Австрии в изучаемый период господствовала денежная форма ренты. Однако к концу XV — началу XVI столетия здесь происходит некоторое увеличение доли натуральных платежей. Вследствие этого удельный вес денежных поборов несколько снижается, приближаясь постепенно по размерам к продуктовой ренте.

Параллельно увеличению объема натуральных и уменьшению денежных повинностей в конце XV—начале XVI вв. в Верхней Австрии растет барщина. Этот процесс протекает не только за счет расширения разновидностей обязательных работ, увеличения их объема, но и за счет рекоммутации отработок. Оставаясь на последнем месте среди других видов феодальной ренты, барщина в течение второй половины XV века увеличилась почти в три раза, достигнув в отдельных районах Верхней Австрии 12—14 дней в году.

Рекоммутация натуральных и отработочных повинностей, снижение доли денежных платежей в массе феодальных поборов свидетельствуют о том, что в этом районе страны намечается зарождение того типа вотчины, который имел широкое распространение в землях Восточной Европы. Однако следует заметить, что черты хозяйства фольварочного типа в Верхней Австрии этого периода крайне неопределенны. Проследить их формирование и кристаллизацию можно лишь на материале источников конца XVI — начала XVII столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

- Ю. К. Некрасов.* Очерк из экономической истории Германии конца XV — начала XVI вв. (По материалам южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний) 3
- В. Н. Дядечкин.* Структура и эволюция феодальной ренты в Верхней Австрии в XV — начале XVI вв. . . . 193
-

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ XV—XVI вв.

ГЕ00212. Сдано в набор 14. 10. 1969 г. Подписано к печати 4. 12. 1969 г.
Формат 60×84/16. Бум. л. 7,125. Печ. л. 14,25. Тираж 500. Заказ 5185.
Цена 90 коп.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калининна, 3.

90 коп.